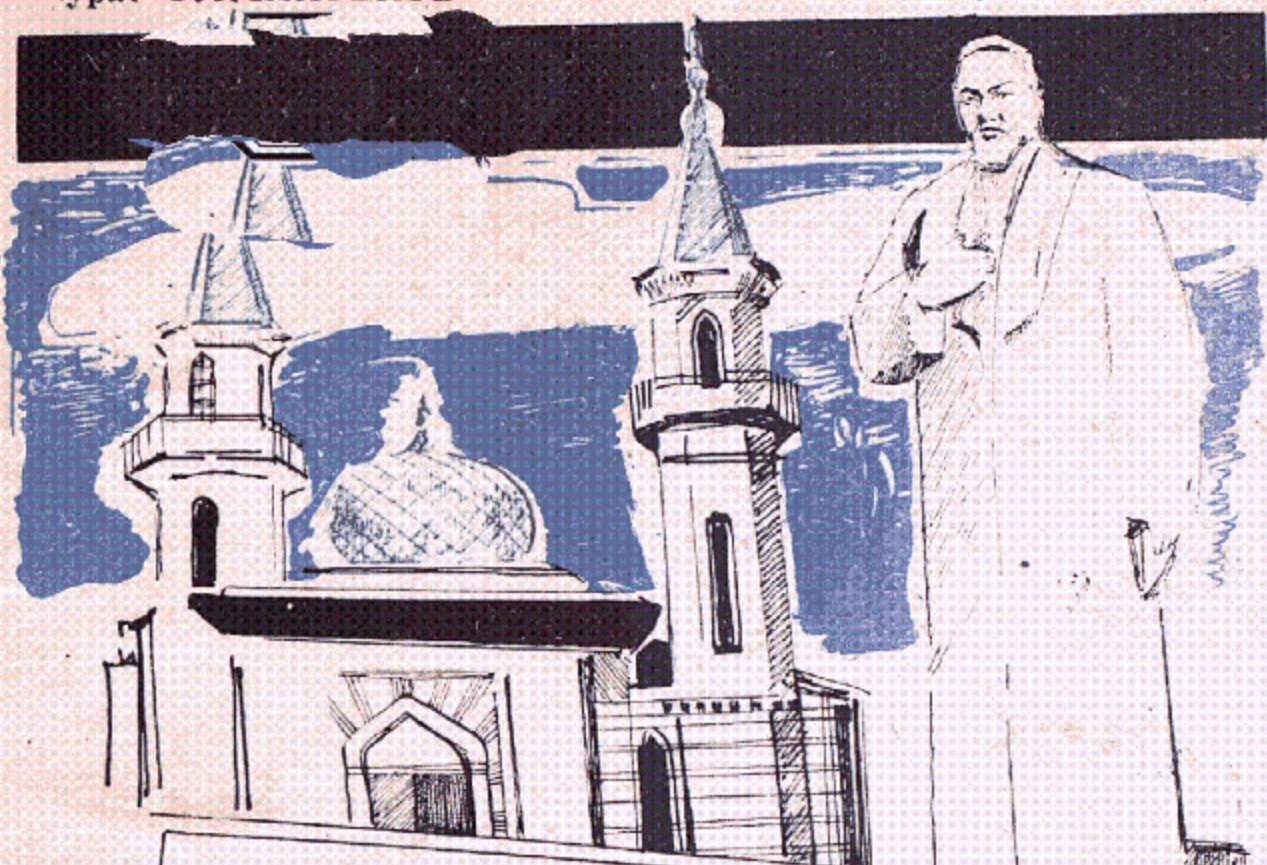

Мурат СУЛТАНБЕКОВ

Всю
жизнь
с
Абаем

МУРАТ СУЛТАНБЕКОВ

Национальной
Библиотеке
Казахстана с населением
дальнейшего обогащения
фондов и творчества
Анвар
М. Султанбеков

Всю жизнь

с Абаем

монография

18.09.2003
г. Алматы

г. Семипалатинск, 1995 г.
ЛитПИА «Айпара».

Автор монографии «Всю жизнь с Абаем» («Традиции Абая в развитии казахской литературы») — кандидат филологических наук Мурат Рахимжанович Султанбеков около 40 лет занимался изучением и популяризацией жизни и творчества классиков казахской литературы Абая (Ибрагим) Кунанбаева и М. О. Ауэзова.

Он десятилетиями занимался в архивах Москвы, Алматы и Семипалатинска, встречался и беседовал с современниками, потомками, земляками Абая и Ауэзова и с известными писателями.

Почти все материалы, включенные в данную книгу, в разное время были опубликованы в журналах «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Ахикат» («Истина»), «Простор», в газетах «Казахстанская правда», «Иртыш», «Семейтаны», «Иртышские огоньки» и др. и получили достойную оценку читателей.

Также в книгу включены написанные впервые на русском языке статьи и очерки об Ахмете Байтурсынове, Шакариме Кудайбердиеве, Миржакупе Дулатове, Толеужане Исмаилове, композиторе Бекене Жамакаеве и др. современниках и последователях Абая.

ВВЕДЕНИЕ

Когда-то давно мне запомнились слова одного из старейших пушкинистов, который, умирая в преклонном возрасте, сказал: «Я счастлив тем, что всю жизнь находился рядом с Пушкиным». Этот профессор жил уже через сто лет после Пушкина, но какой глубокий и волнующий смысл заключен в его последнем признании.

По аналогии я и дал название этой своей книге — «Всю жизнь с Абаем». На самом деле это так, потому что мне суждено было родиться в доме, расположенном по улице Комиссарской (прежде — Полицейская), где за несколько кварталов находится двухэтажный особняк Аппияра Молдабаева. В этом доме, приезжая из аула в Семипалатинск, останавливался Абай Кунанбаев, в нем долгие годы (1941—1986) размещался Республиканский литературно-мемориальный музей Абая.

Мои родители были родом из Чингисской волости, поэтому, возможно, прежде всего с раннего детства в нашей семье звучали и были на слуху песни, стихи, афоризмы и высказывания Абая и Шакарима Кудайбердиева, ставшие по словицам, поговоркам и крылатыми выражениями.

В студенческие годы первыми моими серьезными наставниками стали такие фанаты (в лучшем смысле слова) литературы, литераторы-профессионалы, как Леонид Михайлович Перелыгин, Мстислав Иванович Шаталин, Валерий Илларионович Травников, Каюм Мухамедханов. Еще на третьем курсе Каюм-ага непосредственно приобщил меня к абаеведению, поручив перевод на русский язык поэму Акылбая Кунанбаева (сына Абая) «Дагестан».

После службы на Тихоокеанском флоте мне довелось работать два года (1966—1968) научным сотрудником в музее Абая в Семипалатинске. Тогда окончательно созрела и

оформилась мысль о подготовке кандидатской диссертации по теме «Поэмы Абая».

Будучи соискателем кафедры казахского языка и литературы КазГУ имени Аль-Фараби и в период написания и защиты диссертации мне посчастливилось общаться, обмениваться мнениями и консультироваться у таких видных абаэведов и мэтров казахской литературы, как Есмагамбет Исмаилов, Бейсенбай Кенжебаев, М. И. Сильченко, Абдилыда Тажибаев, Мухамеджан Каратаев, Темиргали Нуртазин, Саду Машаков, Мырзабек Дүйсенов, Е. В. Лизунова, Ануар Алимжанов, Мукагали Макатаев, Олжас Сулейменов, Бельгибай Шалабаев, Хангали Суюншиалиев, Заки Ахметов, Л. М. Ауэзова, Камен Оразалин, Мурат Ауэзов, Толеген Айбергенов, Такен Алимкулов, Мухтар Магауин, Рымгали Нургалиев, Мекемтас Мырзахметов, Отеген Кумисбаев, Аманжол Шамқенов и многие другие.

Жизнь, оказывается, действительно настолько коротка и быстротечна, что не о всех о них мне довелось написать. Однако замечательное творчество всех их созидалось и создавалось под общей путеводной звездой Абая, и в этом не может быть и нет никакого сомнения.

Моим научным руководителем стал современник и единомышленник М. О. Ауэзова, известный профессор Бейсенбай Кенжебаев, именем которого ныне названа одна из республиканских премий. Это тот самый Бейсекен-ага, который еще в двадцатые годы, когда в республике проходила пресловутая дискуссия о народности творчества Абая, будучи московским студентом, от имени своих однокашников — земляков написал открытое письмо в защиту основоположника новой казахской письменной литературы. И вот в 1971 году на Ученом совете КазГУ, носившем тогда имя С. М. Кирова, с оценкой «единогласно» защитил я кандидатскую диссертацию и стал называться «абаэведом». К этому титулу не мог долгое время привыкнуть и пугался его до тех пор, пока не называли меня таковым в монографиях Хангалия Суюншиалиева, Шамшиябану Сатпаевой, Мекемтаса Мырзахметова и в кандидатских и докторских диссертациях по истории казахской литературы.

Абаэведение — трудная, сложная и одновременно захватывающая отрасль казахского литературоведения. Сама жизнь и творчество Абая как явление гениальное неординар-

ны, непредсказуемы и магнетически многообразны, потому что они глубокомысленны и содержательны настолько, что в разные эпохи, даже в разные периоды жизни одного человека могут проявиться по —разному, как лакмусовая бумага, даря при этом какие-то новые точки соприкосновения и удивительные, неожиданные открытия...

В данной монографии собраны почти все мои статьи, очерки, эссе, рецензии, которые так или иначе связаны с гениальной личностью Абая. Она состоит из трех глав: 1) «Основоположник новой казахской письменной литературы», 2) «Основоположник абаеведения», (о жизни и творчестве М. О. Ауэзова) и 3) «Современники и потомки — последователи Абая». Также впервые в книге публикуются переводы на русский язык бесценных и содержательных воспоминаний Турагула Кунанбаева «Об Абае, о моем отце», Ахмета Ауэзова, Бейсенбая Кенжебаева о Мухтаре Ауэзове.

В таком расположении глав и в определении названия книги как «монография» есть свой закономерный резон. Как известно¹, об Абае в дореволюционное время написано очень мало, сохранились две фотографии (на одной он запечатлен в кругу своей многочисленной семьи, а на другой снят вместе с сыновьями — поэтами Акылбаем и Турагулом) и прижизненный портрет, нарисованный П. Д. Лобановским, ссыльным революционером,

Надо признать, что монография «Всю жизнь с Абаем» носит несколько «местнический» характер, что в свою очередь подтверждает ее монологическую направленность.

Начиная с 1966 года, мне постоянно приходилось писать и публиковать в печати, выступать с лекциями о жизни и творчестве Абая. Все эти материалы собраны и сосредоточены в первой главе.

Во второй главе помещены статьи, очерки и рецензии относительно жизни и творчества Мухтара Омархановича Ауэзова, писателя — академика, классика казахской литературы, основоположника абаеведения.

В третью главу включены статьи и эссе об учениках — последователях, современниках и потомках Абая-Акылбае, Магавье, Турагуле Кунанбаевых, Асете Найманбаеве, о ре-

---

1. См. М. Мырзахметов. Абаеведение. Библиографический указатель. А., «НАУКА», 1988 г.

прессированных в 30-е годы писателях Ахмете Байтурсунове, Шакариме Кудайбердиеве, Миржакупе Дулатове, о наших современниках - Габите Мусрепове, Касыме Аманжолове, Олжасе Сулейменове, Толеужане Исмаилове и других.

Когда-то Абай мечтал о казахском театре, проводил в ауле литературные вечера и импровизированные концерты. А Мухтар Ауэзов написал пьесу «Енлик и Кебек» и в 1917 году поставил первый в степи спектакль в ауле Абая.

Автор в силу своих возможностей раскрывает пути и перипетии влияния традиции Абая на развитие и рост казахской современной литературы.

ОСНОВОПОЛОЖНИК НОВОЙ КАЗАХСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Человек, мыслитель и поэт.

Наш город имеет богатейшие литературные традиции. Не будем перечислять имена великих писателей, которые жили и творили в Семипалатинске. Достаточно сказать, что в нашей области жил, вел общественную и литературную деятельность основоположник казахской письменной литературы, великий гуманист и мыслитель Абай (Ибрагим) Кунанбаев.

По улице Комиссарской стоит двухэтажный дом, окруженный пышной зеленью. Этот дом когда-то принадлежал ученику и дальнему родственнику поэта. Апияру Молдабасву. Он рос сиротой и получил образование, благодаря Абаю, а затем служил толмачем в Сибирском торговом банке. В этом доме ежегодно останавливался Абай во время своих частых наездов в город. Есть здесь комната, которая была специально отведена для Абая, где он занимался и жил, встречал и принимал друзей и многочисленных поклонников его таланта.

Трепетное волнение охватывает человека, когда по ступеням он идет и входит в дом — музей великого поэта. Этот дом, эти стены помнят страстного жизнелюба, до конца преданного защитника правды и справедливости, певца гор и степей. В книге отзывов музея самые различные адреса: Алматы и Чимкент, Караганда и Гурьев, Тбилиси и Киев, Южно-Сахалинск и Москва. Интересно и то, что студенты приходят с домброй и поют песни Абая в мемориальной комнате поэта. Великая любовь к великому человеку! Имя замечательного сына казахского народа стало известно и почитаемо во всех уголках страны и за рубежом. А сам Абай провел жизнь, полную слез и страданий, нечеловеческих обид и травли, окружен

ный тьмой и невежеством. На шестидесятом году жизни «угас, как светоч, дивный гений».

Родился Абай 10 августа (по старому стилю) 1845 года на джайляу Каскабулак, Чингисской волости (ныне Абайский район) Семипалатинской области. Тучные пастбища джайляу, серебристые воды Каскабулака и Баканаса, величавые перевалы Чингисских гор с детских лет окружали поэта, глубоко запали в его душу, стали колыбелью лучших стихов о природе и впоследствии в стихотворении «ЛЕТО» он писал:

Лето — солнечная пора!
В тучных, в шелковых травах степь
От душистых цветов пестра,
К полноводной реке аул
На кочевье пришел с утра.

На впечатлительного, чуткого мальчика угнетающе действовала атмосфера полигамной семьи, потому что жены — соперницы и дети постоянно враждовали между собой. К счастью, мать Улжан и бабушка Зере, которая души не чаяла в маленьком Абае, были на редкость чуткими, отзывчивыми людьми и вниманием и лаской скрашивали тяжелое детство будущего поэта. Бабушка Зере рассказывала Абаю сказки и легенды, напевала песни. Надо сказать, что с самой колыбели бабушка Зере окружала Абая песней. Она сама складывала маленькие припевки, посвящая их внуку, и пела, убаюкивая его:

Альди, альди, Абай мой,
Где-то конь пасется твой,
Возьму попону и узду.
Только где коня найду.

В юрте бабушки Зере желанными гостями были странствующие акыны, певцы, музыканты. Мальчик Абай был бесконечно счастлив, когда слушал виртуозную игру домбристов и вдохновенные песни акынов. И мать Улжан окружала любовью сына Ибрагима. Она ласкательно называла его Абай, и это имя сохранилось на всю жизнь поэта. Прямой противоположностью им был отец Кунанбай, своенравный властитель степи, старший султан, волостной управитель, би и хаджи.

Азы учения получил Абай у муллы Габитхана, татарина по национальности, который бежал от призыва в рекруты, нашел приют в ауле Кунанбая и там осел. Когда Абаю исполнилось десять лет, Кунанбай отправил его в Семипалатинск в медресе Ахмета-Ризы. (Это медресе помещалось в мечети, которая стояла на том месте, где сейчас находится здание Облпотребсоюза). Шакирды получали там знания. Основными обязанностями их были пятикратное чтение молитв, соблюдение постов, споры над буквой шариа, заучивание непонятных арабских молитв. Единственным светочем в стенах медресе стала для Абая восточная поэзия. И, впервые взяв в руки перо, Абай обратился к именам восточных классиков: «Физули, Шамси, Сайхали, Фирдауси, Саади, Навои и Хафиз, — к вам все мольбы мои, поддержите поэта, прошу я».

На четвертом году обучения Абай самозвольно стал посещать русскую школу и проучился там три-четыре месяца. Это был первый луч, который только указал дорогу к благодатному источнику — русской культуре.

Надеждам, с которыми юный Абай пришел в русскую приходскую школу, не суждено было сбыться. Степной правитель Кунанбай чувствовал, что его силы иссякают и что ему нужен достойный помощник и преемник. Из всех своих сыновей на это поприще Кунанбай избрал Абая и отозвал его в аул. Рано пришлось Абаю окунуться в гущу междоусобной борьбы степных воротил, познать горечь несправедливости, разрешать споры. По воле своенравного отца Абай был вынужден рано жениться. Но ничто не могло удержать его неудержимого порыва к русскому языку и культуре. В отчаянье он решает идти по-другому к своей цели. Он выбрал из своих младших братьев самого способного Халиоллу и добился у Кунанбая разрешения на обучение его в русской школе. Халиолла стал надеждой и опорой Абая. Он окончил Омский кадетский корпус, служил в том же городе, был связан, наверное, дружескими отношениями с Чоканом Валихановым. Когда приезжал в аул, Халиолла постоянно пропагандировал среди молодежи русскую художественную литературу и взгляды русских революционных демократов. О нем даже писал известный востоковед Г. Н. Потанин в своей статье «В юрте последнего киргизского царевича», посвященной Чокану Валиханову.

По свидетельству многих современников Абая, он начал зачинять стихи в виде импровизации и писем — посланий с

двенадцатилетнего возраста. Но произведения раннего периода творчества поэта сохранились далеко не полностью. Причиной этому послужило то, что в то время среди казахов слабо была развита письменность, отсутствовали мемуары, записи современников. Немаловажное значение имело и то, что феодально — байская знать, окруженная невежеством, не понимала роли поэта и самодовольно заявляла: «Слава богу, из нашего племени не выходило ни одного баксы и акына». И сам Абай под влиянием такого отношения к поэту бездарных и чванливых баев ранние стихи выдавал за стихи своих молодых друзей и родственников.

Включившись в общественную деятельность в степи, Абай проявил незаурядные ораторские способности, знание поговорок, изречений бисев и других видов устного народного творчества. И очень скоро он стал очень популярным и в среде феодально—родовой верхушки; и в народе. В 1875 году Абай стал волостным управителем Архатской волости. К этому времени он был достаточно подготовлен, чтобы действовать сообразно своим убеждениям, пресекая межродовую вражду, раздоры и взятки.

Всю свою жизнь Абай выступал за справедливость. Он является одним из тех великих просветителей, которые решительно выступили за гуманное отношение к женщине.

Например, будучи руководителем съезда, Абай помог выйти замуж за любимого человека умной одаренной девушке Шокей, которая выразила свои протесты в стихах.

К сорока годам Абай становится образованным, культурным человеком. Он постоянно изучает народные поэтические произведения, творчество восточных поэтов и, главным образом, русскую классическую литературу. И только летом 1886 года Абай, написав прекрасное стихотворение «ЛЕТО», впервые решился поставить под ним свое имя. С первых же стихов своей зрелой поэтической деятельности Абай ставит себе целью открыть народу глаза на причины его страданий. В стихотворении «Бесчестный, зверя жадней...» он писал:

Бесчестный, зверя жадней,
Грязный в словах и делах, —
Такой герой наших дней
Правит тобою, казах.

В это время, в 1870 году, в Семипалатинске произошло знакомство Абая с политическим ссыльным Михаэлисом, а через него и с другими ссыльными революционерами Долгополовым А. И., Леонтьевым А. А., Гроссом С. С. и другими. Это знакомство вскоре перешло в большую дружбу. Многие из русских друзей месяцами гостили в ауле Абая. А Лобановский создал единственный прижизненный портрет Абая, который выставлен сейчас в музее поэта. Русские друзья помогали самообразованию Абая, составляли список литературы, привлекали к общественной работе. Абай был одним из организаторов Семипалатинского краеведческого музея. В 1885 году он передал музею около шестидесяти экспонатов, связанных с этнографией казахского народа. Абай был действительным членом статистического и географического обществ. Абай и его сыновья Акылбай и Магавьи состояли действительными членами «Общества поощрения о начальном образовании».

М. О. Ауэзов, говоря о взаимоотношениях Абая с русскими друзьями, подчеркнул, что «друзья Абая и сами много почерпнули у него, пользуясь его глубокими и обширными сведениями по истории, обычному праву, поэзии и искусству, экономике и социальном быту многих народов, родственных казахам».

Абай обладал обширными знаниями не только в области художественной литературы, но и изучал историю и философию.

В 1885 году Семипалатинск посетил известный американский путешественник и журналист Джордж Кеннан, который написал книгу «Сибирь и ссылка». В конце прошлого века эта книга была очень популярна во всем мире.

Интересно, что в ней убедительно пишется о том, что Абай изучил английскую философию, читал произведения Бэка, Дрэнера и др.

В сближении казахской и русской культур Абай видел единственно верный путь спасения казахского народа от вековой темноты. В своих произведениях Абай внушал казахскому народу то, что нужно уметь отделять русский народ от царских колонизаторов. В своих «Назиданиях» («Гаклия») Абай писал: «Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза. Изучай культуру и искусство русских. Это — ключ к жизни»...

Мечты и чаяния Абая воплощены в его пророческих стихах;

...Бессмертные слова ты
оставляешь миру.
Так можно ли сказать:
«Ты превратился в тлен».

Произведения Абая Кунанбаева переведены на языки братских народов Союза и на языки других стран. Имя великого сына казахского народа стало известно во всем мире.

1966 г.

АБАЙ (ИБРАГИМ) КУНАНБАЕВ (1845—1904)

У каждого народа обычно бывает великий и основной классик родной литературы, который считается светилом и мерилom в развитии национальной культуры.

Академик Д. С. Лихачев в интервью по случаю 175-летнего юбилея Т. Г. Шевченко сказал; «Великий kobзapь Тарас Шевченко был рожден на счастье украинского народа». Перефразируя это удивительно емкое определение о классике украинской литературы, можно с уверенностью сказать, что Абай Кунанбаев был рожден на счастье казахского народа. Основоположник новой казахской письменной литературы, родоначальник национального литературного языка Абай (Ибрагим) Кунанбаев родился 10-го августа (по старому стилю) 1845 года в урочище Каскабулак Чингисской волости (ныне Абайский район Семипалатинской области) в семье Кунанбая Уськенбаева, предводителя рода Тобыкты племени Аргын.

Пользуясь возможностями, представленными демократией и гласностью, хотелось бы более подробно остановиться на родословном древе (шежире) и родственниках Абая, поскольку эти сведения необходимы для познания многих исторических событий в жизни казахского народа, развития социально-экономических условий, различных конфликтных ситуаций, общественных и личных взаимоотношений, хронологию событий и, наконец, научно-обоснованного творческого пути самого поэта.

Испокон веков огромную территорию от Византии до пределов Китая занимали различные древнетюрские роды и племена, которые в соответствии с историческими и географическими условиями объединялись в родо-племенные союзы и образовали малые государства и каганаты во главе с вождями и каганами. Между ними и другими соседями—народами

(китайцами, жужанами, монголами, персами, арабами, джунгарами и др.) происходили непрерывные войны, нашествия и набеги. Об этом свидетельствуют древнегреческие, арабские, китайские, русские летописи и книги, а также произведения древнетюркской литературы и Орхоно-Енисейские надгробные надписи в честь каганов Культегина, Тоньюкука и другие.

Официальная история образования казахской народности и нации связывает с известным драматическим событием 1456 года, когда батыр из племени Кипчак Кобланды убил султана Даирходжу, сына Кодана из племени Аргына. В ответ на такой трагический акт султаны Аз-Джанибек и Гирей (сыновья Барак-хана) потребовали от хана Абулхаира голову Кобланды (герой народного эпоса и одноименной пьесы Мухтара Ауэзова «Кара кипчак Кобланды»). Но получив отказ, обиженные Гирей и Аз-Джанибек (аз—славный, добрый) со своими аулами откочевали на юг, к берегам реки Чу. Считается, что это время (1456 год) и есть начало образования казахской народности. Однако это не совсем достоверно, потому что разные племена и роды одного названия входили в состав разных народностей. Тем более, что в то время имело место смешение понятий «казах» и «узбек». Вот, как, например, писал среднеазиатский ученый XVI века Рубехан об этом; «Три народа относятся к узбекам, кои суть славнейшие во владении Чингисхана.

На сегодняшний день один из них — все племена, относящиеся к Шейбану..., второй народ — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью и третий — мангыты, кои суть цари астраханские... Ханы всех этих трех народов находятся между собою в постоянной вражде и каждый из них посягает на другого». (История Казахской ССР. В 2-х томах, т. 1. Алматы, 1956, с. 139).

По свидетельству историков разных времен и эпох примерно в XVI столетии население нынешнего Казахстана было разделено на три джуза: Большой джуз, Средний джуз и Маленький, т. е. Малый джуз. Впоследствии, при вхождении Казахстана в Российскую империю, это деление на джузы искусственно поддерживалось и усугублялось, поэтому такая разрозненность казахского народа приняла исторический характер.

Абай был выходцем из Среднего джуза, куда входили шесть основных племен: Аргын, Найман, Уак, Керей, Кипчак, Қонырат.

Подробное шежире по истории казахского народа составлено Шакаримом Қудайбердиевым (ж-л «Жулдыз», № 1 за 1991 г.) и Мухамеджаном Тынышпасвым («Материалы к истории киргиз-казахского народа», Ташкент, 1925).

Есть версия о том, что Аргын был исторической личностью. Еще во времена Чингис-хана в 1262 году он избирался ханом. Однако достоверных или документальных сведений об этом нет.

Аргын считается старшим сыном или сыном старшего из братьев, поэтому это племя еще почтительно называется «Аргын-ага».

Абай принадлежал к роду Тобыкты племени Аргын. Одним из родных братьев Тобыкты был Қанжығалы, который был предком прославленного батыра, полководца и героя периода джунгарского нашествия Богенбая, поэтому его обычно в народе называют Қанжығалы Богенбай (1690—1775).

Двенадцатым потомком Тобыкты был Уськенбай. У него было пять жен и десять сыновей. Второй женой Уськенбая была Зере, которая родила единственного сына по имени Қунанбай (1804—1886).

По роману-эпосе Мухтара Ауэзова «Путь Абая» мы достаточно ярко и выпукло представляем себе художественный образ Қунанбая Уськенбаева, отца Абая. Но в силу необходимых условий, критериев, особенностей и требований художественного произведения в романе образ Қунанбая выведен в определенном аспекте, что мы обычно характеризуем его как крупного степного феодала, властителя степи, деспота, кровопийцу, жестокого притеснителя народа. Этот примелькавшийся стереотип образа Қунанбая не совсем отвечает действительности. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания и сведения его близких родственников и потомков, в том числе рукописные книги и очерки Турагула Қунанбаева, Архама Искакова, Ахата Қудайбердиева и др.

Польский ссыльный революционер Адольф Янушкевич, который около тридцати лет провел в казахских степях и неоднократно участвовал в русских экспедициях по историко-

географическому изучению этого края, был свидетелем пребывания Кунанбая в аулах Большого джуза. Там казахи особо почтительно и приветливо встречали уважаемого гостя Кунанбая, устраивали в его честь игры и состязания, пышные угощения, что это вызвало удивление даже у много повидавшего в жизни Адольфа Янушкевича. И он в своей книге «Дневники и письма из путешествия по казахским степям» восторженно описывает эти картины и в заключение дает Кунанбаю такую краткую и емкую характеристику: «Он выглядел истинным степным пророком».

Здесь, конечно, заключено определение разных и несомненных достоинств Кунанбая. Прежде всего, очевидно, польского революционера поразили его величественная фигура и благородный внешний вид. Однако внешний вид Кунанбая, надо полагать, соответствовал его внутреннему содержанию.

Много разнообразных деяний и благородных поступков совершил Кунанбай за свою жизнь во благо народа и всеобщего признания своей незаурядной личности. Среди них неординарным и беспрецедентным событием можно считать грандиозный ас—годовые поминки, которые устраивал Кунанбай по случаю смерти своего отца Уськенбая. На этот ас предводитель тобыктинского рода пригласил влиятельных людей и знатных представителей всех трех казахских джузов. Все эти почтенные гости были размещены в специально для них воздвигнутых белоснежных юртах в разных живописных местах отдельными аулами. Самые находчивые и расторопные джигиты встречали и сопровождали гостей.

Так впервые стал известен Кунанбай казахам всех трех джузов. Невозможно перечислить все деяния Кунанбая, совершенные им за долгую, восемьдесят с лишним лет, жизнь. Два из них аксакалы хорошо помнят и с благодарностью вспоминают поныне. Это то, что он на свои средства и по своему намерению в Каркаралинске построил мечеть и медресе при ней, где обучались казахские дети. В последние годы местные жители проявили инициативу по восстановлению и реставрации этого здания, где намечается организация музея или культурно-просветительного центра. В народе эта каркаралинская мечеть называется «также Кунанбая».

Второе знатное дело, к которому был причастен Кунанбай, это — постройка гостиницы в Мекке во время своего па-

ломничества. На фасаде этого дома или здания было написано о том, кто его построил, и о том, что в этой гостинице могут свободно поселяться паломники — мусульмане, прибывшие из его страны. Ныне судьба этой гостиницы Кунанбая совершенно неизвестна. Были, конечно, и другие подобные благотворительные дела на счету отца Абая.

В 60-е годы во время проведения Абайских дней поэзии в Семипалатинске профессор Темиргали Нуртазин (кстати один из переводчиков на русский язык четырехтомной эпопеи «Путь Абая») впервые во всеуслышание выступил в защиту Кунанбая. В заключение своего выступления он сказал примерно так: «Нельзя такую значительную личность в истории казахского народа, как Кунанбай, все время показывать в черных красках. Надо помнить, что великий Абай мог родиться только у такого человека, как Кунанбай». И надо сказать, что Кунанбай, кроме Абая, породил и многих других заметных представителей казахской литературы и культуры. Это — сыновья Абая Акылбай, Магавья, Турагул Кунанбаевы, его племянники Шакарим Кудайбердиев, Какитай и Архам (отец и сын) Искаковы и др.

Обучившись первоначальной грамоте у аульного муллы Габитхана, десятилетний мальчик Абай по совету отца Кунанбая поступил в Семипалатинское медресе Ахмета — Ризы. Дом медресе располагался по улице Солдатской (ныне Красноармейская). Здание мечети сохранялось до 1949 года, пока не сгорело от пожара. На том месте сейчас расположено здание Облпотребсоюза. Медресе сохранилось и по плану реконструкции музея Абая намечено перенести его в пределы культурно — мемориального комплекса.

При медресе Ахмета—Ризы была богатейшая библиотека, где, в основном, помимо религиозной литературы, находились классические произведения древнетюрского наследия и средневековой поэзии. Если до медресе и впоследствии Ибрагим, прозванный бабушкой Зере и матерью Улжан уменьшительно — ласкательным именем Абай, постоянно знакомился с произведениями казахской народной литературы, то здесь, познав арабский, персидский, чагатайский (старо — узбекский) языки, прильнул к благодатному роднику восточной поэзии.

Когда молодой поэт Абай, начиная с десятилетнего возраста, взял в руки перо, то стал писать на так называемой

«книжном языке», где по тогдашней моде обильно использовались арабские, персидские и турецкие слова. В одном из первых стихотворений он обращается к духу восточных классиков:

Физули, Шамси, Сайхали,
Навои, Саади, Фирдауси,
Ходжа Хафиз, помогите,
Молодому поэту, умоляю и верю.

(Подстрочный перевод).

В медресе Абаю удалось проучиться всего 3 года и несколько месяцев, потому что Кунанбай, выделяя способностями его среди других своих сыновей, решил вернуть в аул, чтобы подготовить из него для себя достойного преемника и последователя. К концу учебы в медресе Абай самовольно в течение нескольких месяцев посещал русскую школу, где тесно приобщился к русскому языку и литературе. Отсюда и начинаются те три источника, которые основоположник обширной ныне отрасли казахского литературоведения — абаеведения, писатель — академик Мухтар Омарханович Ауэзов положил в основу своей концепции о трех источниках, питавших творчество великого поэта: казахская литература, восточная, русская и через нее западно-европейская...

По разным причинам Абай до 40-летнего возраста скрывал авторство относительно своих стихотворений. Одной из главных причин было то, что степные феодалы и аристократы (представители белой кости — ак сук) пренебрежительно относились к людям искусства и самодовольно заявляли: «Слава аллаху, что из нашего рода не вышли ни один акын и ни один баксы (шаман или колдун)».

Все творческое наследие Абая Кунанбаева составляет всего один большой объемистый том. В него входят исключительно живописная, высокохудожественная и доселе непревзойденная по своей философской глубине и завораживающе притягательной силе мастерства лирика поэта — классика, его три поэмы «Искандер» (об Александре Македонском), «Масгут» (на восточную тему) и незаконченное произведение «Сказание об Азиме» (до сих пор спорное относительно принадлежности его перу поэта), еще 45 слов назиданий (гаклия), очерк «Несколько слов о происхождении казахов» и письма. В лирику поэта мы включаем и его оригинальные и

великолепные переводы, среди которых есть 7 отрывков из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин», 29 стихотворений М. Ю. Лермонтова, II басен И. А. Крылова, стихи Байрона, Гете, Адама Мицкевича, Бунина, Полонского, А. А. Дельвига и других. Надо сказать, что Абай к художественным переводам подходил глубоко творчески и непринужденно, как поэт — соперник. Настолько они мастерски воплощались и звучали на родном языке, что казахи воспринимали и заучивали их наизусть также естественно и непринужденно. На некоторые из своих переводов Абай придумывал музыку и они звучали как казахские оригинальные песни. В частности, очень популярны были в народе песни «Письмо Татьяны» (По Пушкину), «Горные вершины» (из Гете — Лермонтова). А «Письмо Татьяны» настолько полюбилось молодежи, что она даже стала объясняться в любви через эту песню и нарекла Татьяну по-казахски уменьшительно-ласкательным именем «Татиш».

Также популярна и любима была в народе собственная лирика Абая. Первым признаком гениальности поэта Абая Купанбаева надо считать то, что при всем своем глубокимысленном и по — философски сложном внутреннем содержании стихи Абая легко запоминались и пелись, были исключительно музыкальны. Много стихотворений посвятил Абай раскрытию природы и значения поэзии. Он, например, писал:

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений,
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речений.

Перев. В. Звягинцевой.

Или в другом переводе эти строки Абая звучат так:

Стих — это вождь среди слов, ценнейший их убор,
Талантливый поэт слагает речь в узор,
Где все слова равны, густы, округлены,
Легки для языка, ласкают слух и взор.

Перев. Вс. Рождественского

Трудность перевода с казахского языка на русский поэтических произведений заключается прежде всего в том, что они относятся к разным языковым группам: агглютинативной

группы слова образуются путем прибавления аффиксов постепенно или, как еще говорят, склеивания, а во флективных языках, куда, в частности, относится и русский, слова образуются еще и по внутренней флексии или изменению. Есть еще вытекающие отсюда особенности и своеобразие в стихотворении. Однако пример самого Абая как великого мастера художественного перевода вселяет надежду и уверенность в том, что в будущем его прекрасная поэзия зазвучит на русском языке также полнокровно и чарующе, как и на своем родном.

О неравноценных переводах стихов Абая на русский и через него на другие нетюркские языки приходится вспоминать и говорить неоднократно, потому что они во всей своей волшебной силе и художественной прелести не доведены до русского читателя, потому что до сих пор нет-нет да появляются в печати слова претензии и даже нападки на личность и творчество гениального поэта — мыслителя. И невольно думается, что неслучайно однако Абай переводил басни дедушки Крылова и, в частности, его басню «Слон и Моська» — «Пил мен канден»...

Надо сказать, что Абаю Кунанбаю, как великому поэту — мыслителю, классику и основоположнику казахской новой письменной литературы, доставалось не только при жизни, его как «человека — загадку», как он сам себя определил, долго не могли до конца понять и в советское время даже сами казахи и несколько раз его творчество низвергали и возвышали вновь. Наконец, один из казахских поэтов сказал, что Абай родил сто поэтов, а сегодня сто поэтов не могут родить одного Абая.

Особого разговора достойно музыкальное творчество Абая. Его мелодичные песни, созданные на свои же стихи из превосходной любовной и пейзажной лирики популярны поныне, на такие, как «Ты зрачок глаз моих», «Шлю, тонкобровая, привет», «Восьмистишия», «Горные вершины» (из Гете) и многие другие. Многие современные казахские композиторы обращаются к творчеству Абая и создают популярные песни и романсы на его стихи.

Более или менее повезло переводам на русский язык слов назиданий (галкия) Абая. Некоторые из афоризмов и обобщенных изречений Абая в переводе Леонида Соболева зазвучали и на русском языке как пословицы и поговорки.

Например, «Слава — высокая скала. Уж на ее вершину добирается ползком, а орел единым взмахом крыла» или «Плохой друг, как тень, в ясный день убегай — не убежишь а в пасмурный день ищи — не сыщешь» и т. д.

Поэмы Абая «Искандер», «Масгут» заложили основы профессиональной поэмы в истории казахской литературы по сравнению с дастанами акынов и народным эпосом. Эту традицию великого поэта продолжили и развили дальше его сыновья Акылбай («Дагестан», «Зулус»), Магавья («Енлик и Кебек», «Медигат и Касым») Кунанбаевы, племянник Шакарим Кудайбердиев («Енлик и Кебек», «Калкаман и Мамыр», «Смерть Кодара») и последующие казахские поэты Асет Найманбаев, Мухамеджан Сералин, Магжан Жамабаев, Султан-Махмут Торайгыров, Машхур — Жусуп Копеев, Иса Байзаков, Касым Аманжолов и другие.

Почему-то Абай при жизни не стремился издавать свои произведения отдельными книгами. Но его творчество в виде песен и рукописных списков было знакомо и любимо широким кругом читателей и почитателей далеко окрест. При жизни Абая увидели свет в печатных изданиях только четыре стихотворения «Лето», «Вот и стал я волостным», «Описание лошади» и «Всадник с беркутом скачет в ранних снегах»...

Лучшим образцом пейзажной лирики Абая является стихотворение «Лето», написанное в 1886 году. Оно является первым опубликованным в печати произведением Абая. Но печатолось оно за подписью Кокпая Джанатаева. Правда, была оговорка, что описание заимствовано. Пояснительный заголовок гласит: «Общий вид аула киргиза Чингизской волости Семипалатинского уезда Кунанбаева в момент прикочевки на урочище Коп-бент при р. Баканас». А опубликовано «Лето» в 1889 году в «Особом прибавлении к «Акмолинским областным ведомостям» и в 1893 году А. Е. Алекторов поместил его в «Астраханском вестнике» (№ 1181), включив в свою работу «Народная литература киргизов». Затем также в «Особом прибавлении к Акмолинском областным ведомостям» (№ 12 за 1889 г.) было напечатано стихотворение «Вот и стал я волостным».

В 1897 году в Казане опубликованы два стихотворения Абая: «Описание лошади» и «Всадник с беркутом скачет в ранних снегах».

Вот и все, что было опубликовано из произведений Абая при его жизни. Но творения великого поэта — мыслителя и композитора были широко распространены среди казахов. Об этом М. О. Ауэзов писал: «Некоторые историки литературы, подчеркивая особое почитание народом известного грузинского поэта — классика Шота Руставели, говорят о том, что грузинские девушки при выдаче замуж вместе со своим приданым увозят поэму «Витязь в тигровой шкуре».

Нам тоже известно, как девушки — казашки перед замужеством заказывали таким переписчикам, как Мурсеит, Самарбай, Даирбай, произведения Абая, которые они прежде увлеченно читали и полюбили, и увозили в сундуках вместе со своим приданым.

Впоследствии, когда собирались и анализировались рукописи Абая, многие исследователи пользовались переписанными копиями, сохранившимися у группы девушек, как Уасиля, Асия, Рахилья, Габида, Каныш.

Распространение произведений Абая в таком рукописном виде имело место не только в среде рода Тобыкты и Семипалатинском уезде, но и стало это широко известным примером и традицией в Караоткелском, Керекуском, Каркаралинском, Усть-Каменегорском, Зайсанском, Лепсинском, Капальском уездах повсеместно» (смысловый перевод наш — М. С.).

При таком вообще-то стихийном распространении своих произведений Абай смог стать «Человеком — маяком своего народа» (Леонид Леонов).

Если есть в человеке талант и провидческий дар, то самообразование — великое дело. Еще тогда, когда Кунанбай вернул мальчика Абая в аул, прервав его учебу, будущий поэт одним из условий выдвинул то, чтобы один из одаренных младших братьев Халиолла был отдан на учебу в русскую школу. Халиолла учился в Омском кадетском корпусе, который в свое время окончил Чокан Валиханов. Приезжая на каникулы домой в аул, Халиолла привозил книги русских и зарубежных писателей и ученых. В ауле Абая проводились литературные вечера, где при спорных вопросах обращались к авторитетам Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева и др. Свидетельства об этом есть в очерке Г. Н. Потанина (друга и однокашника Ч. Валиханова). «В юрте последнего киргизского царевича».

Семипалатинск стал университетом Абая. Здесь в 1883 году, когда Абаю уже было 38 лет, открылась публичная библиотека. Об этой библиотеке и ее одном из активных читателей Абае Кунанбаеве с восхищением писал американский ученый, путешественник и писатель Джордж Кеннан в своей книге «Сибирь и ссылка».

Совсем недавно после полной реабилитации были возвращены родному народу имена и творческое наследие выдающихся писателей, ученых и общественных деятелей Ахмета Байтурсунова (1873—1937), Жусупбека Аймаутова (1889—1931), Магжана Жумабаева (1893—1938), Алихана Букейханова (1870—1938), Миржакупа Дулатова (1886—1935) и других. Все они были высокообразованные люди, ставшие истинными просветителями своего народа. К сожалению, после геноцида 30-х годов они канули в неизвестность, были забыты или полузабыты, или произносились только в черных красках, как А. Букейханов.

Тогда как Алихан Букейханов был реабилитирован, как лидер алашордынцев, еще в 1919 году специальным постановлением ВЦИКа. Оказывается, он содействовал и принимал непосредственное участие вместе с Какитаем Искаковым и Турагулом Кунанбаевым в издании первого сборника произведений Абая (через пять лет после смерти поэта), выпущенного в Санкт-Петербурге в 1909 году в типографии Ильяса Бораганского. Также он был автором некролога на смерть Абая, помещенного в «Семипалатинском листке» за 25 октября 1905 года. Этот номер газеты в раме и под стеклом был помещен в экспозиции музея Абая, открытого в 1940 году. Однако имя автора было тщательно закрашено черной тушью.

Помимо всех других заслуг Ахмета Байтурсунова, как поэта, писателя и общественного деятеля, достаточно сказать что он заложил основы казахской лингвистики. Это он придумал все или почти все современные казахские грамматические термины: бастауыш — подлежащее, баяндауыш — сказуемое, етистик — сказуемое и т. д. И вот этот высокообразованный человек, ученый и просветитель глубоко познал творчество Абая и точно определил его место в истории казахской литературы. Он написал обширную статью об Абае назвал ее «Главный казахский поэт» и опубликовал в издаваемой им самим газете «Казах».

Вызывает удивление тот факт, что все эти выдающиеся

поэты и писатели Жусупбек Аймаутов, Магжан Жумабаев (его Валерий Брюсов назвал «казахским Пушкиным»), Миржакуп Дулатов и др. единодушно признавали бесспорное первенство Абая в казахской литературе. В преддверии 150-летия основоположника новой казахской письменной литературы, родоначальника казахского литературного языка Абая (Ибрагима) Кунанбаева мы еще больше осознаем, что его гений неисчерпаем и с каждой новой эпохой каждое новое поколение находит в его творчестве что-то свое заветное и необходимое. Даже один отдельный человек, перечитывая произведения Абая в разные периоды своей жизни, находит еще какие-то дополнительные ценности, которые не смог постичь или прошел мимо ранее...

1991 г.

ПУТЬ К ПОТОМКАМ

Путь гениев к потомкам всегда труден и тернист. Какое непонимание и, надо сказать, постоянную травлю пришлось пережить великому новатору А. С. Пушкину. Известны умопомрачительные «взлеты» и «падения» Ф. М. Достоевского. Наконец, какой необыкновенно сложный путь прошел «Лев русской литературы» (М. Горький).

Но каков удел великого поэта-мыслителя, который по воле судьбы должен был родиться, жить и творить на земле номадов, на далекой окраине России, откуда начинался, по выражению неукротимого оптимиста А. Янушковича, «конец света»!*

Конечно, такое заявление ссыльного польского писателя прямолинейно и субъективистски утрировано. И в то же время известно, что культура Казахстана XIX века, страны, некогда развивавшейся в общем русле восточной цивилизации в силу исторических обстоятельств, находилась на далеко неотрадном уровне.

Абай при жизни не издал ни одного своего сборника. Впервые его стихи были изданы уже после смерти поэта в 1909 году в Санкт-Петербурге. Составили сборник племянник Абая Кактай Искаков и его сын Турагул. Сборник начинается краткой биографией Абая, написанной Кактаем.

При жизни Абая публиковались только отдельные стихи и те со значительными изменениями из-за их идейной направленности. К тому же надо иметь ввиду, что до сороколетнего возраста Абай распространял свои стихи под именем своего родственника, поэта Кокпая Джанатаева. Так поступал Абай из-за двух причин. 1) из-за чрезвычайной требовательности к своему творчеству, 2) из-за высокомерного и презрительного отношения представителей «белой кости» (казахской аристократии) к поэтам.

---

*А. Янушкевич. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. А., «Казахстан», с. 72.

Лучшим образцом пейзажной лирики Абая является стихотворение «Лето», написанное в 1886 году. Оно является первым опубликованным в печати произведением Абая. Но печаталось оно за подписью Кокпая Джанатаева. Правда, была оговорка, что описание заимствовано. Пояснительный заголовок гласил: «Общий вид аула киргиза Чынгизской волости Семипалатинского уезда Ибрагима Кунанбаева в момент прикочевки на урочище Коп-бент при р. Баканас». А опубликовано «Лето» в 1889 году в «Особом прибавлении к «Акмолинским областным ведомостям» и в 1893 году А. Е. Алекторов поместил его в «Астраханском вестнике» (№ 1181), включив в свою работу «Народная литература киргизов».

В 1889 году Абай создаст сатирическое стихотворение «Вот я стал волостным». Оно было откликом поэта-демократа на чрезвычайный съезд казахских родов Семипалатинской и Семиреченской областей, который состоялся в 1888 году в мае.

Это стихотворение также было напечатано в «Особом прибавлении к Акмолинским областным ведомостям» (№ 12 за 1889 год). Предпослан был ему такой заголовок: «Деятельность управителей №-го уезда на съезде, состоявшемся в мае 1888 года на урочище Акчетав, между киргизами Семипалатинской и Семиреченской областей».

Редакция газеты с целью ослабления демократического звучания стихотворения «Вот я стал волостным» дает его текст в третьем лице: «Иные люди, став управителями». Вследствие чего стихотворение, хоть и названо «фельетоном», звучит простым назиданием волостным управителям, потеряв свой обличительный характер.

А. Е. Алекторов помещает переработанное стихотворение «Иные люди, став управителями» в том же номере «Астраханского вестника», где напечатано «Лето».

В 1897 году в Казане опубликованы два стихотворения Абая: «Описание лошади» («С челкй пышной, как дубина, с ушами прямыми, как тростник») и «Всадник с беркутом скачет в равнинных снегах».

Вот и все, что было опубликовано из произведений Абая при его жизни. Но творения великого поэта и композитора были широко распространены среди казахов. Поклонники его таланта переписывали стихи, песни, поэмы в отдельные тетради, которыми дорожили аульчане и которые увозились даже

невестами в аул жениха как один из ценнейших предметов приданого. Среди переписчиков однимя особенно дорого абаеводам. Это — имя Мурсента Бекина (1860—1917 гг.). Он обучал грамоте аульных детей и по заданию Кактая Искакова стал собирать и переписывать бесценные творения Абая. Сейчас многие произведения Абая известны нам, благодаря рукописям Мурсента Бекина. Эти рукописи хранятся в архивных фондах Академии наук Казахстана и дома-музея М. О. Ауэзова.

Поскольку в дореволюционном Казахстане грамотность была низкая, народ заучивал произведения Абая наизусть и передавал из уст в уста. Имя Абая распространилось по всем трем джузам.

Имя Абая еще до Октябрьской революции проникло и в книги разных авторов. Есть несколько источников, в которых прямо или косвенно говорится о поэтической и композиторской деятельности Абая.

Известно, что Абай впервые перевел на казахский язык отрывки из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, к некоторым из этих отрывков он сам сочинил музыку, и эти своеобразные песни имели исключительный успех у казахской публики. Их распевали и старики, и молодежь. Это можно подтвердить словами Д. Львовича, который писал: «Признаюсь, сразу я собственным ушам не верил. Вообразите только, старый киргиз распевал не более, не менее как письмо Татьяны к Онегину... Письмо также имело всеобщий успех».

Отрывки из «Евгения Онегина» переведены Абасм в 1889 году и по мастерству перевода являются высокохудожественными образцами. Другим интересным источником, в котором дается свидетельство об эрудиции Абая, является книга американского журналиста и путешественника Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка». Эта книга на рубеже XIX и XX веков имела шумный успех. Она была передана на ряд ведущих языков, в том числе на русский. Приведем отрывок:

—... В ответ на мой вопрос Леонтьев² рассказал мне историю возникновения Семипалатинской библиотеки, говоря, что она не только служит утешением ссыльных, но и дала большой толчок умственной жизни города. Даже киргизы

1. Дм. Львович. По киргизской степи. Петроград, 1914, стр. 109.

2. Леонтьев — один из ссыльных русских друзей Абая.

пользуются ею. Я знаю старика киргиза, Ибрагима Конобая, который не только посещает библиотеку, но читает даже авторов, как Милль, Бокль и Дрэпер. — Неужто в Семипалатинске есть киргиз, способный читать Милля и Дрэпера? — воскликнул удивленный студент.

— Смею вас уверить. В первый же раз, как мы с ним встретились, он удивил меня просьбой объяснить ему разницу между индукцией и дедукцией. А потом я убедился, что он серьезно изучает английских философов и читал всех названных мною авторов.

— И вы думаете он понимает прочитанное? — допытывался все тот же студент.

— Я два вечера подряд экзаменовал его насчет «Умственного развития Европы» по Дрэперу. — Видимо, понимает!

Конечно, эти незначительные публикации произведений Абая и отдельные упоминания о нем в названных книгах не могли предопределить судьбу великого поэта-мыслителя. Они дороги для нас только тем, что лишний раз подтверждают реальность той высокой славы, которую приобрел Абай в степи. И именно эта слава предопределила тот факт, что Абай еще при жизни в 1903 году вошел во Всероссийскую географию. Там, в частности, сказано о нем следующее; «...как представителя нового течения в киргизской поэзии, следует назвать Кюмбая (в Семипалатинском уезде) — автора многих стихотворений, изящных по форме и поэтических по содержанию, особенно описания природы. Этому же автору принадлежат хорошие переводы «Евгения Онегина» и многих стихотворений Лермонтова, (который оказался наиболее понятным для киргизов); таким образом, у семипалатинских «оленгчи» (певцов) можно слышать, например, «Письмо - Татьяны» распеваемое, конечно, на свой мотив»¹.

Уже в двадцатилетнем возрасте Абай четко определил свое отношение к социально-политической обстановке, которая сложилась после реформы 1868 года. Он в 1875 году стал волостным управителем Коныр-Кокше-Тобыктинской волости.

---

1. Джордж Кеннан «Сибирь и ссылка», Санкт-Петербург, 1906, стр. 140

2. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, (под ред. П. П. Семенова-Тянь-Шаньского), Петербург, 1903, стр. 204

Это — высшая ступень для казаха в общественной лестнице царского самодержавия того времени. На этой должности Абай находился в течение трех лет и за это время царские чиновники об этой волости отзывались только положительно. Абай, вникнув в суть реформы 1868 года, понял «основной конфликт казахского общества, противоречия и борьбу развивающихся капиталистических элементов в недрах феодально-патриархальных отношений»¹.

Благодаря исключительной прозорливости, силе таланта Абай выполнил и свою основную историческую миссию. Он явился основоположником новой казахской литературы, утвердил в ней метод критического реализма. Под его непосредственным руководством и влиянием были созданы романтические поэмы Акылбая и Магавыи Кунанбаевых, Асста Найманбасва и др.

Хотя в условиях царского самодержавия Абай не сумел издать свои произведения отдельной книгой, имя его приобрело огромную популярность. Его стихи, песни и изречения были на устах казахов всех трех джузов.

Об Абае так или иначе писали русские писатели, ученые-исследователи. Об Абае писал американец Джордж Кеннан. И, наконец, Абай при жизни еще вошел во всеобщую географию.

Однако всеобщего признания Абай Кунанбаев получил только в наше время, заняв достойное место в истории советской многонациональной литературы. Достаточно сказать, что его произведения отдельными изданиями только на русском языке вышли семь раз (в 1936, 1940, 1945, 1951, 1954, 1958, 1966 годах). Из них три издания выпущены в Москве. В казахской филологической науке создана обширная отрасль — абаеведение. Об Абае написана всемирно известная эпопея М. Ауэзова.

Определяя значение и место Абая для прогрессивной культуры, писатель-академик М. О. Ауэзов сказал; «Поклонник критического разума, просвещенный рационалист, пламенный борец за культуру народа и трагический одиночка среди ханжей, стяжателей и среди косых седобородых старшин-феодалов, Абай был незаурядным явлением своей эпохи не только

---

1. М. С. Сильченко. Творческая биография Абая, г. Алматы, 1957, стр. 12.

в истории казахского народа, но и в истории всего Ближнего Востока».

О такой исторической роли личности Абая в эпоху царизма никто и не подозревал. Только через пять лет после смерти поэта в 1909 году был издан первый сборник его произведений, куда вошли 138 стихотворений и переводов и две поэмы «Искандер» и «Масгуд». При этом «Масгуд» был помещен не полностью. В конце поэмы недоставало 52 строк, которые впервые вошли в издание Абая 1939 года.

В эпоху царизма произведения Абая и после его смерти не получили должного внимания со стороны казахской интеллигенции и издательской общественности.

С 1909 по 1917 годы опубликовано всего четыре стихотворения в книге «Насихат Казакия», в сборнике «Красавица», изданных в 1909 году в Уфе и в Казани. Отрывки из стихотворений «В интерпате учатся», «Шутки дешевы, дорог смех» опубликованы в журнале «Айкап» (№ 4 за 1912, № 12 за 1914). В газете «Казахстан» (1911, № 3) появилось стихотворение «Будь разборчив в пути своем».

И только в 1917 году Самат Нуржанов издал в Оренбурге «Избранные стихи» Абая.

Для того, чтобы дать полную картину дореволюционной публикации произведений Абая, скажем, что в газетах «Сары-арка» (от 14 сентября 1917 года), «Бирлик туы», — «Знамя единства» от 11 октября 1917 года даны отрывки из гакляя (назиданий).

А также были попытки познакомить русского читателя с произведениями Абая. В этом отношении нельзя не отметить добрые намерения М. Рамазанова и С. Бабатаева*, В. Н. Белослюдова и Н. Кульжанова**.

Несмотря на небольшое количество публикаций, творчество Абая оказало влияние и на тех, кто знакомился с его произведениями по газетам и журналам. Просветительские

---

* «Аул ночью», «Лето», «Пожалейте меня», «Поэт» в кн. «Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского. М., 1914, с. 228-230.

** О любви. Стихи. «Сибирский студент», 1915. № 3-4, с. 80.

идей поэта-мыслителя глубоко запали в душу жителя станции Сергиополь, поэта и журналиста Сабыржана Габбасова (будущего комиссара Красной Армии). Он был постоянным подписчиком и корреспондентом журнала «Айкап», в котором публиковались стихи Абая. На страницах журнала Сабыржан Габбасов поднимал вопросы просвещения, культуры, дружбы казахского и русского народов в таких корреспонденциях, как «Укрепление Бахты» («Айкап», 1914, № 22), «Из Капала» («Айкап», 1914, № 3), «От оповещателей» («Айкап», 1915, № 3) и др.

И все-таки дореволюционная публикация произведений Абая оставляла желать еще очень много. Особенно печальна была судьба поэм Абая. «Искандер» и «Масгуд» (не полностью) публиковались только однажды в петербургском издании 1909 года. А «Сказание об Азиме» было известно в устном виде, затем впало в забвение и вошло в собрание сочинений Абая лишь в 1933 году.

Тем не менее поэмы Абая имели решающее значение для развития казахской профессиональной поэмы, в частности, для рождения поэм «Дагестан», «Зулус», Акылбая, «Енлик и Кебек», «Медгат и Касым» Магавьи Кунанбаевых, «Салихи и Самен» Асета Найманбаева и др.

Из-за отсутствия издательства в Казахстане литература эпохи Абая, в основном, росла и развивалась в устной передаче и зафиксированной в рукописях. Особенно передовым представителям литературы, как Абай и его ученики трудно было издать свои произведения в силу ярко выраженной демократической идейности. Надо сказать, что ряд больших и малых произведений Абая были обнаружены исследователями только в наше время и заняли также свое достойное место в истории казахской литературы.

1986 г.

ВЕЛИКИЙ ГУМАНИСТ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Можно утверждать, что великому просветителю «повезло», его творчество явилось предметом исследования множества известных авторов, в их ряду Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов. Об Абае написаны сотни статей, десятки книг и брошюр, монографий и диссертаций.

Теперь, пожалуй, наступило время, когда надо оглянуться назад и еще раз взвесить написанное. И прямо скажем: бедновато. Не в смысле количества, а качества, научного и эстетического уровня. (Здесь я, в основном, имею в виду труды, написанные или переведенные на русский язык).

Абаеведы, как мне думается, с самого начала заняли одностороннюю позицию, используя в изучении творчества Абая, в основном, дедуктивный метод: идти от общих суждений к частным, единичным случаям: «Великий Абай, гениальный, основоположник новой письменной литературы»... И как — то забыли, или не обратили внимания на то, что есть еще индуктивный метод (от частного к общему), без которого с предыдущим научным понятием нельзя получить убедительно аргументированных результатов и прийти к достаточно выверенным выводам. (Известно, что Абай интересовался понятиями индукции и дедукции).

Улучшения в науке, в частности, в литературоведении, не проходят бесследно. Со временем Абай был вознесен на соответствующий и достойный его сложной, трудной судьбы пьедестал потомками тех, к которым он с болью и горечью непосредственно обращался: «О, казахи мои! Мой бедный народ!»

Однако отсутствие исследований, основанных на достижениях современной филологии, научно — теоретического анализа творчества с соответствующими выводами и определениями, выявления особенностей реализма Абая, не преминули

сказаться. В 70-е годы в разных аспектах стали раздаваться то глухо, то настойчиво голоса, выражающие сомнения относительно нашего дедуктивного определения творчества Абая, и, в частности, его реализма. На это абаеведы скромно промолчали. Только сам Абай своими стихами строго предупредил из своего далека:

«Когда я, бедняга, не смогу сам ответить,
Вам предоставится простор, будьте осмотрительны.
Разве справедливо одной душе дважды сгореть?
Моя кровь черна, душа в ранах.

В глубину сердце проникни, взглядишь,
Я — загадочный человек, подумай об этом.
Я рос там, где было много ударов и не было тропинок.
С тысячью один сражался, не обессудь...

(Подстрочный перевод мой — М. С).

Стихи Абая—действительно творения высокого свойства. Им присущи простая сложность и сложная простота. В дореволюционное время, когда народ был безграмотен, произведения Абая распространялись изустно. Каждый сознательный казах знал наизусть стихи, песни и гаклия (слова назидания) поэта. Истинно народный и национальный поэт так или иначе формирует сознание, обогащает духовный мир своих соотечественников. Таков и Абай. И для людей моего поколения (военного и послевоенного) Абай Қунанбаев был духовным наставником, идейным вдохновителем, живым современником, как Пушкин, как Габдулла Тукай.

С детства вошло в сознание понятие—Абай. Прежде всего слышал от взрослых слова и стихи Абая, его песни. Любовь к поэту казахи выражали по — своему: их дети носили имена Абай, Абайбек, Ибрагим, Абайдиялда (Диялда — имя жены поэта).

К началу сознательного творчества Абай хорошо знал произведения и восточных поэтов, и русскую литературу (через нее — западноевропейскую), критически воспринял и творения своих предшественников — казахских акынов и жырау. Величие поэзии самого Абая заключается прежде всего в том, что его стихи, наряду с идейной насыщенностью, еще высокохудожественны, музыкальны, легко запоминаются. **Таковы** и гаклия, и афоризмы.

Мы росли и воспитывались в исключительно патристическом духе. Так нам велело время. В наших записных книжках были выписаны цитаты, афоризмы, изречения, крылатые слова многих и многих. Ленин, Долорес Ибаррури, Лермонтов — вплоть до политрука Василия Ключкова. И вот, когда с школьной экскурсией мы посетили музей Абая, первоначальные экспозиции нас поразили. Не менее, чем старинные часы с кукушкой (она тогда куковала), запомнились и постепенно прямо — таки врезались в память вот эти афоризмы Абая: «Слава — высокая скала. Змея забирается на нее ползком, но сокол достигает ее вершины единым взмахом крыла», «Плохой друг, как тень: в солнечный день беги — не убежишь в пасмурный день ищи — не сыщешь» (переводы Леонида Соболева).

На стихах Абая, как на произведениях Пушкина в русском литературоведении, построена теория казахского стихосложения. Абай — основоположник новой казахской письменной литературы (в начале нашей эры была общетюркская письменность), казахского литературного языка.

В статьях поднято много проблем относительно абаеведения, начиная с того, что еще нет канонического текста полного собрания сочинений Абая и кончая тем, что нет отдела по изучению его жизни и творчества в Алма-Ате.

До сих пор сравнивают несравнимое, встает надуманная проблема:

Абай и Джамбул.

Иногда их разницу не могут себе уяснить даже казахские читатели. Да, это два великана поэзии. Они ровесники, однако у каждого из них совершенно разная историческая миссия. Абай — родоначальник новой казахской литературы, ее разных жанров, реалистического метода и литературного языка. Джамбул — акын — импровизатор, великий продолжатель устной народной традиции, великан казахского фольклора. Джамбул Джабаев обладал феноменальной памятью. Он мог бесконечно читать наизусть поэмы и дастаны, как свои, так народные и других авторов.

В статьях литературной газеты «Казах адебиети» красной нитью проходит проблема перевода произведений Абая на русский язык. Этот вопрос давно стоит на повестке дня.

Мы благодарны первым переводчикам произведения Абая на русский язык, особенно Всеволоду Рождественскому. (Б

его переводе стихи Абая были изданы отдельной книжечкой еще в 1936 году). Эти переводчики оказали неоценимую услугу при издании на русском языке романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая»: стихи поэта включены в контекст. Однако переводы, доселе нам известные, мягко говоря, не соответствуют оригиналу. Не вдаваясь в подробности, скажем, что русские переводы стихов Абая тяжеловесны, громоздки, кое-где упрощены, хотя и страдают буквализмом. Они с трудом читаются, потеряли музыкальность, не запоминаются. Во всем этом, очевидно, опять — таки сказался неправильный подход к оригиналу, он — подход — слишком академичен. Не учтена достаточно разность казахского и русского языков, которые принадлежат к различным лингвистическим группам.

В последнее время даже на тюркские языки произведения Абая переводятся на должном идейно—художественном уровне. Достаточно полный перевод Абая на татарский язык сделан и выпущен в Казани в 1982 году. А переводили его сочинения, в основном, поэты, которые родились и выросли в Казахстане.

В переводческом деле, несмотря на разницу языков, замечательный пример оставил сам Абай. Как великолепно перевел он «Горные вершины» Гете (по Лермонтову)! Потом, сочинив музыку, сделал их песней. А отрывки из «Евгения Онегина», стихи Лермонтова, басни Крылова! «Письмо Татьяны» стало популярной песней, а пушкинскую Татьяну безграмотные казахи любовно называли уменьшительно — ласкательным именем «Татиш».

Хочется надеяться, что стихи нашего великого земляка также легко зазвучат по — русски, а публикации «Казах адабиети» ознаменуют собой новую полосу в изучении и необходимой научной интерпретации всего творческого наследия нашего Абая (Ибрагима) Кунанбаева, поэта — мыслителя, сокрытого вечно загадочным ореолом..

1985 г.

кажется, до того, что знал наизусть. Достоевский больше предпочитал литературу и на каждую новую книгу мы набрасывались с жадностью.»

Публичная библиотека в Семипалатинске не финансировалась. Она была организована на общественных началах. Инициаторы во главе с Е. П. Михаэлисом приносили свои личные книги, журналы. Первоначальный фонд составил около тысячи томов. Но по содержанию библиотека была внушительной. Она вызвала удивление даже у американского журналиста и путешественника Джорджа Кеннана. В его книге «Сибирь» есть такие строчки: «С изумлением нашел я здесь сочинения Спенсера, Бокля, Льюиса, Милля, Тэна, Лэббока, Тэйлора, Гэксли, Дарвина, Лайейлля, Тиндала, Альфреда, Ресселя, Валласа, Мэкензи Валласа и Генри Мэна, романы и повести Скотта, Диккенса, Маризэт, Джордт Эллиот, Мак—Дональда, Троллопа, Эркмана —Шаториана, Эдгара Аллен Пое и Брет Гарта, научные произведения и сочинения по политической экономии находились в особом изобилии. Выбор книг вполне делает честь основателям библиотеки и пользовавшимся ими. Они внушили мне лучшее мнение о Семипалатинске».

Конечно, Кеннана, как представителя западного мира, прежде всего интересовали книги западноевропейских и американских авторов. Но тем не менее и мы получаем представление о содержательности полка библиотеки и широте кругозора ее создателей. В такой библиотеке, конечно же, не мог не быть ведущий журнал «Вестник Европы» даже и на год ранее основания библиотеки с «Восточной легендой» И. С. Тургенева.

Если предположить, что Абай написал поэму «Масгуд» в раннем возрасте, то судьба сюжета решится совершенно по — иному. Тогда надо думать, что сюжет «Масгуда» заимствован не у Тургенева, а где — то в восточной литературе.

Но против такой концепции есть два веских опровержения. Во — первых, в рукописном списке абайских произведений Мурсеита Бекина за 1907 год указано, что сюжет заимствован у Тургенева. Во-вторых, в воспоминаниях сына Абая Турагула недвусмысленно названа дата. Турагул прямо пишет: «Стихотворение «Масгуд» создал в 1887 году».

1) Турагул Кунанбаев «Об Абае, о моем отце», музей Абая, архивный фонд, папка № 62.

Поожалуй, дата Турагула, единственного из детей поэта, который оставил воспоминание о своем отце, является верной. Следовательно, вкособщее утверждение абаеведов, что сюжет «Масгуда» заимствован у И. С. Тургенова в свою очередь идет в пользу даты, указанной Турагулом. Что касается вышешприведенных строк отчаяния, которыми заканчивалась петербургская публикация «Масгуда», то они, думается, вызваны к жизни релавными событиями. В течение 8 лет с 1876 по 1884 год длилось следственное дело Абая, начатое кляузами и ложными доносами коварных степных воротил. И все-таки им не удалось запятнать, загубить Абая. Однако в чутком сердце поэта оставили долго незаживающие раны. После этой душевной травмы поэтическое вдохновение в полную силу пришло только в 1886 году. Это был наиболее плодотворный год. Абай создал 15 стихотворений. Всю свою внутреннюю боль поэт переплавил в злость, выложил в гневных строках таких стихотворений, как «Вот и старость»,

«Жизнь уходит»...

Для иллюстрации приведем из этих произведений два первых четверостишия.

Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распален.

Мыслью не с кем поделиться! Кто поймет,
Кто ободрит, услышав, твой тяжкий стон

(Пер. Д. Бродского)

Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано,
Всюду зависть, стяжательство вижу одно,
Молодое пугает меня поколение.
Развращенное, труд презирает оно.

(Пер. А. Гатова)

По идейному звучанию, по эмоциональному настрою, по своему скорбному существу они как бы являются близнецами тех четырех строк из «Масгуда». Все эти строки принадлежат, несомненно, одному автору одного возраста, одного душевного состояния. Обращаясь к хронике жизни Абая, мы можем констатировать, что до долголетнего судебного следствия Абай особых поворотных духовных и моральных потрясений не переживал. Все они были еще впереди: и смерть Оспана,

его переводе стихи Абая были изданы отдельной книжечкой еще в 1936 году). Эти переводчики оказали неоценимую услугу при издании на русском языке романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая»: стихи поэта включены в контекст. Однако переводы, доселе нам известные, мягко говоря, не соответствуют оригиналу. Не вдаваясь в подробности, скажем, что русские переводы стихов Абая тяжеловесны, громоздки, кое-где упрощены, хотя и страдают буквализмом. Они с трудом читаются, потеряли музыкальность, не запоминаются. Во всем этом, очевидно, опять — таки сказался неправильный подход к оригиналу, он — подход — слишком академичен. Не учтена достаточно разность казахского и русского языков, которые принадлежат к различным лингвистическим группам.

В последнее время даже на тюркские языки произведения Абая переводятся на должном идейно—художественном уровне. Достаточно полный перевод Абая на татарский язык сделан и выпущен в Казани в 1982 году. А переводили его сочинения, в основном, поэты, которые родились и выросли в Казахстане.

В переводческом деле, несмотря на разницу языков, замечательный пример оставил сам Абай. Как великолепно перевел он «Горные вершины» Гете (по Лермонтову)! Потом, сочинив музыку, сделал их песней. А отрывки из «Евгения Онегина», стихи Лермонтова, басни Крылова! «Письмо Татьяны» стало популярной песней, а пушкинскую Татьяну безграмотные казахи любовно называли уменьшительно — ласкательным именем «Татиш».

Хочется надеяться, что стихи нашего великого земляка также легко зазвучат по — русски, а публикации «Казах адабиети» ознаменуют собой новую полосу в изучении и необходимой научной интерпретации всего творческого наследия нашего Абая (Ибрагима) Кунанбаева, поэта — мыслителя, сокрытого вечно загадочным ореолом..

1985 г.

лучшего брата, опоры и защитника поэта, и смерть любимых сыновей Абдрахмана и Магавьи, и покушение на жизнь самого Абая.

Известно, что Абай поэмы «Искандер», «Масгуд», «Сказание об Азиме» писал на восточные сюжеты под непосредственным влиянием романтических поэм Пушкина и Лермонтова. Но в силу окружающих условий жизни, вопиющей несправедливости общества, довольно низкого этического и эстетического уровня степных жителей ввел в них элементы назидания. Это в свою очередь привело к приземленности повествования, к приобщению основных установок к реальной действительности. Но это и усугубляет определение жанра и литературного направления, к которому принадлежат поэмы Абая. Основоположник абаеведения М. Ауэзов назвал их «философско-моралистическими поэмами». Другие называют дидактическими, или реалистическими, или романтическими. Тяготение к романтизму поэм Абая, как известно, весьма ощутимо.

Конечно, здесь не мог не сказаться тот спор вокруг романтизма, который ведется по настоящее время. Очевидно, здесь и находится камень преткновения. Но с выходом в свет ряда статей, «Эстетики романтизма» В. Вацлова, сборника «Проблемы романтизма» введена определенная ясность в данное литературное направление, о котором еще Вяземский с недоумением писал: «Романтизм как домовая». За последние десятилетия и годы нашими учеными внесен значительный вклад в разработку проблемы романтизма. Причем романтизм рассматривается не как одно неделимое целое, не как отвлеченное, абсолютное понятие. Он рассматривается во взаимосвязи с другими направлениями. Характерно выступление известного ученого-филолога У. Фохта. Он утверждает: «Реальные формы романтизма осложняются еще и воздействием других направлений: ведь абсолютно чистых явлений не знают ни природа, ни общественная жизнь. Так, в романтических произведениях Рыльева и Баратынского можно обнаружить элементы классицизма; в реалистическом романе «Герой нашего времени» — элементы романтизма, а в романтической поэме Пушкина «Кавказский пленник» — элементы реализма. Определение метода произведения, отнесение его к тому или иному направлению должно основываться на принципах его структуры, на учете функционального значения ее элементов».

Очевидно, с такой позиции и надо подходить к анализу и определению метода поэм Абая, к какому бы направлению их ни привели объективные итоги многолетней дискуссии.

Печальная судьба, а, возможно, и счастливая выпала на долю поэмы «Сказание об Азиме». Она вошла в собрание сочинений Абая впервые в 1933 году. Эта поэма хранилась до того времени у Ирсаева Искака, одного из родственников и собирателей произведений Абая. «Сказания об Азиме» нет в первом сборнике Абая 1909 года. Не оказалось его и в рукописном списке Мурсента Бекина. Никаких документальных данных об этой поэме не найдено.

На основе идейного и художественного анализа некоторые абаеведы предполагают, что автором «Сказания об Азиме» Абай не является, что оно чужеродное произведение. Сам М. Ауэзов в монографии «Абай (Ибрагим) Кунанбайулы (1845—1904)» пишет: «По-видимому, Искак сын Ирсая забыл или стерты в рукописи строки поэмы при передаче в 1927 году собирателями произведений Абая дополнил от себя и искажил текст. Потому что некоторые рифмы, иногда и сочетания слов в строках не соответствуют поэтическому мастерству и лексике Абая.

Или же эта поэма родилась в самый ранний период, когда Абай, пробуя свои силы в поэзии ради опыта брался за разные темы. И осталась в виде черновика в своем первоначальном варианте. Как бы то ни было, имея в виду прежде всего то, что поэма «Азим» незаконченное произведение, во-вторых, несовершенное в отношении художественного уровня и поэтического мастерства, мы пояснения этой поэмы на вышесказанном завершаем»* (смысловой перевод). И после такого заключения Мухтар Омарханович ни в одной статье не упоминал об этой поэме. И в то же время не препятствовал включению ее в книги Абая, хотя она впадала в прочную немилость писателя—академика.

Как бы солидаризуясь с сомнениями М. Ауэзова, абаевед Каюм Мухамедханов идет еще дальше. Основываясь на высказывании современников Абая, он выдвигает тезис следующего содержания: «Мы беседовали с Архамом Искаковым,

---

* М. О. Ауэзов. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования А., «Наука», 1967, с. 184, (на казахском языке),

Рахимжаном Мамырказовым и другими, которые знают «Сказание об Азиме» и Искака сына Ирсаия. Они утверждают, что «Сказание об Азиме» написано Искаком сыном Ирсаия и что Искак был родственником Абая и тоже сочинял стихи. Опираясь на вышеприведенные доводы, мы приходим к выводу, что «Сказание об Азиме» написал не Абай, а один из его поэтического окружения Искак Ирсаев. Однако мы далеки от намерения исключить «Сказание об Азиме» из истории литературы. Считаем, что его еще нужно исследовать». (смысловый перевод).

Тем не менее «Сказание об Азиме», начиная с 1933 года до сих пор, включается во все полные издания произведений Абая на казахском и русском языках (поэма переведена на русский язык В. Бугаевским). Как ни странно, судьба поэмы «Сказание об Азиме» до настоящего времени стоит под вопросом. Поэма требует объективных научно-исследовательских аргументов для окончательного определения ее автора и места в истории казахской литературы.

Несколько слов о текстологических ошибках в поэмах Абая. С выходом в свет книги Каюма Мухамедханова «Текстология произведений Абая» (на каз. языке) в 4,5 печатных листов с исследованием ошибок, вкрапившихся в текст абайских произведений, появилась возможность устранить их. Например, в одной только поэме «Искандер» обнаружено 13 ошибок. К юбилею Абая, думается, необходимо пересмотреть переводы произведений Абая, согласуя с последними казахскими изданиями поэта.

Цель данной статьи-обратить внимание на те проблемы, связанные с поэмами основоположника казахской литературы, которые еще не разрешены до конца. Разрешение этих проблем-задача не одной статьи и не одного автора.

1970 г.

ДВЕ ПОЭМЫ АБАЯ

«Искандер» — одна из трех поэм в творческом наследии Абая (Ибрагима) Кунанбаева, причем принадлежность перу поэта поэмы «Сказание об Азиме» считается спорной поныне.

В истории казахской поэмы имеется три ее разновидности: жыр, касса, дастан. Последний термин обычно используется в двух смыслах: в широком смысле «дастан» вбирает в себя все разновидности национальной поэмы, а в узком смысле он адекватен слову «поэма» в жанровом значении и определении письменной профессиональной литературы, как бы считается его переводом с русского языка.

Вместе с тем термин «поэма» сам по себе органично вошел и закрепился в казахском языке, начиная с поэм Абая, который по праву считается родоначальником и этого жанра в истории новой казахской письменной литературы.

Абаеведы считают, и так оно и есть на самом деле, что по своим прежде всего, художественным достоинствам поэмы поэта стоят намного ниже его глубокосодержательной и гипнотически живописной лирики, а среди его поэм «Искандеру» принадлежит первенство по всем идейно-художественным компонентам.

Основоположник абаеведения Мухтар Ауэзов по этому поводу писал: «К оригинальным поэмам Абая относятся три произведения: «Масгуд», «Искандер», «Азим». Во всех этих трех поэмах в основу положены события не из казахской жизни. Эти произведения не похожи на прежние. В них поэт не передает впечатления; приобретенные из своей среды и в своей эпохе. Все три поэмы созданы на основе легенд из восточных дастанов или сюжетов на сказочные темы.

Вообще, Абай в нескольких своих стихотворениях как бы намекал, что он не намерен писать поэмы. В них он, если

в одном случае говорил, что не писал об Азрете Али и драконах, не воспевал луноликих девушек, то в другом месте осуждает читателя за их азартное стремление, коль он бы такое написал, к нашествиям батыров и к увлекательным развлечениям. Также говорил о склонности иных к долгим бесполезным беседам для пустого времяпровождения»¹ (смысловой перевод наш—М. С.).

Как появилась мысль у Абая написать и как дошли до него сведения об Александре Македонском (IV в. до н. э.)?

Из истории известно, что в начале была написана биография полководца Александра Македонского после его смерти сподвижниками Клитархом и Онесекритом у себя в Греции. Затем на основе их сведений более или менее полно описал его жизнь Плутарх. Наряду с этими письменными биографиями распространялись всевозможные слухи, легенды и мифы об Александре соотечественниками, особенно его войнами.

В I—III вв. появляется на Востоке роман, приписываемый врачу Александра Македонского Каллисфену. Но со временем было доказано, что это авторство ложно, но все равно роман получил широкое распространение под именем Псевдо-Каллисфена. Однако этот роман породил целую Александрию восточных поэтов, относительно которых великий Гете заявлял, что «на Востоке есть семь поэтов, худший из них лучше меня» (Абай Кунанбаев, ПСС, А., 1961, с. 532, на казахском языке).

В своих трудах Е. Э. Бертельс, Е. А. Костюхин, З. Ахметов, С. Каскабасов разрабатывали проблему распространения темы о великом завоевателе Александре Зулкарнеине (Двурогом).

Постепенно жестокие проявления в завоевательных походах Александра Македонского с годами и веками забывались и стирались, а образ главного героя стал приобретать ореол идеального правителя.

Искандера прославляют в своих поэмах «Искандер-наме» Низами Гянджеви (1141—1203), «Шах-наме» Фирдауси Абулкасим Туси (934—1027), «Зерцало Искандера» Амир Хосров Дехлеви (1253—1325), «Книга мудрости Исканде-

---

1. М. О. Ауэзов. Абай Кунанбаев. А., «Наука», 1967, с 17:

ра» Абдурахман Джамн (1414—1492), «Вал Искандера» Алишер Низамеддин Навои (1440—1486).

Вторая линия распространения сказаний об Александре Македонском — это устное народное творчество или фольклор, у истоков которого стояли войны знаменитого полководца. Все они были собраны в одну книгу под названием «Александрия», которая была переведена на разные языки и имела распространение также у южных славян и восточных народов. Эта книга обычно называется романом об Александре Македонском и еще — сербской Александрией, которая в XV веке стала достоянием русской средневековой литературы, благодаря усилиям книгописца Ефросина, создавшим ее русский список (см. «Александрия», М.—Л. 1965, с. 6).

Так или иначе сказания и сказки об Александре Македонском имели давнее распространение и на казахских землях. В аулах бытовало множество сказок об Александре Двурогом. Миню этого греческого полководца не прошли казахские ученые-просветители и писатели XIX века Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев.

Обращаясь к поэмам Абая, Мухтар Ауэзов считал, что сюжет «Искандера» заимствован у Низами и согласно восточному традиционному приему «назира» поэт создал свое оригинальное произведение.

Ученый-фольклорист С. Каскабасов вследствие длительного и довольно тщательного исследования пришел к выводу: «Таким образом мы убедились в том, что в основу поэмы «Искандер» положена притча из древнего памятника Талмуда. Сюжет рассказа из Талмуда Западной Европы пришел в русскую литературу, а затем дошел до Абая. Абай творчески использовал стихотворение Жуковского, сам Талмуд, а также исторические труды, имеющие отношение к Македонии и Искандеру («Уроки Абая», А., 1986, с. 236, на казахском языке).

Здесь надо сказать о том, что эпизод с глазничной костью с веками в сюжетах произведений разных поэтов видоизменялся, развивался и трансформировался. Если у Низами фигурировал камешек, который также перешел в сюжет произведения известного немецкого поэта 12 века Лампрехта «Александр», то у французского поэта — романтика Альберта фон Шамиссо (1781—1838) в его объемном стихотворении «Легенда об Искандере» (по Талмуду) повест-

вустся о возвращении героя из рая с человеческим черепом. Отсюда отец русского романтизма Б. А. Жуковский сделал свой вольный перевод под названием «Две повести», который был опубликован в журнале «Москвитянин» (№ 1 за 1845 г.).

Многие из вышеназванных источников были достоянием Абая, который, создав новаторскую и злободневную поэму, внес свой достойный вклад в мировую Александрию (Алекисандр-наме).

В истории казахской письменной литературы рассказы об Александре Македонском имеются в трехтомном «Словаре тюркских наречий» («Диван — лугат — ат турк») Махмуда, Кашгари, (XI век) в общетюркском наследии. В новой письменной литературе Абай как ее основоположник заложил основы казахской профессиональной поэмы путем создания произведений «Искандер», «Масгуд» и переводов из поэм Пушкина и Лермонтова.

Тем не менее Абай не мог не знать и казахские сказки об Искандере Зулкарнейне и сведения о нем в Коране (гл. XVIII, стих. 82). Русские фольклористы Д. И. Эварницкий и А. Н. Белослюдов записывали казахские сказки и публиковали их в периодической печати. Среди них были сказки, легенды и притчи об Александре Македонском. Так в прошлом веке в газете «Дала уалаятынын газети» Эварницкий опубликовал сказку о двурогом царе Искандере, который убивал всех своих парикмахеров после бритья его головы, но один спасся бегством, доверил тайну колодцу, но слова выскочили, дошли до людей, и один из врагов отрубил один рог, чем его и убил: не успел испить живой воды.

В 1914 году Алексей Белослюдов в «Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского русского географического общества» опубликовал 16 небольших сказок, разнообразных по тематике и содержанию, с примечаниями в конце Г. Н. Потанина. Интересующая нас сказка называется «Искандер-хан» («Искендыръ-ханъ») и содержит в себе пять маленьких притчей. Одна из них состоит всего из одного предложения: «Когда торговец дорого запрашивает с покупателя - киргиза, последний часто отвечает: «Что дорого просишь? Ведь все равно у тебя рога не вырастут».

У восточных народов, в частности, у казахов, испокон веков рог считался знаком благообразия, чести и величия.

Это образное выражение с рогами нередко встречается в произведениях казахского фольклора и народных акынов.

В трактовке образа Александра Македонского у средневековых восточных поэтов всегда превалировало возвеличивание. Они даже события излагали таким образом, что Искандер преподносился как представитель династии иранских шахов в седьмом колене. Соответственно классики восточной поэзии изображали Искандера благоприятным и примерным полководцем и правителем.

В противовес им, Абай выводит главного персонажа в своей поэме «Искандер» алчным, ненасытным и жестоким завоевателем и грозным владыкой. Было ли это беспрецедентно по отношению к трактовке образа прославленного полководца? Известно, что Абай был знаком с трудами западных философов прошлого столетия Милля, Дрэпера и др.

Писатель Такеп Алимкулов в своей книге об Абая, апеллируя к умозаключениям западно-европейского философа, в частности, заметил следующее: «Если Дрэпер поведал о том, что Александр Македонский начал свои походы с 34 тысячами пеших воинов и с 4 тысячами всадников, то Абай об этом не повествует. Дать такие цифры в стихах трудно. Но вместе с тем, в отношении оценки нашествий Искандера с Дрэпером согласен». (Т. А. «Жумбак жан» («Человек-загадка»), Алматы, 1972, с. 72, на казахском языке).

Относительно времени создания поэм Абая, абаеведы ходят в одном, что они написаны в какой-то один период жизни; в поздний или ранний. Начиная с Мухтара Ауэзова, большинство исследователей склонны к той версии, что поэмы Абая написаны в поздний период его творческого пути.

В приведенной выше ауэзовской цитате, свидетельствующей о предпочтении Абая к малым формам поэзии, сделаны ссылки на стихотворения «Өлең сөздің патшасы, сөз сарасы»... и «Мен жазбаймын өлеңді ермек үшін», («Не для забавы («Стих — это вождь среди слов, ценнейший их убор...») и слагаю стих»), которые были написаны соответственно в 1886 и 1889 годах.

Анализ поэм также показывает, что по своим идейно-художественным компонентам, по логике изложения и умозаключениям и, наконец, по манере и приемам использования русизмов они принадлежат перу опытного человека и зрелого поэта.

К тому же сохранились даты создания двух поэм: 1887 г. («Масгуд»), 1896 г. («Сказание об Азмме»).

В архивном фонде литературно-мемориального музея Абая в Семипалатинске хранится воспоминание Турагула Кунанбаева «Об Абасе, о моем отце». Он единственный из детей поэта, который оставил бесценные сведения о нем, Турагул прямо пишет: «Стихотворение «Масгуд» создал в 1887 году».

К сожалению, о времени создания поэмы «Искандер» никаких свидетельств до сих пор не обнаружено. Мы только можем констатировать приблизительно, что она написана в 80-е годы.

В произведении «Искандер» имеются три персонажа. Это — Александр Македонский, философ Аристотель и привратник, охраняющий золотые ворота, которые ведут к Богу.

В создании характеров большее значение в поэме «Искандер» имеют комментарии автора, его повествование. Поэма начинается с описания личности Искандера, его жестоких деяний.

Помнит мир Искандера, его дела,
Македония скипетр ему дала.
Был сыном Филиппа — царя Искандер,
Всю Вселенную слава его прошла.
Когда умер Филипп, Искандер вступил
В двадцать первый свой год,
был в расцвете сил.
Малолюдный, бедный наследуя край,
Он к соседям недобрый взор обратил.
Увидел богатство, плоды их труда,
Собрал войска, повел их на города,
Покорил много стран, царей низложил,
Истребил народы, посевы, стада.

Перевод А. Глобы.

Абай не следует примеру традиционного восхваления Александра Македонского в творениях классиков восточной поэзии Фирдауси, Низами, Джами, Навои. Он подходит к его завоевательской политике критически: и дела, и поступки его рисует в реалистическом плане. Автор задался целью разоблачить сущность «подвигов» полководцев-захват-

чиков и извлечь отсюда соответствующий урок для всех смертных. Это — основная идея произведения. И такую идею автор реализует своеобразно, взяв за основу один, только случай из многочисленных походов Искандера. Для этого Абай после знакомства читателя с главным героем далее развивает его характер, подчеркивая в нем такие черты, как алчность, властолюбие, жестокость и стяжательство.

Абай в своих поэмах не дает портретов персонажей, описания пейзажа, которые сопровождали бы, дополняли, в известной мере объясняли поступки и действия героев. Но оригинальность Абая, его творческой манеры заключается в том, что его герои действуют не по каким-то физиологическим или эмоциональным побуждениям, а по умственным. Разум, будь он велик, или мал, справедлив или несправедлив, является основным стержнем, главной пружиной действий героев. В этом сказалось прежде всего своеобразие таланта гениального поэта-мыслителя.

Здесь, думается, и надо искать «ахиллесову пяту». Отсюда и исходит корень всевозможных споров и разнобоев относительно метода и направления поэм Абая.

Разум Искандера толкает его к достижению мирового господства. Разум Искандера помогает ему собрать сильно войско, покорить много стран. Этот же его разум подсказывает, что будет только польза, если Искандер приблизит к себе великого философа Аристотеля. В поэме Абая Македонский проявляет свой ум тем, что правильно предполагает о существовании богатого края у истоков поразившего его ручья. Там оказывается сам всемогущий и всемогущий аллах. Но однако разум Искандера не так уж велик, потому что не понимает сумасбродность своей идеи завоевания мира. А в поэме Абая слабость разума Искандера проявляется при разгадке секрета глазничной кости, которую бросил привратник в дар ему. Высокомерный Искандер увидел насмешку в таком жесте привратника и отшвырнул кость. Но «мудрейший из мудрецов» Аристотель угадал тайну, заключенную в ней. Он дал совет принести весы и положить на одну чашу кость, на другую — золото. Но все золото и серебро Искандера не смогли перевесить кость. Искандер в изумлении приказал положить на чашу с золотом и серебром и все доспехи. Однако кость от этого стала еще тяжелее. Стоило Аристотелю засыпать глазную кость горстью песка, как эта

чаша взметнулась вверх. Тем самым автор проводит мысль о ненасытности человеческого глаза. Пока глаза человеческие не засыпаны землей, они хотят «объять необъятное», им присуща непомерная жадность. Поэтому умей вовремя понять меру и осадить всеядный пыл. Искандер понял свою ошибку, заблуждения только перед воротами аллаха.

Замолчал мудрец, и сказал царь тогда:
«Все дела мои—прах, не стоят труда!
Да судит аллах!» — и пошел на закат,
И войско за ним повернуло туда.

Но не каждому дано добраться до ворот Всевышнего, чтобы тот как-то вразумил его, поставил на место, доказал бессмысленность его потуг и стремлений на завоевание своего мира или на овладение всеми благами земли и безграничным богатством. Поэтому-то Абай завершает сюжет поэмы дидактическим наставлением, которое относится всем смертным равно:

Жизнь кратка, поманит — и уже ушла.
Говори, встретив радость, не «есть» — «была».
Если совесть и честь, как товар, продал,
Презренны и слава твоя, и дела.
Ты стяжаешь себе похвалы глупцов,
Окружаешь себя толпою льстецов,
Но на шаг отошел — осмеян ты, —
«Вот, скажут, бесчестный и сроду таков!»
Ничтожные любят себя похвалить, —
Где достоинства нет, нельзя прикупить!
Говорить о цене своей надо ль тебе?
Если есть в тебе свет, он будет светить.

Перевод А. Глобы.

Исследователь тонко и органично констатирует одно из своих открытий, что эти произведения Абая «были творческой находкой автора»*. Иное определение дать им действительно трудно. Но если учесть тот факт, что поэма — довольно сложный и запутанный жанр, учесть, что некоторые поэты, как В. Брюсов, А. Блок, А. Белый (да и критики вслед

---

*М. С. Сильченко. Творческая биография Абая. А., 1957, с. 141.

за ними) называли поэмами даже циклы стихотворений и, наконец, то, что за данными произведениями Абая утвердилось наименование «поэмы», то, пожалуй, нет необходимости искать им другого жанра или другого термина. Пусть они будут «поэмами Абая», его «творческой находкой».

Относительно художественного метода поэмы Абая были разные мнения, их называли «реалистическими» (А. Нуркатов), «философско-моралистическими» (М. Ауэзов), романтическими (Х. Суюншиалиев).

Обладая элементами реализма и романтизма, поэмы Абая, не отвечают основополагающим принципам эстетики и того, и другого направления. Поэтому целесообразно называть их, утвердив термин Мухтара Ауэзова, «философско-моралистическими поэмами».

Поэма «Искандер» по объему небольшая. Всего — 168 строк. Это по своему сюжету — глубоко оригинальное произведение. В нем Абай не подражает ни Пушкину, ни Лермонтову, ни Байрону, ни восточным классикам Низами, Фирдауси, Джами, Навои, которых хорошо знал и у которых учился.

Поэма «Искандер» написана в принципах тюркского силлабического стихосложения. Она состоит из 42 четверостиший, написана 11-сложными и 12-сложными стихами с традиционной рифмовкой ааба.

При жизни Абая поэма «Искандер» распространялась в рукописных списках. Впервые она была опубликована в первом сборнике Абая, изданном в Санкт-Петербурге в 1909 году. На русском языке эта поэма была включена в книгу Абая, изданной под ред. Л.Соболева в Москве в 1940 году. Начиная с этих двух дат, во всех последующих изданиях Абая на казахском и русском языках включалась его поэма «Искандер».

В сохранении поэмы «Искандер» до первой публикации решающую роль сыграл переписчик Мурсеит Бекин. По его рукописному списку 1907 года было несколько списков. Это произведение включено в первый сборник Абая 1909 года его составителями и авторами предисловия Кактаем Исковым и Турагулом Купанбаевым.

Начиная с 1945 года, поэма «Искандер» публиковалась на других языках. В частности, в этом году на узбекском

языке в Ташкенте была издана книга произведений Абая, куда была включена поэма «Искандер» в переводе Миртемира. В том же переводе эта поэма включалась в последующие издания на узбекском языке в 1961 и 1970 годах.

Всего поэма «Искандер» переведена на 9 языков народов СССР: на латышский, узбекский, азербайджанский, каракалпакский, армянский, киргизский, татарский, уйгурский, туркменский. Причем поэма «Искандер» Абая на туркменском языке в переводе А. Хайыдова и Т. Касымова была издана отдельной книгой в Ашхабаде издательством «Туркменистан» в 1970 году в связи со 125-летием казахского поэта.

«Масгуд» — одна из поэм Абая (Ибрагима) Кунанбаева (1887), написанных на национальную тему и легших в основу зарождения и развития казахской профессиональной поэмы. В создании произведений крупного жанра Абаям обращенные его к восточной тематике обусловлено двумя главными причинами. Во-первых, поэта-мыслителя увлекали романтические поэмы на восточные и кавказские сюжеты Байрона, Пушкина, Лермонтова. Но сам он не пошел по этому направлению в силу своей исторической миссии поэта-реалиста, поэта-просветителя, поэта-мыслителя. Вместо этого он дал темы и задания своим ученикам: сыновьям и поэтам-современникам Акылбаю и Магавье Кунанбаевым, Асету Найманбаеву, Шакариму Кудайбердиеву, Кокпаю Жанатаеву, которые и обогатили родную литературу, классически полнокровными сюжетно-романтическими поэмами. А сам он написал в реалистическом ключе первые философско-моралистические поэмы на восточные темы.

Во-вторых, Абай с 10-летнего возраста, будучи шакирдом медресе, приобщился к восточной литературе и первые пробы пера начал с подражания классикам, обращаясь к ним с такими строками:

Шамси, Саади, Физули,
Хафиз, Навои, Сайхали,
Фирдауси — молодому поэту,
Великие, вы помогли!

Перевод А. Гатова.

Осносительно даты создания поэмы «Масгуд» есть такие соображения. Публичная библиотека в Семипалатинске была открыта 20 сентября 1883 года. Есть определенное смжле

ние о том, что сюжет «Масгуда» заимствован у Тургенев (Ахметов З. А., «Восточная легенда» Тургенев и «Масгуд» Абая Кунанбаева. Тургеневский сборник. Ленинград, «Наука», 1968, с. 163—165). Стихотворение в прозе «Восточная легенда» Тургенев впервые была опубликована в журнале «Вестник Европы» (1882 г., т. VI, кн. 12). А публичная библиотека в Семипалатинске открылась через год. Она была организована на общественных началах. Инициаторы во главе с Е. П. Михаэлисом (прототипом Базарова из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети») приносили свои личные книги, журналы. Ныне в архивном фонде Семипалатинской областной библиотеки им. Н. В. Гоголя имеется «Вестник Европы», начиная с 1870 года. Первоначальный фонд этой библиотеки в момент организации составил около тысячи томов. Но по содержанию библиотека была внушительной. Она вызвала удивление даже у американского журналиста и путешественника Джорджа Кеннана, который писал: «Выбор книг делает вполне честь основателям библиотеки и пользовавшимся ими. Они внушили мне лучшее мнение о Семипалатинске...». (Джордж Кеннан. «Сибирь», С—Петербург, с. 75—76).

Если предположить, что Абай написал поэму «Масгуд» где-то в раннем возрасте, то судьба сюжета решится совершенно по-иному. Тогда надо думать, что сюжет поэмы «Масгуд» заимствован не у Тургенева, а где-то в восточной литературе. Но против этого есть два довода. Во-первых, в рукописном списке абайских произведений Мурсеита Бекина за 1907 год указано, что сюжет заимствован у Тургенева — «Тургеневтен». Во-вторых, в воспоминаниях сына Абая Турагула Кунанбаева (1875—1934 гг.) недвусмысленно названа дата. Турагул прямо пишет: «...Стихотворение «Масгуд» создал в 1887 году» (Т. К. «Об Абаяе, о моем отце». Музей Абая, архивный фонд, папка № 62).

Хотя произведение «Масгуд» названо Турагулом Кунанбаевым «Стихотворением-олень», оно по своему сюжету, композиции, по взаимоотношениям персонажей и другим идейно-художественным особенностям относится к «философско-моралистическим» (М. Ауэзов) поэмам Абая.

Впервые поэма «Масгуд» была опубликована в первом петербургском сборнике поэта 1909 года. Однако его составители Кактай Искаков и Турагул Кунанбаев включили в него поэму «Масгуд» не полностью; в конце не доставало

52 строк. Данная поэма полностью была помещена в издании Абая 1939 года. С тех пор это произведение полностью включается во все книги Абая, где есть обозначение «поэмы», на казахском, русском и других языках.

Композиция поэмы «Масгуд» своеобразна, отличается от своей первоосновы. Как известно, «Восточная легенда» И. С. Тургенева заканчивается выбором одного из трех яблок Джиаффаром. Спасенный старик указывает юноше путь к обители матери халифа. Легенда заканчивается риторическим вопросом, как и начинается: «Кто в Багдаде не знает великого Джиаффара, солнца Вселенной?». И «Кто в Багдаде не знает солнца Вселенной, великого, знаменитого Джиаффара?»

Абай не ограничивается финалом Тургеневской легенды. Далее начинается вторая часть поэмы «Масгуд», где главный герой становится мудрым визирем халифа. Как справедливо отмечал М. О. Ауэзов, во второй части сюжет развивается в противовес мотивировке «Восточной легенды», а именно: «В построении композиции нет логики, потому что согласно всему сложному строю сюжета мы должны были увидеть действия и поступки Масгуда после того, как он съел красный плод.

Но у Абая нет этого. Вместо того, чтобы после выбора красного плода получить дружбу всех женщин, Масгуд становится умнейшим человеком. Наив деле он оказался человеком, съевшим не красный плод, а белый, от которого он сам отказался. Его даже называют мудрецом Шамсиджаном»* (смысловой перевод — М. С.).

Во сне к Масгуду является спасенный им старик (у Абая — святой Кызыр или Кыдыр) и предупреждает о вредоносном дожде. Испивший воду после этого дождя будет сумасшедшим, поэтому визирь Масгуд и халиф запасаются чистой водой. Но обезумевшая толпа принимает их и самих за сумасшедших и хочет избавиться от них. Только после того, как визирь и халиф испили дурной воды, толпа как бы убеждается в своей ошибке и просит у них прощения и пощады.

Вторая часть поэмы нужна была Абаю для декларации своей морали, говоря словами Ауэзова, «большой поэт-гума-

* М. Ауэзов. Там же, с. 177.

нист выражает свою философскую мораль в новой форме, связывает с определенным содержанием». Поэма заканчивается назидательными стихами;

Вот пример, как всеильна глупость порой.
Не пускай свой ум по дороге чужой.
Немного хорошего приобретешь,
Слепо следуя за безумной толпой.

Перевод А. Глобы

В течение многих лет и десятилетий абаеведы потратили немало сил и средств для того, чтобы найти первоисточник второй части сюжета поэмы «Масгуд» (об удивительном сне и вредоносной воде). Абаевед Заки Ахметов, пересмотревший многие издания «Тысячи и одной ночи» и другие произведения восточного фольклора, наконец, нашел похожий сюжет в бирманской сказке «Когда все пьют дождевую воду, ее приходится пить и королю», которая использована им в переводе В. Касевича на русский язык. Но и здесь есть вначале некоторое расхождение с сюжетом Абая. В бирманской сказке мудрец определяет по звездам о вредоносном дожде и докладывает королю: «Государь! Через семь дней пойдет сильный дождь. Он будет идти ровно семь дней. Дождь этот будет не простой; всякий, кто напьется в это время дождевой воды — будь то монах или простой человек — станет безумным».

Далее все события и детали данной сказки совпадают с сюжетными перипетиями «Масгуда». Однако З. Ахметов констатирует свои суждения относительно причастности сюжета бирманской сказки ко второй части поэмы Абая следующим образом: «Бирманская сказка во времена Абая на русский язык не переводилась. Поэтому следует полагать, что сюжет существовал также и в фольклоре соседних народов, с культурой которых Абай был знаком, или же он проник к ним из юго-восточной Азии. Для того, чтобы сделать более определенный вывод, необходимо изучение большого круга материалов. Как видим, тот и другой сюжет в поэме «Масгуд», судя по характеру, имеет древнесказочное происхождение. В отношении второй части поэмы этот вывод подтверждается, ставшим ныне известным (пока по бирманскому тексту) сказочным сюжетом.

Заметим, что оба сюжета служат в поэме лишь исходным моментом, опираясь на них, Абай высказывает свои собственные идеи*.

Поэма «Масгуд» начинается такими строками:

Во имя твое, друг аллаха Махмуд,
Начинаю рассказ, и уста не солгут.
Когда был халифом Гарун-аль-Рашид,
Жил в Багдаде достойный джигит Масгут.

Перевод А. Глобы.

В этом произведении, как в поэме «Искандер», после осведомления читателя с названием города, где живет Масгуд; с именем халифа, автор больше до конца произведения не произносит их. Старик Кыдыр, назначая встречу Масгуду, говорит: «Но в таком-то месте, чуть свет жди меня». Или сам автор, констатируя встречу, пишет: «В свое время пришел куда надо джигит». Нет ни названия города, ни описания местности (места встречи).

Когда же Масгуд становится визирем, он живет и действует рядом с халифом. Но ни разу Гарун-аль-Рашид не назван в произведении по имени. В «Восточной легенде» Тургенева совершенно отсутствует. Только в финале произведения Джиаффар, который съел желтое яблоко, обращается к старику: «Поведай мне, старец, где живет почтенная мать нашего благоспасенного халифа?» И он направляется к матери халифа. Завершает легенду приведенное выше риторическое восклицание.

Абай в «Масгуде» использовал право на творческое отношение к известному сюжету согласно «назире». Весь свой рассказ он подчинил основной идее, выраженной в дидактической форме в конце произведения.

В своих поэмах прежде всего Абая интересует суть повествования, цель творческого замысла. Он не останавливается на пейзаже (каким бы по-восточному экзотическим он не был), не описывает окружающей героя местности. Его поэмы состоят из четырех основных компонентов: 1) слов автора, причем только комментирующих размышления, разговор и поступки героев; 2) диалогов персонажей

* З. Ахметов. Современное развитие и традиции казахской литературы. А., 1978, с. 71—73.

касающихся только их действий; 3) отдельных эпизодов (событий), которые связаны между собой исключительно участием главного персонажа (остальные вступают с ним в контакт только по необходимости); 4) творческой цели, к которой направлены идея произведения или умозаключения автора.

Поэма «Масгуд» также, как и «Искандер», невелика по объему. В ней, в основном, — три персонажа: Масгуд, святой Кыдыр и халиф.

В поэме «Масгуд» прямых характеристик героев, как в «Искандере», нет. В начале поэмы имеются несколько строк о времени и месте жительства Масгуда. Далее идет повествование событий. Герои своими поступками и речью проявляют свои характеры. Только после разъяснения Масгудом выбора красного плода (у Тургенева желтое яблоко олицетворяет благосклонность женщин. Абай же переменяет цвет сообразно эстетическим понятиям казахов. Автор «вмешивается» в ход событий и как бы дает знать о своем отношении к героям и их поступкам:

Тот чудесный старик был никто иной,
Как владеющий счастьем Кыдыр-святой.
Джигита, прощаясь, он благословил,
И Масгуд возвратился к себе домой.

«Шамши-жиган» ему прозвание дано,
Означает же «Светоч мира» оно.
А расскажу о нем, в назидание нам,
До потомства дойти было суждено!

Но земля и в то время была полна
Глупцов и невежд, как во все времена.
Они губят разум, добро, красоту.
Прекрасная жизнь ими осквернена.

От таких людей чего доброго ждать?
Честь и совесть, и ум, тщетно к ним взывать.
Тебя славным могил, родная земля!
Не будь их, захочешь в земле сам лежать.

Перевод А. Глобы.

В этих строках свое моральное и психологическое завершение получают предыдущие события: спасение Масгудом старика Кыдыра, награждение юноши красным плодом и разъяснение последним своего выбора (кстати сказать, пер

вая публикация поэмы «Масгуд» в сборнике 1909 года завершается этими строками).

В сюжете поэмы «Масгуд» преобладают диалоги. А эти диалоги построены на столкновении мыслей, на развитии морально-философской концепции, на основной идее произведения.

Словом, одушевленные и неодушевленные предметы присутствуют в поэмах Абая, выполняя только те функции, которые необходимы для движения мысли автора.

Конфликты поэм Абая строятся на загадочных мыслях, секреты которых должны разгадать главные персонажи. Таковыми загадками в поэме «Искандер» является секрет глазничной кости, «Масгуд» — сущность трех яблок и дурной воды.

Не только поэмы, но и стихи являются плодами долгих и томительных раздумий Абая над смыслом жизни, общественным строем, над взаимоотношением людей. Поэтому-то Абая по-праву называют поэтом — просветителем, поэтом-мыслителем.

Обладая рациональным умом, Абай оценивал окружающих его людей по уровню их умственного развития и знаний. Своей поэмой «Масгуд» Абай стремился не только вызвать размышления у читателей, но и подводил их к определенным выводам, которые формулировались, с одной стороны, сами, с другой — формулировал более конкретно для менее подготовленных (массовых) читателей автор.

В данной поэме главный герой Масгуд проявляет свое бессилие и разделяет безумие с толпой. Сам Абай боролся до конца жизни за справедливость, и в этом произведении типизировал случаи, когда одаренные люди отступали перед силой невежества.

Продолжая идейное содержание и эстетические принципы своей богатейшей лирики, Абай Кунанбаев и в своих поэмах твердо стоит на позициях поэта-гуманиста.

Поэма «Масгуд» написана 11-сложными стихами с традиционной казахской рифмовкой в строфах четверостишиях ааба. Вместе с тем поэмы Абая были новаторским явлением, которому органически чужды подражания и повторения. В отношении развития сюжета они стали переходным

этапом от эпоса к профессиональной поэме новой казахской письменной литературы.

Переводы поэмы «Масгуд» на другие языки, помимо русского, также начались с узбекского издания книги Абая 1945 года. Переводчиком этой поэмы был известный узбекский поэт Уйгун. В его же переводе она включалась в книги казахского поэта на узбекском языке 1961 и 1970 годов издания.

Впоследствии, т. е. после 1945 года, поэма «Масгуд» издавалась на языках других народов нашей страны, в частности, на латышском, азербайджанском, каракалпакском, киргизском, татарском, уйгурском и на двух иностранных языках; английском и арабском.

1990 г.

ПЕРЕВОД

Турагул КУНАНБАЕВ

ОБ АБАЕ, О МОЕМ ОТЦЕ

Для тех, кто собирает сведения по биографии моего отца, нужны данные о его характере, образе жизни, о том, как он выглядел при встрече со своими современниками, какими обычно были выражения его лица, одежда, походка, речь, как он радовался или возмущался. Среди современников моего отца было мало людей, умеющих писать. Поэтому мне невольно пришлось взяться за перо. Хотя, по моим понятиям, писать сыну о характере и привычках отца не вполне прилично.

Прежде я никогда не писал подобных вещей и к тому же никогда не видел и не читал книг-воспоминаний. Мне хочется взять характер отца в целом и постепенно, вдумываясь, раскрыть его настолько, насколько смогу. Азамат, которому нужны будут мои слова, найдет из кучи тюков нужный материал и выберет и выкроит то, что ему нужно.

Я — первенец отца от младшей жены. Мой отец женился второй раз, наверно, потому, что первая жена была на 2-3 года старше его, и он думал, что в преклонном возрасте не сможет она ухаживать за ним. Во-вторых, наверно, и потому, что по традиции считалось: состоятельный человек должен иметь двух жен.

Я родился, когда отцу исполнилось уже 32 года, когда безудержные порывы юношеского огня покидали его, и он стал считаться старшим братом в кругу джигитов. С тех пор, как я помню себя, знал отца человеком с открытым лицом, представительным на вид, с проницательным взглядом. Он мог быстро рассердиться и быстро стать радостным. Душа его была восприимчивой. Беседовать с ним было интересно. Любил игры. Дастархан его был всегда полным. Он

никогда не сидел скучным, неинтересным, вялым. Он находил у слуги, у пастуха или у женщины-работницы какую-нибудь особенную черту в характере или какую-нибудь выходку и добродушно вышучивал. Никогда не мог долго пребывать в обществе человека, которого не любил и которому не доверял. Если невольно оказывался рядом с такими людьми, то эти минуты были для него равносильны минутам пребывания в тюрьме. Его душа никогда не лежала к человеку, который прикрывался вежливостью, обходительностью, нарочно вел себя порядочно, чтобы следить за каждым шагом и за каждым словом других. Отец всегда скучал по тем людям, которые имели веселый характер и искрометное слово. Когда приходили такие люди, он радовался им, как сыну или родному брату. Еще в детские годы мне запомнилось, что окружающие робко шутили с отцом. Хоть он сидел, весело перебрасываясь шутками, но в какой-то момент мог рассердиться. Зная об этом, все аульчане, в том числе почтительные байбише*, разговаривали с отцом и шутили, храня в душе опаску, что напоминало игру лошади с жеребцом.

Спал отец мало. Обычно он ложился позже аульчан и вставал раньше их. Он садился перед кроватью на мягкую постель из стеганных одеял и подушек. Сидел без головного убора, в одной только рубашке, облокотившись на подушку или прижав ее к боку. Пил только рассыпчатый чай. Никогда я не видел, чтобы он пил чай без сахара. Но сахар всегда оставался. Ел немного. На утренний чай пекли для него оладьи, добавив к тесту яйца. Иногда жарили пирожки. С одними только баурсаками он не завтракал. Чай пил из стакана. В горячем виде его не пил. Подождет, пока остынет, а потом выпьет сразу.

В играх, которыми увлекались казахи, — шашки, карты, отец был одним из первых. Насколько я знаю, он особенно любил и с азартом играл в тогуз кумалак**. Приезжали разные старики, мастера и любители этой игры из рода Тобыкты и гостили месяцами, пока не наиграются. Некоторым из этих стариков, тем, что победнее, отец давал барана на мясо на зиму, дарил стригунка, бычка или даже лошадь. В основном, приезжали игроки зимой. Среди них были такие,

---

* байбише — старшая по возрасту женщина или старшая жена.

** тогуз кумалак — национальная игра.

как Корпобай, Куттыкожа, Кудайберды сын Куата, Исмагул сын Макиша.

После утреннего чая начинается игра в тогуз кумалак. Отец сидит в одной рубашке, прижав белую подушку. На голове у него тюбетейка. Он весь в игре. Почтенные аульчае, приходящие к нам в течение дня, также включаются в игру. А те, которые оказывались лишними в числе игроков в тогуз кумалак, и дети затевали игру в карты или рубились в шашки. Я не встречал человека, который бы побеждал отца в тогуз кумалак.

Вследствие того, что у казахов была своя манера распоряжаться временем, выработалась в степи одна привычка: человек, прибывший с каким-нибудь делом, сразу по приезде не говорит о нем. Он или переночует, или пообедает и только перед самым отъездом излагает цель своего приезда. Мой отец был против этой привычки. Он мирился с ней только тогда, когда приезжал издалека какой-нибудь уважаемый человек. А у других он сразу спрашивал об их деле, тут же решал и спокойно принимался за чтение книг или за игры. При этом заявлял прибывшему: «Теперь можешь гостить». Если такой прицелец, придерживаясь обычной привычки, молчал, не отвечал на расспросы, как будто набрал в рот воды, потом отец слушал его нехотя, отчитывал:

—Почему ты промолчал, когда я спрашивал?

Бывало так, что отец не выслушивал таких молчунов вообще. Он бывал доволен теми, кто о цели приезда говорил сразу. Люди нашего рода знали об этом и говорили обо всем при первом же вопросе.

Хозяйству отец уделял мало внимания. Ему и некогда было заниматься им, потому что днем и ночью шли к нему люди за советом и помощью. Но он заботился о форме хозяйства, об его основной сущности, выбирал место стоянки на джайляу, находил хороших пастухов и нанимал их, не скупясь на плату.

Отец знал разве только хороших породистых лошадей. Остальной свой скот не отличал от чужого. О верблюдах и баранах знал через доверенных табунщиков и пастухов. Коров у него не было. Коровы не могут доставать корм из-под снега, а летом пачкают окрестность вокруг юрт. По этим причинам в то время все баи нашего рода не содержали коров.

Во время поездок в город он сам никогда не покупал

предметов домашнего обихода и не занимался продажей скота. Все это поручал кому-нибудь из своих товарищей. Деньги не держал при себе и обычно не знал, сколько израсходовано и сколько осталось. Какая бы сумма не была у него, деньги всегда находились в кармане конюха. Если конюх сообщит, что деньги кончились, отец не требовал отчета, а находил и давал новую сумму. В городе он не разрешал брать мясо у торговцев; обычно кололи скот дома и мяса было в достатке.

Спекулянт Матайбай, сын Мамбета, рассказывал про-такой случай. Однажды он, желая похвастаться, сказал отцу:

— Я со вчерашней шкуры вашей лошади заработал три рубля барыша.

На это мой отец ответил:

— Я не торговец. Меня обкрадывают все бессовестные нахалы.

Матайбай далее рассказывал:

— Я хотел еще что-то сказать, но меня остановил Айтказы, сын Жексеная, присутствовавший при разговоре, прошептал: «Тек».

Я покраснел и промолчал.

Вечерами кто-нибудь постоянно рассказывал сказки, нередко и сам отец. Когда рассказывал другой человек, отец слушал так, как будто слушал впервые. Только выслушав до конца, он вносил поправки. Можно сказать, что не было таких сказок, которые бы он не знал. Он говорил, что по сказкам можно судить о прошлом казахского народа: где казахи жили, кто был их соседом и соперником, чем предки занимались, об их чаяниях, об уровне их знаний. Надо полагать, что в молодости отец читал много персидских сказок, книг, таких, как «Жамшит», «Кахарман». Я сам свидетель того, что мой отец первым прочитал книгу «Тысяча и одна ночь» и впервые познакомил с ней аулы. Благодаря отцу, стали в степи популярными русские книги. Дульчане познакомились с такими произведениями, как «Густав Амир», казахи увлекались русскими романами.

Вообще отец был более склонен к оценке повседневной жизни чувством, нежели умом. Он избегал холодного суда разума и старался быть под влиянием настроения. Однако острое чувство, которым щедро наделил его Бог, безошибоч

но определяло, чем мы дышим, о чем думаем, довольны ли мы чем-то или нет.

Отец настолько подчинился чувству, настроению, что сильно радовался, когда ребенок охотно шел на его зов. В таких случаях он говорил:

— Узнает. Это его кровь влечет к родной крови...

Тем, что я умею хоть пять куплетов сложить, обязан только отцу, его надежде на меня.

Дома отец одевался однообразно: рубашка, штаны, на голове—тюбетейка. Когда же выходил из помещения, свёрх тюбетейки одевал борик из синего сатина, окаймленный вокруг белой шкурой. Иногда, когда становилось прохладно, накидывал на себя красную шубу. С утра до вечера читал, и особенно—русские книги. Иногда возьмет в руку карандаш, сидит, что-то бормочет себе под нос, а потом пишет новые стихи.

1889 год, мне было тогда 14 лет, был самым плодотворным в творчестве отца. Мне запомнился его вид во время сочинительства. Он сидит с несколько побледневшим лицом, как человек, взобравшийся на головокружительную высоту. Его поздри слегка шевелятся, как у запыхавшегося бегуна или седока. Глаза увлажнены. Едва слышно что-то шепчет бормочет, издает невнятные звуки и приступает к письму. Пишет без остановки, ничего не зачеркивая, не исправляя. Кажется, что льются стихи из откупоренного сосуда поэзии.

Некто Алдангар постоянно занимался воровством. Отец решил исправить его и переселил в свой аул, взял также на воспитание дочь Алдангара Менке. Она готовила чай отцу. Девочку отец наставлял так:

— Когда я что-нибудь буду рассказывать гостям и вдруг обращусь к тебе с вопросом: «Не так ли, Менке», ты отвечай: «Да, так».

И вот вечерами отец цитирует самым развитым людям выдержки из научных книг, о которых казахи и не слышали, и обращается время от времени к девочке: «Не так ли, Менке?» Менке отвечает: «Да, так».

Гости в таких случаях приходят в недоумение, удивляются:

— Япырай*, смотри-ка, как эта девочка понимает!

Иногда отец заканчивает свой рассказ словами:

— Если кто разгадает смысл моих слов, тому подарю свой синий борик.

Этим он как бы дает гостям возможность восстановить ущемленное самолюбие. Это были шутка и игра.

В 1889 году я в течение полумесяца находился рядом с отцом, выучил наизусть все его новые стихи и терпеливо слушал все высказывания. Отец был очень доволен мной, сильно радовался, представляя меня всем, кто проездом заходил в наш дом:

— Этот будет человеком. Он выучил все мои слова. Он без устали слушает мои наставления.

Слова отца я воспринимал, как слова пророка, и бесконечно верил им. Я верил, что, внимая словам отца, стану человеком и был в числе его учеников, которые постоянно спорили между собой в поисках истины.

В характере отца с малых лет находились гнев и любовь. Зная об этом, и жена, и дети, и представительные люди рода, и простые аульчане старались снискать его любовь и доброту и остерегались его вспыльчивости. Известно, что жены — соперницы постоянно враждуют. Какой муж не хотел бы, чтобы они жили мирно. Но это желание далеко не всегда исполняется. А вот моя мать не проявляла ревности и вражды к соперницам. Наверное, здесь причиной была сила характера отца. Я могу утверждать, что в детях его никогда не было чувства унижения, как обычно бывает у детей младшей жены.

С годами отец стал менее вспыльчив и более добродушен. К добродушию он пришел через испытания — на себе испытал жестокий нрав и суровый характер хаджи, своего отца. И говорил:

• — Страх и любовь, вода и огонь никогда не уживаются. Человек воспринимает наставления того человека, которого

* Япырай — возглас удивления.

любит. По нему равняется. А наставления через силу и страх не достигают цели.

Отец баловал нас и почти не одергивал, когда при нем мы бегали и устраивали разные игры. Но когда видел, что прячемся от него и устраиваем игры в обществе непорядочных людей, очень сердился, ругал и стыдил нас.

Чаще всего на становление характера человека влияют три группы людей: родители, учителя, ровесники. Он берет хорошее или плохое у того, кого любит.

Отец оберегал нас от дурного влияния и следил за нами, как казахи следят за дочерью.

Он великодушно относился к нашим проделкам, которые мы совершали на его глазах. Можно привести такой пример. Однажды мы приехали в Семипалатинск. Наш дядя Кикитай немного занимался торговлей. Он завел кредит в Государственном банке, пригласил нас в гостиницу и устроил вечер. Известно, что мы в гостиницу шли не с целью расширить свой кругозор, а на попойку. Я обратился к отцу:

— Можно мне пойти?

Он разрешил. Раньше мы тайком пили водку и пиво. Получив разрешение отца, в кругу веселых людей под общий гомон и шум выпили мы изрядно. Когда ночью вернулись на квартиру, отец еще не спал. Нам постелили постель. Я вышел на улицу, стараясь скрыть свое состояние. От пива меня тошнило. Я решил спрятаться в темном углу двора. Отец оказался впереди меня. В ночных сумерках я не заметил его. Он застал меня во время рвоты и, приблизившись, сказал:

— Пиво — дурной напиток, действует на сердце. Постарайся очиститься хорошенько.

Еще был такой случай. Вместе с отцом нас пригласил в гости один наш приятель Бекбай, сын Банса. Он закупил много хороших вин. Я стал отказываться, притворившись нелюбующим. Тогда отец сказал:

— Пей, но с умом.

В тот вечер пили и он, и я. Переводчик Государственного банка Анияр Молдабаев, узедный переводчик Омирбек, сын Оспана, и я, втроем, выпили две бутылки вина. Анияр свалился с ног. Отец выпил одну бутылку и сидел как ни в чем не бывало.

У отца была страсть к хорошей лошади, к хваткой ловчей птице. На протяжении 2—3 лет он сильно увлекался охотой. Отбирал лучших стрелков-охотников, ловчих птиц и устраивал состязания. Каждого из своих детей учил охоте с беркутом. Но это увлечение длилось недолго. И постоянно отец менял своих птиц. Ему нравился взаимобмен. В нашем доме побывало около 250 беркутов. Помню, он постоянно говорил, что не видел такого беркута, как куций Тулака. Аульчанам нравилась в характере отца такая общительность. И даже между родами по примеру отца происходили взаимобмен и общение.

Мы были чингисскими тобыктинцами. Другие тобыктинцы несколько отличались от нас. Однако и они считали стыдом, если не могли удовлетворить чью-либо просьбу. Однажды на джайляу отец увидел чью-то темно-серую с лысиной лошадь. Обменял ее на пять кобыл с жеребятами. Вскоре эта лошадь разонравилась ему и он на пять верблюдов обменял ее. Вот так отец не без труда приобретал чужую лошадь, затем быстро разочаровывался и отдавал ее кому-нибудь из малообеспеченных.

В юности отец никогда не уставал от верховой езды, если отправлялся на расстояние больше 30—40 километров запрягал телегу. В молодые годы разъезжал по отарам, пас скот. А с тех пор, как я его помню, он не заботился о скоте, не ездил по своим угольям, по отарам, как это делали денно и нощно казахские баи. И вообще отец намного раньше других перестал ездить верхом. Не знаю, чем это объяснить: или потому, что он много сидел дома и писал, или потому, что берег свое здоровье, или раньше других почувствовал старость.

С тех пор как отец женился на Еркежан и поселился там, в главном доме, другие семьи стал посещать редко. В основном, жил в этом главном доме, расположенном в центре, среди аулов и имевшем большое состояние. Зимой аул байбише находился от Абая на расстоянии 45, а паш—на расстоянии 70 километров. В 97-м году в начале мая я приехал в главный аул. Отец находился в юрте-уранхае. Обычно весной до наступления жарких дней и осенью с наступлением холодов большую белую юрту ставил для гостей и для приготовления пищи. Сам он жил в четырехкрылой малой юрте, которая называлась «уранхай». Туда приносили много кизяка и разводили огонь. Отцу стелили мягкие одеяла у кровати. Он сидел, накинув поверх рубашки доху из шкуры жеребенка. Перед ним в

казане варилось мясо. По левую сторону юрты стояли в ряд небольшие черные бурдюки. Между казаном и входом кипел самовар. На углях кизяка пыхтел кипящий чайник.

Я зашел в юрту и отдал отцу салема. Не успел я поприветствовать его, как он сказал:

— Давайте выйдем.

Я проговорил:

— Ага, наших верблюдов для перекочевки недостаточно.

— Я найду вам верблюдов. Давайте выйдем.

В той юрте сидел подросток Оразалы. Отец отправил его в аул своего приятеля Есиркера с просьбой дать трех верблюдов. При этом заверил, что верблюды при возвращении не будут хромать и не потеряют в весе. Есиркер был из аула самого младшего и самого малообеспеченного из четырех сыновей Иргизбая Жортара. Сам Есиркер — сын работника Жортара по имени Архат. Нажив некоторое количество скота, он избегал сыновей Жортара, которые кормились у него. В течение 2—3 лет Есиркер находился под покровительством отца. Он ответил Оразалы отказом, заявив, что у него нет верблюдов. Тогда отец, помолчав, поднял голову и с улыбкой сказал:

— О, Бог, благодарю за милость. Я, оказывается, — добрый мусульманин. Если бы этот Есиркер жил рядом с Такежаном и если бы, как я, Такежан попросил у него верблюдов, то он не посмел бы отказать. Он верит моему мягкому характеру и решил, что Абай на его отказ ничего не сделает, не ответит злом.

Отец никогда не поддерживал подстрекателей-воров. Однажды кто-то вошел в юрту и сказал:

— Прибыл Карипжан-хаджи из племени Найман.

Отец одел ичиги, брюки, бешмет, попросил, чтоб постелили одсяло (стеганое). Когда гость вошел, отец обратился к нему:

— Ей Хаджи, как сюда попали?

— Да вот угнали у нас 7—8 лошадей, гонимся за похитителями.

— Хаджи-ай, стоило ли из-за 7—8 лошадей выезжать самому. Поручили бы кому-нибудь помоложе. — И с досадой проговорил: — Если бы угнал кто-нибудь из тобыктинских воров, то я бы нашел и возвратил.

Карипжан-хаджи смутился и сказал, что в порыве гнева не сдержался и отправился в погону сам.

Когда Карипжан-хаджи с 5-6 спутниками обедал, пришел старший брат отца Тапирберды. С ним был вор Исмагул, сын Шодыра. Отец спросил у Тапирберды:

— Вы по какому поводу пришли?

Тапирберды:

— У этого Исмагула есть спорное дело. Оспан направил к тебе на разрешение. Вот и привел его.

Отец сказал брату:

— Вы разве стали гонцом?

Тем самым отец выразил крайнее недовольство тем, что его брат потворствовал вору. На слова отца Тапирберды сильно обиделся. И позднее пришлось братьев мирить в ауле Оспана. На это собрание я тоже ездил.

Я никогда ни видел, чтобы отец на каком-нибудь многочеловеческом собрании говорил вольно, выносил свои слова на суд собравшихся. В нужный момент он коротко говорил свое заключительное слово и на этом решалось дело.

Я не видел другого человека, кроме своего отца, который решал бы спорные дела так справедливо. Если вспомнить влиятельных людей нашего рода, то они разрешали споры как можно с большей пользой для своих друзей. Мне кажется, что отец, не боясь никаких последствий, всегда стоял на том, где правда.

Вообще воры говорили: «К Абаю мы не можем идти с ложью. Перед ним нас могут спасти только правдивые слова».

Был один старый вор по имени Мынжасар, сын Коблана. Воровство в этой семье шло по наследству, несмотря на неоднократные разорения и изгнания. Этот Мынжасар рассказывал:

— В молодости как-то я выложил Абаю всю правду и стал считаться честным вору. Но однажды попутал черт и сказал неправку. Мы угнали табун лошадей из племени Каракесек и, положив голову на камень, поклялись никому об этом не говорить. Когда приехал истец, Абай вызвал меня и спросил о пропаже. Я отрекся. Я решил молчать, если даже в зимнюю стужу заморозят меня водой. Абай разозлился;

— Ах, ты., что ты болтаешь? Твой сообщник давно рассказал, сколько и куда распределили.

И Абай отпустил меня. Оказывается, те собаки все выданы. А я, разня, с тех пор лишился доверия.

Во время поездок в город, насколько я знаю, отец останавливался в трех домах. Это — дома шала-казаха¹ Кабыла, татарина Сулеймена и казаха Мауты. У всех троих жены были расторопными, умели вкусно готовить пищу. Ни за что на свете не останавливался отец у баев. Он обычно говорил:

— Ай, танир-ай², из-за того, что бай покрост мой расхоты, я должен следить за его настроением, ходить осторожно, говорить осторожно, как молодой жених.

Любимый сын отца Магаш болел всю зиму. Несмотря на снег, джут, не дождавшись весны, отец с Еркежан приехал в аул Магаша.

У бия Уськенбая от первой жены Таншолпан был сын Тлеуберды по прозвищу Шубар. Мой отец был в дружбе с Шубаром. Они в детстве вместе играли в бабки и вместе росли. У Шубара состояние было небольшое. Когда он умер, осталось трое детей. Средний из них Канагат, мой ровесник, в удобный момент не прочь был что-нибудь украсть. У людей он не пользовался авторитетом. Канагат оставил жену, на которой его женил отец, считая ее не ровней себе и украв чью-то дочь. Старший брат, разозлившись на него, весь скот его отдал отцу похищенной девушки. Прослав сумасбродом, оставшись без скота, Канагат стал испытывать нужду. Выпросил у кого-то тощую лошаденку, поехал в город, купил немного муки, кое-как привез в наш аул. Измаялся, как собака. Он приехал в наш аул, чтобы навестить Магавью. После постоянных нареканий он приомирел. К Магашу зашел робко и тихо поздоровался:

Канагат также зашел в юрту отца. Отец спросил его:

— Ты откуда прибыл?

Канагат поведал о своем трудном положении, о том, что везет муку, что устала его лошадь. Тогда отец сказал:

— Ой, бедняга. Устала лошадь, говоришь? В таком случае бери мою вороную и доведи свою муку.

---

1. Шала-казак — метис.

2. Танир — господи.

Так отец отдал Канагату лошадь, которую всю зиму содержал на овсе и берет. Услышав об этом, Магаш сказал мне:

— Ой, кто только не вызывает сочувствие у отца! Кто ему Канагат? Ровесник или приятель? Ему должны помогать такие, как ты, я, Какитай. Я бы не смог отдать Канагату, как отец, свою любимую лошадь. Мне и здесь не сравняться с отцом.

Так выразил Магаш свое восхищение щедростью отца. А таких случаев в жизни отца множество.

В дни моей юности у нас гостил сын известного героя Кавказа Тастемира. С ним были два его товарища. Они пробыли всю зиму и только летом на трех подаренных лошадях уехали. Этот человек скрывал, что он — сын Тастемира. Однажды у него случайно началась ссора с одним джигитом из нашего аула. В пылу гнева, бросившись за джигитом, он закричал:

— Если не убью тебя, то пусть я не буду сыном Тастемира.

Так он проговорился и открыл свою тайну.

Ежегодно один-два беглеца из Кавказа зимовали в нашем ауле. Иногда, прожив месяц-другой, уезжали. И всякий раз им дарили по лошади. Чаще всего мой отец отправлял их теми, кто ехал на Куяиду. А наши аульчане затем отправлял их с теми торговцами, которые присехали на Куядинскую ямарку с противоположной стороны, со стороны Кокчетав. Таких пришельцев у нас было человек пятнадцать. Обычай дарить лошадь беглецу-мусульманину был и у хадж Куанбая.

Я выше говорил, что нелозко писать об отце, об его характере сыну. При этом я имел в виду то, что сын склонен чаще всего вспоминать хорошие поступки отца, а плохие — забыть.

Сколько я не старался быть справедливым, ничего плохого, кроме одного недостатка, не могу сказать об отце. В молодости он был энергичным, любил ухаживать за собой, но рано поддавался лени и старческой медлительности. Других недостатков я в нем не нашел. Это не потому, что я хочу расхваливать отца, а просто больше о нем ничего плохого не знаю.

Теперь я хочу вспомнить о характеристике, которую дал моему отцу Долгополов, в свое время избравшийся депутатом первой или второй государственной думы г. Одессы. Во

тог оставил их. Кудайберды жил по-своему, никогда не слушался отца. Родной старший брат отца Танирберды воспитывался у второй жены бия Уськенбая. Среди детей Кунапбая самым способным, пожалуй, был мой отец. С 13-летнего возраста он начал активно участвовать в делах рода, активно выступал против врагов хаджи. Иногда побеждал, иногда терпел поражение. А вот в 27 лет одержал крупную победу.

В ауле Оразбая сына Аккула состоялись выборы волостного управителя. Аул находился около местности Бигули. Отец приехал туда один, без родственников, и добился избрания своего младшего брата Исака волостным управителем. С Оразбаем отец долгое время был в дружеских отношениях. А хаджи считал, что Оразбай и ему подобные не могут быть истинными друзьями, что все они — хитрецы. Но мой отец не слушался никого. Как-то из-за этого хаджи сильно ругал его. Но как бы там ни было, отец три раза подряд добивался избрания Исака волостным.

Однажды перед третьим избранием Исака отец приехал в его аул. Исака еще не встал с постели. Аксакалы, не дождавись его, к полудню начали расходиться. Тогда мой отец вызвал Исака и сказал:

— Смотри, вон идет Жиренше. Ты знаешь о чем он думает?

— Нет, — ответил Исака.

— Он думает, что на будущих выборах ни за что не будет голосовать за тебя.

Десять лет, в течение которых Исака был волостным, оставили в народе недобрую память. Сын хаджи считал, что для того, чтобы управлять волостью, не обязательно знать мнение народа, а достаточно угодить Абаю.

И Исака, и его жена распоряжались чужим скотом, как своим собственным. Когда Исака выезжал на съезд, жена была рядом с ним. На месте съезда ставили для них юрту, кололи окот, устраивали увеселительные игры. Если Исака злился, то несмотря ни на возраст, ни на авторитет человека, набрасывался на него с яростью. Его характеру удивлялись и дети, и женщины, сравнивая со злым духом из сказки.

Самого младшего брата отца звали Оспан. Он был человеком широкой натуры, несколько простоват. Если кто-то ему нравился, то для него его щедрость разливалась морем. А

если к кому-то питал неприязнь, то мог его вытянуть за ноги из дома и выбросить. Тем не менее, Оспан после Абая был самым умным из братьев. С виду он мог казаться простоватым, а про себя отдавал отчет каждому своему поступку и всегда впереди имел какую-то цель. О молодом человеке, который еще не нашел своего призвания, разные люди думали по-разному и нередко ошибались.

Выше было сказано, что отец был в ссоре со старшим братом Кудайберды. Но за два-три года до своей смерти Кудайберды помирился с отцом. В течение этих двух-трех лет они совсем забыли о ссоре и по-настоящему по-братски относились друг к другу.

Отец часто повторял:

— Горе оказывает сильное воздействие на юное сердце. Ничто так не действовало на меня, как смерть Бакема — (Кудайберды он называл Бакем). Здесь он сравнивал смерть брата не со смертью Магавьи, а со смертью Оспана и Габдрахима. После третьего избрания Искака волостным была выдвинута кандидатура хаджи Шакарима, сына Кудайберды, которому только исполнилось 20 лет. Когда хаджи Шакарим стал волостным, он начал тайно собирать своих сторонников и скреплять союз клятвой. Но это ему не помогло. На следующих выборах хотели избрать волостным Оспана. Но против него были и предводители родов, и хаджи Шакарим. Все друзья и родственники, которым верил сам старший хаджи, на этот раз изменили и избрали волостным Кунту. Искак пришел к отцу и сказал:

— Люди переметнулись на сторону Кунту. Они обманывают тебя.

Тогда отец вызвал своего друга Ербола и спросил, насколько прав Искак. Тот ответил:

— Нет, Абай. Искак не просто так говорит.

Отец поверил Ерболу и не стал допытываться дальше. К тому же он был немного болен.

После этих выборов, состоявшихся в 1884 году, отец разочаровался в друзьях, в окружающих его людях и так выразил свои мысли:

Так отец отдал Канагату лошадь, которую всю зиму содержал на овсе и берет. Услышав об этом, Магаш сказал мне:

— Ой, кто только не вызывает сочувствие у отца! Кто ему Канагат? Ровесник или приятель? Ему должны помогать такие, как ты, я, Какитай. Я бы не смог отдать Канагату, как отец, свою любимую лошадь. Мне и здесь не сравняться с отцом.

Так выразил Магаш свое восхищение щедростью отца. А таких случаев в жизни отца множество.

В дни моей юности у нас гостил сын известного героя Кавказа Тастемира. С ним были два его товарища. Они пробыли всю зиму и только летом на трех подаренных лошадях уехали. Этот человек скрывал, что он — сын Тастемира. Однажды у него случайно началась ссора с одним джигитом из нашего аула. В пылу гнева, бросившись за джигитом, он закричал:

— Если не убью тебя, то пусть я не буду сыном Тастемира.

Так он проговорился и открыл свою тайну.

Ежегодно один-два беглеца из Кавказа зимовали в нашем ауле. Иногда, прожив месяц-другой, уезжали. И всякий раз им дарили по лошади. Чаше всего мой отец отпиривлял их с теми, кто ехал на Куяиду. А наши аульчане затем отправляли их с теми торговцами, которые присхали на Куядинскую ярмарку с противоположной стороны, со стороны Кокчетава. Таких пришельцев у нас было человек пятнадцать. Обычай дарить лошадь беглецу-мусульманину был и у хаджи Куанбая.

Я выше говорил, что нелозко писать об отце, об его характере сыну. При этом я имел ввиду то, что сын склонен чаще всего вспоминать хорошие поступки отца, а плохие — забыть.

Сколько я не старался быть справедливым, ничего плохого, кроме одного недостатка, не могу сказать об отце. В молодости он был энергичным, любил ухаживать за собой, но рано поддавался лени и старческой медлительности. Других недостатков я в нем не нашел. Это не потому, что я хочу расхваливать отца, а просто больше о нем ничего плохого не знаю.

Теперь я хочу вспомнить о характеристике, которую дал моему отцу Долгополов, в свое время избравшийся депутатом первой или второй государственной думы г. Одессы. Во

«Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон.
Вот и старость. Свершиться мечтам не дано!
Хоть любую добычу беркут берет.
О, казан мой. Мой бедный народ!
Бай живет и охраняет свой скот.
Измучен, обманут я всеми вокруг,
Тот, кто заблудился, видит
Впереди простор пустой.
Бесчестный зверя жадней.»

Когда отец написал последнее стихотворение и прочитал своему коноводу Кусаишу, сыну Какимбая по прозвищу Карасакау, то тот воскликнул:

— Пропал Кожекбай.

Карасакау был выходцем из рода Кокше, ответвления Балтая. А Кожекбай — из рода Мамай, ответвление Еламана. Отец Кожекбая Жамантай был тестем старшего хаджи Кунайбая, так как наша бабушка Улжан была его приемной дочерью.

Во время земельной тяжбы Жамантай был убит родственниками. Хаджи Кунанбай добился того, что убийцы полностью заплатили за жизнь Жамантая, а его малолетние дети Кожекбай, Тезекбай, Макыш находились под присмотром самого Кунанбая и никто не смел их обижать. Они пользовались всеми правами, какие были предоставлены каждому из четырех сыновей Улжан. Когда начался разброд среди друзей и приятелей старшего хаджи, они переметнулись в сторону наших врагов и стали держать совет с Кунту, который тогда был волостным.

Однажды на одном сборе Кожекбай постоянно задевал акына Байкокше. Тогда Байкокше сказал:

Твои слова, Кожек, как синяя вода,
И синий малахай — твое наследство
Тебе не стать почтенным никогда;
Ты сатане подходишь для соседства.

Начало стихотворения «Если бы он жил в чужом роде» Байкокше посвятил Кожекбаю. Там говорится, что он может быть в хороших отношениях, находясь далеко. Когда друг

оказывается в беде, забывает обо всем хорошем и может совершить подлость.

Мой отец часто писал стихи, в которых критиковал своих сородичей и плохо о них отзывался. Это, кажется, потому, что люди рода Иргизбай отличались плохими чертами характера.

Однажды разболтался иргизбаевец Бакаш. Слова его были настолько непристойными, что едва и во сне бы приснились. Тогда люди сказали ему:

— Бакаш-ай, эти слова твои — бессмыслица.

А тот ответил:

— Потому что я иргизбаевец.

Между Бакашем и Иргизбаем, конечно, была разница большая. Люди в шутку говорили: «Хороший иргизбаевец рождается чрезмерно хорошим, а плохой рождается баксы, от которого нет прока».

Стихотворение «Наконец, волостным я стал» было написано отцом, когда у реки Баканас в 1888 году на чрезвычайном съезде волостным Мукурской волости был избран его ровесник Кулембай. Кулембай происходил из малочисленного рода, но благодаря своему состоянию, стал волостным. Также Кулембаю посвящены стихи «Уагалайкумассалем, волостной...».

Стихотворение «О, помоги к стопам твоим», «Я презрел знание, юноша пустой» написаны в то время, когда Габдрахим учился в Тюменском реальном училище, а Магавья с сестрой Гульбадан — в Семипалатинской приходской школе. Надо полагать, что тогда написано и стихотворение «Наших множество детей принимают в интернат». Где-то между 84 и 87 годами написано стихотворение «Моим взволнованным словам...». Стихотворение «Лето» появилось во время летних кочевий в низовьях реки Баканас, когда аул остановился в местности. Копбент, расположенной неопдалеку от земель племени Керей.

Стихотворение «Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, бора» отец написал в ауле своего старшего брата Танирберды. Внука Танирберды Динислама не пускали из дома, заставляли есть за столом. А мальчику хотелось поделиться с ре-

бятишками своим обедом и он рвался на улицу. Отец был свидетелем такой картины и написал стихи. В 84-м году зима была суровой и легла тяжелым бременем на народ. Вот тогда отец сочинил стихотворение «Зима».

Стихи «Масгуд» были написаны в 1887 году. В 1881—82 годах отец занимался охотой. Тогда он написал «Всадник с беркутом скачет в ранних снегах». В те же годы были написаны:

«Управитель начальству рад», «Если кто-то стал выше другого», «Да будет слово мудреца», «Звереет бай», «Не продохнуть, полнит мне грудь», «Погляди на молодежь», «Знаю, в истине преуспев», «Голодное бюрхо, чем хочешь набей», «Стыдливость, но лишь для отвода глаз», «Если умер близкий — скорбен человек», «Не для забавы я слагаю стих», «Дорогой долгой жизнь водила», всего тридцать стихотворений.

Все переводы из «Евгения Онегина» написаны между 89-м и 92-м годами. В 86-м году Кунту, сын Шунги был снят с должности волостного и на его место был назначен Шакарим. Кунту добился перехода рода Олжай в Мукурскую волость, а Оразбая — в Бугулинскую — рода Кушик. В 87-м году волостным Чингисской волости стал Оспаи. Отец обиделся, что получилось разделение волости. В 89-м году он помирил отделившиеся аулы и снова ввел их в Чингисскую волость. В тот год Оспаи снова был избран волостным. Кое-как отец покончил с межродовыми распрями, поручил все дела Оспаи и решил всецело заняться наукой. И впредь в его обществе всегда были разговоры о науке, о знаниях. И мы, как шакирды медресе, около него спорили о догмах и истине.

В течение трех лет отец на многие из указанных стихотворений сочинил музыку.

Особенно много работал он зимой 89—90, 91 годов. В 91-м году начались разногласия между Оспаином и Оразбаем, что нарушило покой отца. Он вначале хотел помирить их и приложил для этого немало усилий. Однако ничего из этого не вышло. Отец стал поддерживать Оспаина.

В те дни, когда отец обучал нас, часто повторял; «Человек, алчущий скота — нечеловек. Жадность — высший порок». Эти мысли можно встретить в разных стихотворениях, например, «Управитель начальству рад», «Стяжателью одно лишь

тешит душу — скот» и других. Он говорил, что человека, который правит народом, не расхваливай, а чаще ругай. Эту мысль можно найти в стихотворении «Легко народом править».

Выше я говорил, что отец в молодости рьяно взялся за правление аулами, но постепенно охладел и отказался от власти. Стихотворение «Разве не должен, мертвый, я глиной стать» написано в 89-м году, когда мне было 14 лет. Я вспоминаю период жизни отца после этого стихотворения. Он боролся и словами, и делами в кругу друзей и недругов за гуманную и справедливую жизнь.

Когда Кунту большинством голосов был избран волостным, жена уездного воскликнула «котек»¹. Тогда же уездный решил назначить перевыборы. Но мой отец был против. Он сказал:

— Нет. Утвердите так, как есть.

А наши враги не успокоились победой на выборах. Они стали действовать против отца и наших сородичей. Подговорив старшин, которых избрали по своему усмотрению, они составили дело на моего отца и в 86-м году хотели его сослать.

В это время прибыл в Семипалатинск генерал-губернатор. А с ним был Лосовский, который раньше здесь находился на должности уездного. Генерал, прочитав приговор об изгнании моего отца, чуть не наложил резолюцию. Здесь вмешался Лосовский. Он помог отцу встретиться с генерал-губернатором. Неизвестно, что говорил отец. Но генерал сказал ему:

— Ты — человек, вознесшийся выше своего времени.

И поручил уездному снять Кунту с должности волостного и назначить на его место Шакарима. Наши враги не знали, что произошла такая перемена. Они сразу по приезду забрали зимовку Танирберды и табуны лошадей, заявляя при этом, что Абай сослан. А вскоре Кунту был снят, дела перешли к Шакариму. Скот был возвращен. Наши недруги заплатили за свои злодеяния. В список доноса попали люди из соседних родов. Они ни в чем не были виноваты, но их занесли, как сочувствующих. А в газете «Дала Уалаяты» вышла

---

1. Котек — возглас удивления.

статья, где критиковали отца за то, что он не устраивал доминок по хаджи Кунанбаю. Отец написал такие стихи:

Несчастный, мучила весь век тебя судьба.
Как разлюбить эту жизнь, что зла и груба?
Не умрешь ты от обид, но узнаешь стыд
Став мишенью хвастунам,—не спрячешь лба.
После многочисленных нападков отец писал так:
Собакам в чаще волка не догнать.
Поможет бог осилить вражью рать.
Хотя не раз мы их на цепь сажали,
Привычно псам бессовестно рычать.

В 90-м году приехал в Семипалатинск генерал-губернатор барон Таубе и начал дарить многим волостным управителям и биям сабли и бешметы. Отцу он подарил ружье-двухстволку. Но отец разозлился, видя, как радуются волостные управители, и написал стихотворение «Управитель начальству рад».

В том же году отец пригласил в аул скрипача Муку, чтобы он обучал детей игре на музыкальных инструментах. Тогда у нас находился акын Асет. Он был завистливым, вспыльчивым и своевольным человеком. Стихотворение «Если кто-то стал выше другого» посвящено ему. Тогда же написано стихотворение «Да будет слово мудреца».

К стихотворению «Не продохнуть, полнит мне грудь» приложено случайно самостоятельное стихотворение «Сердце в огне». Думаю, что это незаконченный перевод стихотворения Пушкина «Под вечер». С презрением к волостным написано стихотворение «Зверест бай». В нем есть слова: «с начальством угодлив, тих, но, видя награды, вцепиться рад, как бешеный пёс, в своих». Здесь имеется в виду собачья привычка. Когда пинком выгоняют собаку из дому, она со злостью готова вцепиться с любой встречной собакой. Также волостной управитель, получив наказание от уездного, вымещает зло на простых людях.

У хаджи Шакарима было стихотворение, написанное в юности, где он охавал старость и восхвалял молодость, где говорил, что больше 60 лет не надо жить. Вот в ответ на эти стихи отец написал «Не для забавы я слагаю стих».

В 1891 году, когда началась вражда между Оспаном и Оразбасм, Танирберды перешел на сторону Оразбая. Этому

была своя причина. Танирберды был человеком некрепкого телосложения. Он рано постарел и попал под влияние своего сына Азимбая. Азимбай был способным джигитом, но не имел образования. Тогда стал добиваться почестей путем захвата власти. Для этого он решил отказаться от братьев и породниться с их врагами. Под предлогом того, что будет руководить другим родом, посватался с Оразбаем. А оразбаевцы, в свою очередь, хотели разобщить нашу сторону.

В 92-м году Оспан, на плечах которого были заботы о друзьях и недругах, умер. С его смертью вся тяжесть вражды легла на плечи отца. И в самые тяжкие минуты он писал стихи.

Чаще всего занимался творчеством зимой. Стихотворение «Хвастун, наглец, бездельник, льстец» написано им в 92-м году, в год смерти Оспана, когда мы переехали на зимовку. Продолжением этого стихотворения являются стихи «У Оспана дорогого».

После смерти Оспана, у которого не было детей, трех его вдов разделили между собой три его брата: Исака, Танирберды и мой отец, который женился на Еркежан и переехал к ней в главный дом. Это было в 94-м году. В 93-м году состоялись выборы, на которых Оразбай и Кунту были избраны волостными Бугулинской и Мукурской волостей. Старейшины и аксакалы избрали волостным Чингисской волости отца. Он говорил ему:

— Для оставшихся будь хозяином ты.

В 20 лет отец избирался кандидатом при волостном. А волостным был его старший брат Кудайберды. Когда Кудайберды умер, недруги донесли, что у отца еще малый возраст. После этого, несмотря на популярность и авторитет, он ни разу не избирался. Только два раза по назначению отец был волостным Конаркокшинской волости (Мукурской). В тот год, когда он женился на Еркежан, поехал на проведение волостного съезда. Там один болтливый его сверстник по имени Кыздар, желая пошутить, сказал:

— Нынче, перебравшись в главный дом, ты поправился. Исправно выглядишь.

Шутка была неуместной. Разве отец когда-нибудь нуждался в пище и одежде? Разозлившись на такую шутку, отец

написал стихи. На следующий день Кыздар вымолил эти стихи у отца и сжег.

Как-то в гневе на Кыздара отец написал стихотворение «Разрознен мой родной народ». После съезда 1894 года недовольный нравами биев, он написал стихотворение «Как соберутся на совет».

В 92-93 годах после смерти Оспана, когда все невзгоды обрушились на голову отца, когда друзья и родственники стали нерешительными, в состоянии душевного расстройства он написал следующие стихи:

«Что ты ищешь, моя душа? О, сердце мое, замри, застынь!.. Я верю, верю. Одинокос, не ищи.. Благо мигом унесло. Вот и осень пришла на меня. Я нашей молодежью огорчен».

То, что говорил или писал отец о своих родственниках, родных и близких, о народе, казахам нравилось, трогало их и волновало.

Вообще у казахов есть одна язва. И она очень живуча. Ею заражены даже образованные казахи. Я бывал в разных кругах. Но везде, как только возникает спор, разделяются на роды, группируются. Эта болезнь живет в степи издавна. Коренных неисправимых причин для вражды обычно нет. Кажется бы, и делиться незачем. Сородич твой может долгое время считаться братом и другом, а если возникнет спор у тебя с тем, кто по родству будет ближе тебя, то он встанет на его сторону. Это — давняя традиция.

Выше я дал ответ на то, когда и как, по какой причине были написаны стихи, входящие в сборник отца. О переводах уже сказано раньше.

В 94-м году в аул приехал уездный Федоров. Он, узнав, что отец переводит стихи Лермонтова, посоветовал ему переводить басни Крылова. И говорил, что казахам легко будет их понять. После этого отец стал переводить Крылова.

Как-то давно приезжал к нам по торговым делам татарин Искак Махмудов. Он женился на казашке, принял казахские обычаи и осел в степи. Искак нажил солидное состояние и прослыл баем. Он породнился с хаджи Кунанбаем. Они стали добрыми сватами и верными друзьями. Как-то внуки Искака Садык и Жибулла пришли в дом отца. Они были веселы и

прихорашивались, как женихи. Тогда отец посвятил им стихи «Веселья легкая вода». А тем, кто пил кумыс, — стихотворение «Кумыс казаху — пища...». Стихотворение «И снова мое вдохновение», наверное, перевод из Лермонтова. Оно, по моему, написано до «Искандера».

В 98-м году написано стихотворение «На воде, как челнок луна». Раньше по старым спискам указывалось, что написано оно в 88-м году. Это — ошибка, допущенная человеком по имени Мурсеит.

В молодости я тоже думал, что стабу поэтом. Я принес одно стихотворение отцу и попросил художественно доработать. Но стихи не получились. Он тогда написал стихотворение «Красивую песней под струнный звон...».

Видя, как мы суетимся с намерением писать стихи, отец сочинил стихотворение «Не ради забавы по кругу бегут...». Перекликаются с назиданиями содержание стихотворений «Легко «аллах» произнести», «Смертна природа, человек же не умрет», «Бог есть и слова его правдивы». В стихотворениях «О, порыв души огневой», «Час улыбнется иль миг такой» отец передает свое внутреннее состояние в минуты вдохновения.

Когда друзья, которым до конца верил отец, обманули его, он написал стихотворение «Время скроет солнце за край земли». О своей старости говорит в стихотворениях «Проклятый мир обирает нас. Как поладить с ним?», «Ты помнишь ли юность, друг». Свою краткую биографию дает в стихотворении «Разве не должен мертвый я глиною стать...». Здесь он рассказывает о том, как рос, чему учился, среди каких кругов бывал, чем занимался в зрелом возрасте. В «Искандере» показывает своего героя с отрицательной стороны. До отца в степи Искандера обычно расхваливали.

Основанием моему утверждению о том, что отец постепенно преодолел свою вспыльчивость, послужило и следующее:

У казахов есть дурная традиция бороться за власть. В 1898 году отец поехал на выборы в Мукур. Бай Оразбай нажил большое состояние и имел влияние на род Тобыкты. Он был в ссоре с Оспаном. А после смерти Оспана ссора перенесена была целиком на моего отца. О ссоре отца с Оразбаем знали не только во всем Тобыкты. О ней на больших съездах узнал весь уезд. И казахи всего уезда разделились надвое. Единomyшленники и сторонники отца из Мукурской волости упросили его поехать на съезд. Они говорили:

— Вам нельзя не ехать. Оразбай выдвинет лужного ему человека и тогда вам не будет житья.

У казахов правда и неправда соседствуют на расстоянии меньше, чем расстояние между бровью и глазом. И вот они, увидев отца, начали переходить на его сторону.

Оразбай и его сообщники решили, что если не нанести удар по самому Абаю, то казахи по старой привычке будут все время переходить на его сторону. Были выделены несколько человек, которые должны застигнуть внезапно отца во время беседы с уездным и избить его.

Отец и не дагадывался о таком злом умысле. Но когда подошли злонамеренные люди и начали скандал, один из них упал на отца и решил сам пострадать за Абая. Удары были нанесены по нему. На отце никаких следов побоев не было. Этим защитником оказался младший брат Соны по имени Аппас. Хотя отец и не пострадал, но недруги постарались распространить слух об избииении. Они чувствовали себя удовлетворенными.

Этот случай распалил друзей и родственников отца — то детей, братьев, аульчан. Все в один голос гневно кричали:

— Мириться не будем! Убьем! Уничтожим!

Тогда мой отец сказал:

— Всякое плохое дело ведет к плохим последствиям, а не к хорошим. Я в молодости твердил, что ненавистных мне людей с землей сравняю. Я был одним из тех людей, которым всегда везло в борьбе с врагами. Когда я впервые сел верхом и взял за узду коня, род Жигитека ни в состоянии, ни в авторитете не уступал нам. А иногда даже считали, что они достойнее нас. Не скрою, я добился ссылки не одному жигитековцу. За сосланными шли их родственники, которые по дороге терпели бедствия, а некоторые погибали. Здесь виноваты они сами. Они поплатились за воровство и насилие. Но есть и мое непощение. Род Жигитека, обеднев, оскудел. Но как бы он не обессилел, он, лежа у ног, сумел покусать мои ноги.

Знайте, что это — плохие последствия плохих дел. Вы говорите, что не хотите мириться, что убьете или погибнете. Это

неправильно. Я не могу поддержать вас. Взвесьте все. А я — за перемирие.

Так отец сдерживал порыв гнева сородичей.

Зимой 98—99 годов Оразбай собирался ехать в Мекку. Он хотел перед дорогой помириться с отцом и прислал человека. Отец согласился. Он встретился с Оразбаем в Семипалатинске в доме хаджи Жакин и без всякого выкупа, без разных расходов помирился с ним. Затем, когда отец приехал в аул, к нему прибыл сын Оразбая Медеу со старейшинами и по всем казахским обычаям завершил примирение. Никто из рода Токбыкты не сказал, наверное, что Абай поступил неправильно.

В 98-м году прислал областной землемер, который устанавливал границы между волостями и делил землю на межи. Роды Жигитек и Бокенши раньше входили в Мукурскую волость. В 98-м году они были изгнаны нашими предками на соседние земли. Они никак не могли отомстить нам, хотя в их сердцах ненависть, как у разъяренного льва. И вот они были вынуждены по новому административному делению войти в нашу Чингисскую волость. Отец поступил следующим образом. Он собрал всех старейшин, аксакалов и сказал:

— Есть пословица, что сорок лет не могут длиться ни мирные взаимоотношения, ни вражда. Давайте теперь забудем нашу вражду. И вы не думайте, что я питаю к вам ненависть.

Обе стороны выразили согласие и забыли отныне о прежних распрях. Добрые слова отца нашли достойный отклик. После этого через четыре года мой отец скончался. Люди помнили отца, почитали дух его предков и дружески относились ко мне.

А такие враги отца, как Оразбай, не проявляли милость ко мне. Другие, может быть, сказали бы: «Что взять с бедного сироты». А эти — нет. Но от всех их козней спасали меня друзья отца. Это благодаря им, я никогда не чувствовал одиночества и не терпел обид.

ОСНОВОПОЛОЖНИК АБАЕВЕДЕНИЯ О СВЯЗИ ТВОРЧЕСКИХ СУДЕБ

С 1718 года, когда была основана крепость Семипалатная, до начала творчества Абая прошло полтора столетия. Мало что изменилось за это время в экономической и социальной жизни степи. Русская культура едва-едва просачивалась сквозь протяженность степных верст. Только в XIX веке через ссыльного Достоевского и петрашевцев, через образованных казахов, таких, как Чокан Валиханов и Халиолла Уськенбаев (брат Абая), стали проникать в феодально-патриархальные аулы русская культура и литература.

Во второй половине XIX века завершилось добровольное присоединение Казахстана к России, развивались экономические связи. Именно в таких исторических условиях и родились поэмы Абая. Об истории создания этих поэм, об их идейном и тематическом содержании немало написано в казахском литературоведении.

Рост самосознания русского народа, классовая активность пролетариата, демократические и революционные веяния вместе с проникновением элементов капитализма в Казахстан не обходили стороной казахский народ, особенно молодое поколение, и оказывали на него свое воздействие.

Поэт-демократ Абай постоянно внушал своим ученикам и современникам мысль о просвещении народа, об его защите и освобождении. В частности, он давал своим сыновьям Акылбаю и Магавье вольнолюбивые темы для их будущих сюжетно-романтических поэм. Абай знал о пробуждении пролетарского духа в русском освободительном движении.

Как первый представитель критического реализма в казахской литературе, Абай в силу своей просветительской миссии, писательского кредо не дал полнокровных романтических произведений. Но под влиянием его творчества и произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова обрели жизнь

романтические поэмы «Дагестан», «Зулус» Акылбая, «Енлик и Кебек», «Медгат и Касым» Магавьи, «Салиха и Самен», «Агаш ат» («Деревянный конь») Асета Найманбаева и другие Эти произведения, как, впрочем, романтические вообще, пронизывают бунтарская стихия, жажда свободы.

Думается, что поэмы созданы Абаем в зрелом возрасте, точнее, где-то в последний период жизни.

В первом петербургском издании произведений Абая 1909 года поэма «Масгут» заканчивалась следующим четверостишьем:

От таких людей чего доброго ждать?
Честь и совесть, и ум — тщетно к ним взывать,
Тени славных могил, родная земля!
Не будь их, захочешь в земле сам лежать.

(Перевод А. Глобы).

Эти строки, полные отчаяния из-за вопиющей несправедливости окружающей действительности, настораживают. Так мог выразиться только человек; вдоволь испытавший душевные муки, за плечами которого десятки нелегких лет жизни. (Остальные 13 четверостиший были впервые включены в издание произведений Абая 1939 года).

Последние строки первой публикации «Масгуда», думается, вызваны к жизни реальными событиями. В течение 8 лет, с 1876 по 1884 год, длилось следственное дело Абая, начатое кляузами и ложными доносами коварных степных воротил. И все-таки им не удалось запятнать, загубить Абая. Однако в чутком сердце поэта остались долго незаживающие раны. После душевной травмы поэтическое вдохновение в полную силу пришло только в 1886 году. Это был наиболее плодотворный год: Абай создал 15 стихотворений. Всю свою внутреннюю боль поэт переплавил в злость и выложил в гневных строках таких стихотворений, как «Вот и старость», «Жизнь уходит...»

Обращаясь к хронике жизни Абая, мы можем констатировать, что до долголетнего судебного следствия Абай особых поворотных духовных и моральных потрясений не переживал. Первое большое горе переживал Абай в 1891 году. В этом году умер Оспан. Но и до этого Абай насмотрелся «свинцовых мерзостей» феодально-патриархальной степи, натерпелся злодеяний пресыщенных богатством и скучающих от безделья

аульных ханжей и невежд. Он готов был уйти, навсегда скрыться от них, но его не отпускали «теи славных могил, родная земля». И Абай всецело отдается просветительскому делу — собирает вокруг себя талантливую молодежь, пишет свои поэмы, создает философские назидания (галкия). Создав свои поэмы, Абай, надо полагать, внушил сыновьям Акылбаю и Магавье мысль написать большие сюжетные произведения со свободолобивой идейной установкой на подсказанные им же темы.

В изданиях сочинений Абая последних двух десятилетий поэмы публикуются без всяких указаний дат. Ранее фигурировали такие даты: 1887 г. («Масгуд»), 1896 г. («Сказание об Азиме»). Мы считаем, по крайней мере, дата «Масгуда» отвечает истине, что она правильна. И прийти к такому выводу помогла нам «Восточная легенда» И. С. Тургенева.

Известно определение Николая Погодина из книги «Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников», где его статья прямо названа «Для нас Ауэзов — второй Абай».

Уровень нашей филологии на данном этапе дает полное право утверждать, что Абай был бы признан и занял свое достойное место в истории. Но мировая известность Абая без Ауэзова была бы отодвинута значительно дальше в будущее. Такая же участь, вероятно, ожидала бы и Ауэзова. Со всем своим писательским и научным наследием Мухтар Ауэзов был бы признан в республике, в Союзе республик, но мировое признание без эпопеи «Путь Абая» пришло бы значительно позже.

Абай знал Ауэзова, видел однажды шестилетнего мальчика Мухтара. Но мог ли предвидеть великий поэт, что внук его друга Ауэза через полвека прославит его имя на весь мир? Тогда по стихам Абая только начал учиться грамоте маленький Мухтар.

Но какое отношение имеет Ауэзов и его эпопея к Тургеневу? Самое непосредственное. Известно, что М. О. Ауэзов был мастером художественного перевода. Если посмотреть перечень переведенных им произведений, то из семи прозаических самым крупным является роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». Причем шесть остальных переведены Ауэзовым в первую половину творческой жизни (1918—1936). «Дворянское гнездо» переведено писателем в период работы над эпопеей «Путь Абая», т. е. в 1952 году. Зато дает основание предполагать, что Ауэзов умышленно прервал работу на

романом-эпопеей и переключился на перевод «Дворянского гнезда». Естественно, что писателя интересовал процесс деградации русского дворянства, потому что Ауэзов всесторонне изучал рост, развитие и разложение верхушки степной знати, представителей «белой кости» («ак суйек»). К тому же Мухтара Ауэзова всегда привлекал музыкальный, эмоционально гибкий язык Тургенева. Это ли не главные причины, побудившие казахского писателя обратиться к творчеству И. С. Тургенева? Очевидно, есть и другие. Возможно, элементы стиля Тургенева органически влились в ауэзовский стиль и получили дальнейшее развитие. Вопрос стиля прозы М. Ауэзова еще не стал предметом специального исследования. Но тех, кто занимается прозой и переводом Ауэзова, ждет интересный вопрос «Тургенев и Ауэзов».

Сам Ауэзов придавал исключительное значение переводу «Дворянского гнезда». Завершив эту работу, он даже написал отдельную статью теоретического характера, которую так и озаглавил: «О переводе «Дворянского гнезда». Замечательно в ней такое признание автора: «Через перевод образцов русской великой классической литературы я лично, как писатель-переводчик, стараюсь перенять их высокое мастерство» (смысловой перевод).

Есть интересное свидетельство, подтверждающее наши предположения, в воспоминании востоковеда Иосифа Брагинского, который пишет: «И, наконец, еще об одном разговоре у больничной койки. Мухтар Ауэзов очень страдал, но, как всегда, был бодр и говорил не о болезни, а о своих думах, о волновавшем его вопросе, о взаимовлиянии и взаимообогащении литератур: «Вот будете, возможно, и вы писать о влиянии, которое оказала на меня русская литература. Правильно, огромное, ни с чем не сравнимое влияние. Но какой его характер, как оно проявляется? Назовете, конечно, М. Горького, назовете Л. Толстого. И это тоже верно. Но знаете ли вы, кто оказал на меня самое большое влияние? Не догадаетесь. Тургенев»

Итак, Тургенев и Абай, Абай и Ауэзов, Тургенев и Ауэзов. Это — классический образец переплетения и связи творческих судеб трех великих писателей XIX и XX веков, благотворного взаимодействия литератур.

СЛОВО ОБ АУЭЗОВЕ*

Совсем недавно жил и творил Мухтар Омарханович Ауэзов. К сожалению, не все современники сумели непосредственно увидеть писателя, услышать его живой голос. И все же можно утверждать, что он сегодня, как и при жизни, знаком и близок нам. Столь реальному восприятию помогают книги воспоминаний.

Если в русской культуре создана целая мемуарная литература, то в казахской это первые опыты типа «... в воспоминаниях современников» Сборник «Наш Мухтар» (составитель, автор комментариев и ряда переводов Б. Сахариев) по сравнению с первой книгой такого рода, посвященной Мухтару Ауэзову, пополнился материалами восемнадцати авторов; в том числе земляков писателя Каюма Мухамедханова и Галиакпара Тюребаева.

Свои воспоминания К. Мухамедханов начал с описания встречи Мухтара Ауэзова на родине в дни его 60-летия. В форме беседы с юбиляром, используя ассоциации, неизбежные в подобных случаях, автор повествует о событиях «давно минувших дней». Интересны сообщения о первых литературных вечерах и концертах в Семипалатинске, посвященных десятилетию со дня смерти Абая. Среди организаторов и участников этих культурных мероприятий были будущие академики Мухтар Ауэзов и Каныш Сатпаев.

О работе первого культурно-просветительного кружка «Ес-аймак» и о роли в этом новом деле совсем юного Мухтара рассказывает педагог, артист и режиссер Г. Тюребаев в статье «Первые спектакли». Кружковцы впервые познакомили широкую публику с пьесами Ауэзова «Енлик и Кебек», «Же-

---

* Эта рецензия на книги «Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников» и «Наш Мухтар». А. 1973, 1977 гг. опубликована в журнале «Дружба народов» № 9 за 1977 год.

ны-соперницы» и другие. Материалы К. Мухамедханова и Г. Тюрбебаева содержательны, отличаются лаконичностью.

Жизнь значительной личности бывает, как известно, большой и сложной по вместившимся в ней событиям, по своему смыслу. Отсюда закономерен интерес к юным годам Ауэзова, когда определялся круг его интересов, истоки творческих устремлений, когда проявились первые ростки его таланта.

Авторы рассказывают о начале трудовой и общественной деятельности писателя. Бесспорно, это ценно. Однако свидетельств о литературных увлечениях молодого Ауэзова почти нет. Трудно себе представить и его внешний облик, манеру держаться. А ведь это немаловажно... Тут исключение — воспоминания преподавателя русского языка и литературы Семипалатинской учительской семинарии Василия Ивановича Попова: «Всегда спокойный, неизменно корректный, сдержанный в своих отношениях с преподавателями и товарищами, он пользовался большим авторитетом среди своих однокурсников»

М. О. Ауэзов неоднократно отмечал демократичность русской школы в отношении к казахским детям. Подобному впечатлению, видимо, способствовали такие наставники, как «учитель словесности» В. И. Попов. В 1949 году Ауэзов разыскал его в Москве и подарил свой роман «Абай» с трогательной надписью: «Дорогому моему воспитателю Василию Ивановичу Попову, впервые зародившему во мне любовь к русской литературе. Навсегда признательный автор».

М. О. Ауэзов в Семипалатинске занимал разные посты, вплоть до председателя губисполкома, и везде проявлял большую работоспособность, энергию, чуткое отношение к людям, творческий подход к решению разных вопросов. Эта сторона его жизни того периода освещена вскользь и, в сущности, остается «белым пятном».

После Семипалатинска была учеба в Ленинградском университете, аспирантуре при восточном факультете САГУ в Ташкенте. Ленинградские и ташкентские годы жизни Ауэзова не получили должного освещения. Этот пробел восполняет известной степени воспоминания жены писателя Валентины Николаевны Ауэзовой. А старый друг, однокашник по Ленинградскому университету Ираклий Андроников так говорит: «Мухтар Омарханович вошел в нашу жизнь не только как за-

мечательный писатель. Он — явление, человек-легенда, мудрец нового времени, истинный поэт и человек. Человек тонкий, душевный, благородный, бесконечно обаятельный, способный понять решительно все. В нашей литературе он один из немногих был мерилом, вехой, огнем, по которому можно было измерять собственное движение».

Еще до создания эпопеи «Путь Абая» Мухтар Ауэзов сделал очень много для становления и развития казахской современной литературы, особенно таких его новых жанров, как драматургия. Его читали, знали и любили. А когда случались трудные моменты жизни, Ауэзову протягивали руку помощи его собратья по перу Вс. Иванов, А. Фадеев, Л. Соболев, Н. Тихонов, К. Федин и другие. Постепенно и методично, начиная с арабской грамоты и русской школы, Мухтар Ауэзов вбирал в себя культуру Востока и Запада, Севера и Юга, поэтому он и смог создать «энциклопедию казахской жизни» (К. Сатпаев). В стране и за рубежом писатель-академик, лауреат Ленинской премии, депутат Верховного Совета республики Мухтар Омарханович Ауэзов достойно представлял казахскую советскую многонациональную культуру.

Он был человек мягкий, отзывчивый. По-сыповски заботливо, с трогательным вниманием относился к матери Абдильды Тажибаева во время поездки в Москву в 1936 году на первую декаду казахской литературы и искусства, по-отечески, как добрый садовод, пестовал литературную смену, глубоко и страстно, с исключительной эрудицией и анализом выступал в комитете по Ленинским премиям (по воспоминаниям Е. Клипович) с поддержкой рассказа М. Шолохова «Судьба человека», стихов Мусы Джалиля, повестей Чингиза Айтматова.

Ауэзову-ученому посвятил свои воспоминания востоковед Иосиф Брагинский. Он выделяет два кардинальных направления в его научных трудах: проблематику казахской литературы и проблематику советской многонациональной литературы. О лекторском и ораторском искусстве Мухтара Омархановича, о его умении заинтересованно вести беседы вспоминают многие авторы.

В книге «Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников» пятьдесят пять авторов. А в книге «Наш Мухтар», изданной через четыре года, уже семьдесят три. И, может быть, еще больше, пока свежи воспоминания и не стерлись в памяти отдельные детали и необходимые штрихи.

1977 г.

М. О. АУЭЗОВ — УЧЕНЫЙ

В дни празднования 80-летия М. О. Ауэзова уместно вспомнить, что он был не только выдающимся писателем, первым казахским драматургом, блестящим переводчиком, но и крупнейшим ученым, филологом. Обладая феноменальными знаниями в области литературы и искусства, Мухтар Омарханович Ауэзов внес неоценимый вклад в развитие казахского литературоведения... Он явился основоположником обширной отрасли казахской литературоведческой науки — абэведения.

Творческое наследие великого Абая было той благодатной почвой, которая вырастила и воспитала М. О. Ауэзова. На конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте Мухтар Омарханович вспоминал о своем первом знакомстве с Абаем:

— Будучи шестилетним мальчиком, в кочевой юрте своего деда я впервые увидел написанные от руки на бумаге стихотворные строки и был поражен тем, что песни, которые пелись старшими и которые мы, дети, тоже распевали, оказывается, могут молча лечь на бумагу. Еще больше я был удивлен и озадачен, когда дед пояснил, что это были строки нашего одноаульца — поэта Абая.

Широкие и разносторонние интересы Ауэзова активно проявились в его творчестве: он пишет художественные произведения, пробует свои силы как литературовед и критик, как публицист. В Семипалатинском областном архиве сохранились любопытные материалы, в частности, личное дело (начато 25 декабря 1921 года) председателя губисполкома Ауэзова М. О. В одной из анкет на вопрос: «К какому виду литературы вы проявляете больший интерес?» дан ясный ответ: «К публицистике». Действительно, Ауэзов в то время много и с увлечением работал в периодической печати, понимая, что именно через нее можно оперативно и действительно влиять на жизнь. В местных газетах одна за другой появлялись его статьи широкого общественного звучания.

Ни одна сторона жизни народа, делавшего первые шаги на пути строительства социализма; круто изменившего свою судьбу, не могла не интересовать такого человека, как М. О. Ауэзов, особенно, если дело касалось вопросов культуры. В 1926 году, в разгар дискуссии по вопросу организации наци-

онального казахского театра, молодой Ауэзов, будучи еще студентом Ленинградского университета, выступил в одном из номеров республиканской газеты «Генбекский казах» со статьей «Об истории театрального искусства и о казахском театре». Рассматривая пути развития мирового театра на аналогиях и сопоставлениях, автор строит свою концепцию развития казахского национального театра. Глубокое знание культурных традиций своего народа позволяет М. О. Ауэзову предсказать театру прекрасное будущее, дать бой тем, кто не верил в возможность создания казахского театрального искусства.

Многие годы жизни отдал Мухтар Омарханович собиранию и изучению творческого наследия Абая, произведений акынов XVIII—XIX веков, казахского и киргизского фольклора. И эта исследовательская работа, как и педагогическая деятельность (Ауэзов закончил аспирантуру при Среднеазиатском университете в Ташкенте, читал студентам лекции) обогащали его как писателя, давали ему новые жизненные наблюдения. Высокая эрудиция и образное мышление, прекрасная литературная речь снискали молодому лектору любовь молодежи. Лекции Мухтара Омархановича в КазГУ по казахскому устному народному творчеству посещали наряду со студентами и многие научные работники в области культуры, литературы, музыки. Слушатели конспектировали его лекции, записывали поговорки и пословицы, редкие слова, встречавшиеся в образной речи Ауэзова.

В 1946 году была организована Академия наук Казахской ССР. В этом же году профессор Ауэзов был избран ее действительным членом. Пожалуй, нет ни одной области филологии, в которой бы не выступил Ауэзов. Он исследовал и казахские народные сказки, и киргизский эпос «Манас», творчество своих земляков — маститых и начинающих поэтов и писателей, зарубежных мастеров слова. Из-под его пера появился ряд статей по теории драматургии.

Выдающийся мастер художественного перевода Мухтар Омарханович Ауэзов не раз выступал как критик и в этой области. На втором Всесоюзном съезде советских писателей Мухтар Ауэзов совместно с П. Антокольским и М. Рыльским подготовил содоклад «Художественные переводы литератур народов СССР». В нем были поставлены проблемы, актуальные для переводчиков и по сей день.

Мухтар Омарханович Ауэзов вел большую общественную работу, он принимал активное участие в подготовке школьных и вузовских учебников, писал для них целые разделы, редактировал их. Помогал советом и делом молодым казахским ученым-филологам и лингвистам.

И всегда оставался писателем, выразителем дум и чаяний своего народа, живущим сложными проблемами века. XX столетие ознаменовано многими научными открытиями, небывалым взлетом технической мысли. И кое-кому могло показаться, что искусство, в том числе и литература, — это вчерашний день человечества. И возник в свое время жаркий спор между «физиками» и «лириками». Не мог оставаться в стороне от дискуссий такой писатель, как Мухтар Омарханович Ауэзов. Он писал: «Да, человековедение — это совсем особая область. Знания физики и химии не могут служить здесь заветным ключом, отпирающим дверь искусству, открывающим перед ним эпоху расцвета, глубоко и всесторонне раскрывать в образе духовный мир человека. Это дано только искусству Данте, Шекспира, Сервантеса, Гете, Толстого. Наша задача состоит сегодня в том, чтобы достойно включиться в переключку веков, чтобы рядом с именами Дон Кихота и Гамлета, Фауста и Болконского встали имена и герои нашего времени.

Пусть не обидятся на меня представители других видов искусства — литературе здесь первое место».

Ученый Ауэзов не менее популярен, чем писатель Ауэзов. Он внес весомый вклад в литературоведческую науку. Его научные статьи, исследования и монографические труды, если собрать их воедино, могут составить несколько томов. Неслучайно немецкий еженедельник «Зонитатг» в статье «Казахстан горюет о своем певце» писал после смерти Ауэзова: «Советская литература понесла тяжелую утрату. И не только литература, но и наука».

Мы, соотечественники Мухтара Омархановича Ауэзова, чтим его не только как писателя и драматурга, но и как выдающегося ученого. Имя его по-праву носит крупный научно-исследовательский центр — Институт литературы и искусства Академии наук Казахстана. 1977 г.

У ИСТОКОВ КАЗАХСКОГО ТЕАТРА

Театр. Это слово вошло в казахскую лексику намного позже, чем появилась первая пьеса. А первый любительский спектакль «Енлик-Кебек» был поставлен в 1917 году в Ойкудуке, в ауле Айгерим, жены Абая. Автором пьесы и постановщиком был двадцатилетний семинарист Мухтар Ауэзов. Такой невиданный в степи скорирцз преподнес молодой Ауэзов внучке Абая Акыш в день ее свадьбы (проводов невесты).

Осенью 1920 года в Семипалатинске организуется первый культурно-просветительский кружок «Ей-аймак». Инициаторами его создания были местные учителя. Входили в него также учащаяся молодежь и некоторые представители местной интеллигенции.

Мухтар Ауэзов с самого начала организации кружка «Ес-аймак» принимал деятельное участие в его работе: давал направляющие советы, определял содержание, помогал в составлении программы, в привлечении женщин-казашек и т. д. Активный участник кружка, один из героев (Гали) романа Н. Анова «Крылья песни» Галиакпар Тюребаев вспоминает:

— Начинать работу кружка «Ес-аймак» было очень трудно. В постановке спектаклей мы опирались, в основном, на свою одаренность и интуицию. Многие мы перенимали у русского театра имени Луначарского и у татарского драмколлектива. Когда со спектаклем ничего не получалось, мы давали импровизированные концерты. В этих случаях нас здорово выручали молодой тогда поэт-импровизатор Иса Байзаков и певец, любимец публики Амре Кашаубаев.

Мухтар Ауэзов, занятый тогда уже разнообразной общественной, государственной и творческой работой, выкроил время и тоже пришел к нам в 1920 году.

Пред нами предстал необыкновенно опрятно, по-современному, по-русски одетый молодой казах с большими выразительными глазами, с черными, пышными, зачесанными назад, вьющимися волосами. Мы, восхищенные, называли его «сурет» («картина»).

Мухтар Ауэзов говорил нам о том, что надо основное внимание уделять постановке пьес, что надо изучать теорию

театрального искусства. Но Станиславский входил в наши сердца трудно и долго.

Наш репертуар состоял, в основном, из ауэзовских пьес: «Енлик-Кебек», «Жены-соперницы», «Попечитель народа»...

Сохранились интересные сведения о театральной жизни Семипалатинска 10—20-х годов. Так, например, в январе 1914 года кружок семипалатинской татарской молодежи показал в один вечер два спектакля. Представление длилось четыре с половиной часа. Публика осталась вполне довольной, хотя расходилась в 1 час ночи. (Этот документ хранится в Ленинградском архиве).

В начале 20-х годов в Семипалатинске русский театр Луначарского ставил такие пьесы, как «Отелло» Шекспира, «Королевский брадобрей» А. Луначарского и другие. И среди заинтересованных зрителей, которых тогда называли «театралами», был и молодой Мухтар Ауэзов. Неслучайно он свой большой, разножанровый творческий путь начал именно с драматургии.

В разное время до открытия национального театра начинают также появляться просветительские и драматические кружки в Оренбурге, Кустанае, Актюбинске. Кзыл-Орде и других городах Казахстана.

Мухтар Ауэзов изучает историю мирового театра, начиная с древнегреческого. И не просто изучает, а выявляет исторические предпосылки, закономерности зарождения и развития этого вида искусства у разных народов.

В 1926 году, когда развернулась дискуссия по вопросу организации первого казахского профессионального театра, вой рассудительный, авторитетный голос подал и Мухтар Ауэзов. В республиканской газете «Елбекши казах» («Трудящийся казах») он выступил с обширной статьей «Об истории театрального искусства и о казахском театре». Эта статья во всех своих основных выводах явилась основополагающей.

Когда в республике шел спор и оживленный разговор об организации казахского театра, Мухтар Ауэзов учился в Ленинградском университете. И этот студент с выразительными, восточными чертами лица стал поистине увлеченным до педантизма ленинградским театралом: Александринский театр, театр комедии, Мариинский театр... Таким страстным

поклонником театрального искусства Мухтар Ауэзов, пожалуй, остался на всю жизнь. Есть об этом интересное свидетельство в воспоминании профессора Т. Нуртазина. (Это уже было в 1934 году). Т. Нуртазин пишет: «Иногда Мухай одну и ту же постановку смотрел по несколько раз. Удивляюсь. Спешу разузнать. «Я же драматург. Наверно, знаешь,— ответил Мухтар Омарханович. — Необходимо всмотреться, понять, внутренне осмыслить. У ленинградских театров есть много поучительного». (Перевод мой—М. С.).

От семиплатинских спектаклей до оригинальных постановок ленинградских театров Мухтар Ауэзов видел своими глазами, старался понять умом и сердцем, как бы на практике проверяя свои теоретические познания в области этого искусства. Он смотрел и со знанием дела анализировал. Находил недостатки и просчеты даже в спектаклях больших театров...

И все это помогало ему разобраться во всевозможных проявлениях народного искусства, трезво оценить социальную среду и уровень образования, выявить жизнеспособные зачатки и правильно определить пути и перепутья будущего казахского национального театра.

И вот в 1926 год в тогдашней столице Казахстана Кызыл Орде занавес первого казахского профессионального театра открылся трагедией Мухтара Ауэзова «Енлик и Кебек». Затем последовали «Жены-соперницы», «Карагоз»; «За Октябрь», «Ночные раскаты», «Абай»...

Злободневным вопросам современности Мухтар Ауэзов посвящает пьесы «Каменное оперение—Тастулек» (1936), «В яблоневом саду» (1936), «На границе» (1937)...

В тридцатые и сороковые годы М. Ауэзов пополняет репертуар казахских театров пьесами русских и зарубежных классиков. В его исключительно высокохудожественном переводе заговорили на казахском языке герои таких общезвестных произведений, как «Ревизор» Гоголя, «Отелло» и «Укрощение строптивой» Шекспира, «Аристократы» Н. Погодина, «Любовь Яровая» К. Тренева...

Приход на национальную сцену мировой классики был огромным шагом в развитии молодого театра. Теперь в полный голос можно было говорить об истории и традициях казахского театра.

В 1934 году в Алматы открылся музыкальный театр (будущий театр оперы и балета), который также поставил пьесу М. Ауэзова «Айман-Шолпан».

В целях интенсивного и плодотворного развития казахской драматургии и театра Мухтар Ауэзов создает ряд пьес в соавторстве — «Абай» (с Л. Соболевым), «Обнаженный клинок» (с Г. Мусреповым), «Белая береза», (с А. Тажибаевым), «Гвардия чести» (с А. Абншевым).

Вот так, с одной стороны, как драматург, с другой, как теоретик искусства, М. О. Ауэзов стоял у колыбели казахского театра и помогал его зарождению и развитию на протяжении всей своей жизни. Поэтому сегодня отрадно сознавать, что прославленный орденоносный академический театр, где еще живы воспоминания о первом спектакле «Фылик и Кебек», по-прежнему и достойно носит его имя...

МАСТЕР И РАДЕТЕЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Эстафету благородной традиции художественного перевода в казахской литературе, начатую Ибраем Алтынсарыным и Абаем Кунанбаевым, подхватил уже в советское время молодой Мухтар и понес дальше.

Он перевел и опубликовал в 1918 году сочинение Л. Толстого «Будда», в 1924 году «Рассказы о сотворении Земли» профессора Вагнера.

Ауэзов никогда не вынуждал из поля зрения место и значение художественного перевода в благородной миссии взаимосвязи, взаимовлияния и взаимодействия советской многонациональной литературы, в плодотворном развитии казахской литературы во всем многоцветье жанров.

Он даже принимал участие в переводах на русский язык лучших произведений казахских писателей. Например, в 1933 году им совместно с З. Кедринной переведена на русский язык поэма Ильяса Джансугурова «Степь». А в 1936 году он перевел на казахский язык произведения «Волк» Джека Лондона и «Булька» Льва Толстого.

В тридцатые годы Мухтар Ауэзов активно приступил к переводу на казахский язык выдающихся произведений русских и зарубежных драматургов. Он пополнил репертуар

казахского театра такими значительными творениями, как «Отелло» Шекспира, «Ревизор» Гоголя, «Аристократы» Н. Погодина. Так он снова вносит весомый вклад в формирование традиции, в развитие истории национального театрального искусства.

Позднее, в пятидесятые годы, золотой фонд театрального репертуара пополнился пьесами «Укрощение строптивой» Шекспира, «Любовь Яровая» К. Тренева в переводах М. Ауэзова.

В середине тридцатых годов в Казахстан из Ленинграда прибыла группа писателей во главе с Леонидом Соболевым. Мухтар Ауэзов вместе с другими известными казахскими литераторами встретил их, широко раскрыв объятия, и активно участвовал в ознакомлении гостей с разными краями, с живописными уголками, с интересной культурой и со скорыми темпами экономики нашей республики. Так начинается их творческое содружество. О братском гостеприимстве и плодотворной дружбе писателей активный переводчик казахской литературы, поэт Константин Алтайский писал:

— В соавторстве с Леонидом Соболевым Ауэзов написал трагедию «Абай». Это был первый в истории случай, когда казахский и русский писатели выступали совместно. Вдвоем с Зоей Кедриной Ауэзов осуществил первый перевод на русский язык поэмы «Степь» Джансугурова.

Он был ярким сторонником привлечения в Казахстан русских писателей, широкой организации переводов произведений казахской литературы на русский язык.

Он дружески встречал каждого русского поэта или прозаика, которые выступали в качестве переводчиков казахских авторов. Илья Сельвинский и Лев Пеньковский; Николай Сидоренко и Марк Тарловский, Ярослав Смеляков и Михаил Луконин, Всеволод Рождественский и Константин Ваншенкин, Александр Гатов и Александр Големба, все они и многие другие русские писатели, вероятно, подобно мне, испытали на себе проявление ауэзовской доброжелательности, дружеского расположения, искреннего желания помочь.

Особую роль Ауэзов сыграл в большой работе по переводу на русский язык казахского эпоса, знатком которого он был.

Самое крупное произведение в прозе, переведенное Мухтаром Ауэзовым — роман «Дворянское гнездо» Тургенева. И Ауэзов постоянно на основе своего большого переводческого опыта поднимал и разрабатывал теоретические вопросы в этой области.

Глубокомысленный, с широким диапазоном учений написал о художественном переводе такие статьи, как «Об опыте перевода Пушкина на казахский язык» (1936), «О переводе «Ревизора» (1936), «Евгений Онегин» на казахском языке» (1937), «Некоторые теоретические вопросы художественного перевода» (1955).

В этих трудах автор строго наставляет переводчиков в максимальном сохранении формы и содержания оригинала, его художественных сравнений и стилистических особенностей языка. Справедливо оценивая высокое качество переводов Абая, он указывает на известную вольность, допущенную великим поэтом в переводе «Евгения Онегина». Поэтому Ауэзов настаивает на новом полном переводе «Энциклопедии русской жизни» (В. Белинский), который вполне соответствовал бы оригиналу. Вместе с тем предупреждает об опасности другой крайности — формализма. Он дает обзор переводов Пушкина разными поэтами и далее пишет: «...В переводах этих товарищей, кроме «Чаадаева» и «Тучи» Ильяс (Джансугурова — М. С.), имеется тенденция отходов от пушкинской рифмовки. Правда, нельзя крепко держаться за рифму ради рифмы. Так можно удариться в формалистику.

Но однако неправильно и то, что мы постоянно переводим стихи Пушкина казахской рифмовкой аба, отсутствующей в русской поэзии.

Ильяс перевел «Чаадаева» перекрестной рифмовкой. Абай использовал эту же рифмовку в «Письме Татьяны». Данная рифма характерна для Пушкина. И сохранение ее в переводе является не недостатком, а достоинством». (Пер. мой—М. С.).

Писатель-академик всю жизнь не отрывался от театра, внося свой вклад в его развитие и процветание. Он всегда подчеркивал особую роль переводных пьес на пути роста театра. Ауэзов определяет две важные проблемы, в решении которых помогает обращение к инонациональной драматургии:

— Во-первых, постановкой высококачественных пьес советской драматургии театр усиливает свое интернациональное воспитание. Во-вторых, театр передает публике на этих образцах свой революционный реалистический дух. И это тоже воспитание.

Велика способность таких пьес в том, что они не оставляют актеров в пределах лишь казахской пьесы. Они изменяют и помогают росту самого типа актера: Превращают казахского актера на культурном фронте в деятельного участника с интернациональным обликом. (Перевод мой—М. С.).

Как плод многолетних раздумий написана в 1955 году статья «Некоторые теоретические проблемы художественного перевода», в которой ученый дал решения ряда неразработанных вопросов. С целью выяснения сути животрепещущих проблем он обращается к опыту всей ищей многонациональной литературы. При этом приводятся высказывания и доводы Беллинского, Добролюбова, Гоголя, Тургенева. Таким образом, Ауэзов выдвигает тезис о необходимости и своевременности постановки теории и практики художественного перевода на научную основу и подъема их на соответствующий уровень во всесоюзном масштабе.

В области художественного перевода, благодаря своей прозорливости ученого, благодаря исключительной эрудиции, большому опыту, Мухтар Ауэзов стал известен за пределами республики и занял еще одно почетное место в истории советской многонациональной литературы. Одним из свидетельств того является тот факт, что на II Всесоюзном съезде писателей Мухтар Омарханович Ауэзов был одним из авторов обширного доклада «Художественные переводы литературы народов СССР».

1986 г.

ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Недюжинный талант Мухтара Ауэзова снял всеми границами одиноково щедро. Он оставил для нас и для будущих поколений более двадцати пьес, либретто и сценариев, множество рассказов и повестей, научно-исследовательских трудов и первую казахскую эпопею «Путь Абая». В его высокохудожественном переводе на казахский язык звучали произведения русских и западных писателей; Льва Толстого,

Тургенева, Гоголя, Шекспира, Дж. Лондона, Н. Погодина, К. Тренева.

Товарищи по перу, ученые разных отраслей науки, зарубежные писатели и критики сказали немало лестных слов о творчестве Ауэзова, особенно его романе «Путь Абая». Академик Каныш Сатпаев, выдающийся геолог с мировым именем, первый президент Казахской Академии наук, так оценил эпопею Ауэзова; «Роман писателя Мухтара Ауэзова «Абай» является одним из крупнейших достижений всей советской литературы. Автор этого поистине замечательного произведения Мухтар Ауэзов не только даровитый писатель, но и крупнейший исследователь, посвятивший многие годы своей творческой жизни собиранию, изучению и художественному обобщению многочисленных материалов поэта-гуманиста Абая Кунанбаева».

Мухтар Ауэзов начал свой творческий путь с драматургии и в течение всей жизни плодотворно работал в этом трудном жанре и как писатель, и как теоретик литературы. Об исключительном его вкладе в казахскую драматургию наиболее убедительно сказал известный писатель Сабит Муканов; «Жанр драматургии в казахской литературе — это новизна, которая открыта только Мухтаром Ауэзовым. До него в казахской литературе не только не было сколько-нибудь значительной пьесы, но даже не было ее намека. Путь казахской драматургии первой проложила пьеса «Енлик-Кебек», родившаяся из-под пера Мухтара Ауэзова в 1917 году».

Сейчас только можно удивляться тому, что роман «Абай» некоторое время находился в тени, в относительной неизвестности. А он ведь побывал на фронтах Великой Отечественной войны, вдохновляя воинов-казахов на подвиги.

Писатель Каюм Мухамедханов вспоминает;

— Когда я работал директором музея Абая, к нам, в Семипалатинск, приехал один из учеников Максима Горького, известный советский писатель Всеволод Иванов. Осматривая дом-музей Абая, он остановился у витрины, где был выставлен роман Ауэзова и сказал, что обязательно напишет о нем и начнет статью с этого дома-музея.

Всеволод Иванов сдержал свое слово. И не просто сдержал. Он был первым из ведущих советских писателей, кто

дал вполне достойную оценку «Абаю». В статье «Роман о песне», опубликованной в 1948 году в «Литературной газете», Всеволод Иванов с глубокой прозорливостью сказал: «В общем перед нами громадное культурное явление. Я бы не побоялся назвать его великим. «Абай» — роман, указывающий не только на громадный рост культуры казахского народа, но и на рост самого писателя, на его всестороннее развитие, позволившее ему создать этот удивительный роман».

В 1949 году роман «Абай» был удостоен государственной, а в 1959 году — Ленинской премии. Еще при жизни автора его эпопея была переведена на английский, немецкий, французский языки. А сегодня известны переводы книги более, чем на десять иностранных языков. «Абай» стал известен и приобрел добрых поклонников и почитателей на всех континентах.

Перевод на русский язык позволил ауэзовским героям широко зашагать по нашей планете, приобретая многочисленных друзей в разных странах мира. Первыми приветствовали появление романа «Абай» Назым Хикмет, Луи Арагон, Анна Зегерс, Андрэ Силь...

В 1960 году на книжном базаре в Париже на стенде председателя Национального комитета французских писателей Луи Арагона, рядом с его собственными произведениями, лежали три новые переводные книги. Это «Юность Абая» Мухтара Ауэзова, «Ромео, Джульетта и тьма» чехословацкого писателя Отчешашека и «Джамиля» Чингиза Айтматова. К этим книгам Луи Арагон написал предисловие и подписывал их как свои. «Мухтар Ауэзов,—говорил Арагон,—один из наиболее великих писателей нашего времени».

Труд долгих лет, эпопея «Путь Абая» завершена. Впереди — огромные замыслы, серия романов о нашей современности. Но жестокая болезнь помешала Мухтару Ауэзову осуществить свои благородные устремления, творческие планы.

В восьмом номере журнала «Дружба народов» за 1961 год, в работе которого с самого основания деятельное участие принимал Мухтар Ауэзов, было написано: «Скорбная весть пришла к нам в момент выхода июльского номера журнала «Дружба народов», в котором опубликована замечательная повесть Мухтара Ауэзова «Выстрел на перевале».

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ДНЕВНИК

Давно мне хотелось побывать в Ленинграде.

С чувством, которое называют «не по себе», входил в университетское здание с длинными-предлинными коридорами, украшенными портретами выдающихся людей и различной информацией. Удалось побеседовать с ректором университета доктором физико-математических наук, профессором С. П. Меркурьевым, Молодой энергичный ученый, руководитель одного из почтенных в стране университетов куда-то торопился, но любезно предоставил журнал со списком знаменитых выпускников. Подавая его, Станислав Петрович сказал: «Мы бережно храним память об известных выпускниках, лучших питомцах нашего университета. Знаем, что в этом году отмечается 90-летний юбилей Ауэзова, что создана представительная всесоюзная комиссия».

Список был очень большой. В нем значились 287 человек с датами жизни и краткими сведениями об их званиях и заслугах. Нам удалось сфотографировать первые три страницы. Благо, что фамилия нашего земляка начинается с буквы «А». Под номером 20 написано: «Ауэзов Мухтар Омарханович (1897—1961) — казахский советский писатель, драматург. Окончил ФОН г. 1928 году. Действительный член, вице-президент АН Казахской ССР. Лауреат Ленинской и Государственной премий. Заслуженный деятель искусств Казахской ССР».

Такое внимание к нашему земляку, конечно, закономерно. Но, признаться, никогда мне не доводилось ни слышать, ни читать, что М. О. Ауэзов был вице-президентом АН Казахской ССР. Известно, что он один из организаторов нашей Академии наук, был в числе первых академиков и состоял членом президиума. А, может быть, и был такой период.

Будучи в Ленинграде, как не зайти в знаменитый Пушкинский дом — Институт русской литературы АН СССР. Он на-

ходится где-то неподалеку от Мойки и Адмиралтейства по улице Набережная Макарова, 4. День был субботний. Никого из научных сотрудников не было, кроме Татьяны Адамовны Комаровой.

Надо сказать, что все, начиная от вахтера, внимательно отнеслись к нашему посещению. В некоторых залах литературного музея Пушкинского дома шел текущий ремонт и они были закрыты. Но доброжелательные сотрудники музея пошли нам с сыном Ержаном навстречу и предоставили возможность обозрения всех залов. Впечатление грандиозное и неописуемое. Здесь есть залы и экспозиции, посвященные всем великим русским классикам. Впечатление создавалось такое, что они собрались вместе на берегу Невы...

Запомнилась экспозиция, посвященная творчеству И. С. Тургенева. Каюсь, не удержался и начал рассказывать Т. А. Комаровой, насколько близок и дорог нам И. С. Тургенев: с его творчеством соприкасались и Абай (поэма «Масгуд» и «Восточная легенда»), и М. Ауэзов (перевод романа «Дворянское гнездо»).... Прижизненные портреты и фотографии писателей, скульптуры и картины с изображением Пушкина и Лермонтова, личные вещи и предметы Герцена, Гончарова, Полонского, Льва Толстого и других знаменитостей.

Многообразно представлена история советской литературы. Великий пролетарский писатель представлен панорамной темой: «М. Горький в Петербурге — Петрограде — Ленинграде». Здесь же экспонируются оригиналы работ Лермонтова-художника.

Видя все это, конечно, же, молодой Мухтар Ауэзов не раз задумывался над тем, почему Абай особенно любил динамичную лирику М. Ю. Лермонтова и больше всего перевел на казахский язык его стихотворений.

На прощание работники музея подарили книжку А. И. Хватова «Литературный музей Пушкинского дома». Листая ее страницы, приятно было обнаружить упоминание о нашем городе, где, в частности, написано: «...Изобразительные материалы Пушкинского дома положены в основу экспозиции музея Достоевского в г. Семипалатинске, музея А. Блока в Шахматове, при непосредственной помощи Литературного музея создавался мемориальный музей в последней квартире Достоевского в Ленинграде и Г. И. Успенского в г. Чудове».

дал вполне достойную оценку «Абаю». В статье «Роман о песне», опубликованной в 1948 году в «Литературной газете», Всеволод Иванов с глубокой прозорливостью сказал: «В общем перед нами громадное культурное явление. Я бы не побоялся назвать его великим. «Абай» — роман, указывающий не только на громадный рост культуры казахского народа, но и на рост самого писателя, на его всестороннее развитие, позволившее ему создать этот удивительный роман».

В 1949 году роман «Абай» был удостоен государственной, а в 1959 году — Ленинской премии. Еще при жизни автора его эпопея была переведена на английский, немецкий, французский языки. А сегодня известны переводы книги более, чем на десять иностранных языков. «Абай» стал известен и приобрел добрых поклонников и почитателей на всех континентах.

Перевод на русский язык позволил ауэзовским героям широко зашагать по нашей планете, приобретая многочисленных друзей в разных странах мира. Первыми приветствовали появление романа «Абай» Назым Хикмет, Луи Арагон, Анна Зегерс, Андрэ Стьиль...

В 1960 году на книжном базаре в Париже на стенде председателя Национального комитета французских писателей Луи Арагона, рядом с его собственными произведениями, лежали три новые переводные книги. Это «Юность Абая» Мухтара Ауэзова, «Ромео, Джульетта и тьма» чехословацкого писателя Отчешашека и «Джамия» Чингиза Айтматова. К этим книгам Луи Арагон написал предисловие и подписывал их как свои. «Мухтар Ауэзов, — говорил Арагон, — один из наиболее великих писателей нашего времени».

Труд долгих лет, эпопея «Путь Абая» завершена. Впереди — огромные замыслы, серия романов о нашей современности. Но жестокая болезнь помешала Мухтару Ауэзову осуществить свои благородные устремления, творческие планы.

В восьмом номере журнала «Дружба народов» за 1961 год, в работе которого с самого основания деятельное участие принимал Мухтар Ауэзов, было написано: «Скорбная весть пришла к нам в момент выхода июльского номера журнала «Дружба народов», в котором опубликована замечательная повесть Мухтара Ауэзова «Выстрел на перевале».

Стало ясно, почему М. О. Ауэзов на протяжении всей жизни был так дружен с ленинградскими писателями и деятелями культуры Л. Соболевым, Вс. Рождественским, П. Лукницким, Н. Тихоновым, Вс. Вишневским, О. Берггольц, композитором, автором знаменитого балета «Пламя Парижа» Б. Асафьевым, известным пушкинистом, профессором С. М. Бонди, доктором филологических наук Ираклием Андронниковым и др.

Сколько еще не увидено, не посещено в этом большом городе! Когда возвращались домой, в одном купе с нами ехали ленинградцы. На прощание, поняв суть нашего сожаления, записали свой адрес со словами: «Приезжайте к нам в Ленинград.»

1987 г.

ПЕРЕВОДЫ

АХМЕТ АУЭЗОВ

НАЧАЛО ПУТИ

ДЖАЙЛЯУ Ералы. Местность Ойкудык. Аул Абая. Мы — Мухтар, Билял и я с дедушкой Ауэз не раз бывали в доме Абая и Айгерим-апа. В глубине шестикрылой белой юрты на почетном месте сидел смуглолицый человек с широкими плечами и широким лбом, немного карнаухий и с большими добрыми глазами. Этот аксакал нас всегда встречал с распростертыми объятиями. Он всех нас целовал в лоб. Он папш Абай-ага. Мы всегда с особым рвением стремились попасть в этот дом. Айгерим была очень спокойным человеком. Она не умела передвигаться быстро. А мы не находили места, хлопали глазами, следя за ее медленными движениями. Айгерим вначале не спеша переводит взгляд на решетку юрты, затем смотрит на сундук, расположенный у изголовья длинной кровати. Затем берет бешмет и проверяет боковой карман. В это время со звоном падает связка ключей. Мы радостно шепчемся, подталкивая друг друга:

— Ага, ключ нашелся!..

Айгерим открывает сундук и достает сладости. Мы — в восторге...

Мекеш (Мекаил), который был третьим сыном Абая и Айгерим, знал наизусть все стихи отца. Каждый раз, когда приезжал в наш аул, он подолгу рассказывал стихи Абая, помогал нам переписать и заучить их. Вместе с тем Мекеш был хорошим рассказчиком и незаурядным сказочником. Мекеш постоянно бывал у нас, может быть, потому, что наш аул находился рядом с аулом Айгерим.

Когда говорили, что идет Мекеш, Мухтар радовался так, будто поймал сразу семь зайцев.

Однажды Мухтар подбежал к только что прибывшему Мекешу и сказал:

— Мекеш-ага, расскажите стихи Абай-аган,

Мекеш расхотался;

— Что говорит этот Шонка?

Мой милый, пусть всегда сопутствует твоим стремлениям свет победы! Сейчас расскажу, сейчас. А какие?

— Не знаю. Какие хотите.

— Тогда слушай.

И Мекеш негромко запел;

С детства видел я в науке
свет благой,
Но обеспечен был и шел
тропой другой,
А когда я спохватился,
возмужав, —
До науки не дотянешься
рукой.

Мухтар удивленно произнес:

— Разве Абай-ага не учился? Мекеш-ага, расскажите еще.

Право, Мекеш никогда в жизни не уставал от песен. Он продолжил дальше начатую песню. На этот раз его голос звучал еще тише:

Кто повинен,
что остался я ни с чем?
Овладев наукой, был бы не такой
Из людских отрад
одну зову — дитя.
Обучение детей — наш долг
прямой....

...Среди своих детей дедушка особенно большие надежды возлагал на любимого сына Касымбека (Каске).

Каске родился в 1886 году. Первоначально учился в ауле. Грамоте обучил его дедушка. Затем дедушка Авэз стар-

шего сына Каске устраивает в Семипалатинское медресе Хазрета Камали (Камеледдина). Там Каске учился до 17-летнего возраста. Но его не удовлетворяли духовные знания, и он готовился к поступлению в русскую школу. Камали хазрет пригрозил проклятьем. Но Каске, несмотря на угрозы, в 1903 году поступает в Семипалатинское русское пятиклассное училище.

И вот, возвращаясь из Семипалатинска, Касымбек был погружен в тяжелые думы. Его встретил сам дедушка. В пылу мучивших мыслей Каске выложил тут же все:

— Ата**, у меня есть к вам одна просьба.

— Хорошо, говори.

— Хазрет Камали проклял меня.

За что?

— За то, что я хочу учиться по-русски.

— Не расстраивайся, Каске.

Пусть бог смотрит на тебя правильным оком. Иди, учись. Добивайся своей цели!

Русское пятиклассное училище Каске окончил успешно и поступил здесь же в Семипалатинске в учительскую семинарию.

Каске — семинарист. Опрятная форма украшала светлого, общительного юношу среднего роста. Приезжая в аул на каникулы, Каске нам с Мухтаром постоянно сообщал много интересного. В руках у него всегда была какая-то книжка.

Мы впервые узнали у Каске, что ведущим русским писателем является Лев Толстой. И как раз книга, которую он остоянно носил, была «Севастопольские рассказы» Толстого. Эттуда очень много отрывков прочитал нам Каске. Как-то он сказал;

— Ахмет, Мухтар, прочтите вот эти слова Толстого.

— Мы же не пойдем.

— Как же не поймете? Вот он, что говорит; «Герой моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».

---

* хазрет (араб.) — религиозный сан.

** Ата (каз) — дедушка.

Однажды в присутствии нас с Мухтаром Каске обратился к дяде Омархану:

— Омархан-ага*, вот уже Мухтару исполнилось десять лет. Я хочу увезти его в Семипалатинск. Пусть со мной учится по-русски, пусть приобретает знания.

Омархан недовольно поморщился и сказал:

— Разве недостаточно, Каске, того, что ты оставил родной очаг в погоне за русскими знаниями. Цель моей жизни в том, чтобы Мухтара до 14-ти лет учить по-арабски, а затем женить и нянчить своих внуков. Ты сам знаешь, что мы с Наймантаем хотим стать родственниками. Мы посватались на Айкежан. Не обижай меня. Оставь Мухтара в покое.

Разочаровавшись в дяде Омархане, Каске пришел в главную юрту к дедушке Ауэз. Каске начал с ним неторопливую беседу. Он говорил о том, что русская культура — передовая культура. Потом стал просить разрешения на обучение Мухтара по-русски. Это желание Каске дедушка Ауэз не стал отвергать, а наоборот, поддержал. Дедушка дал согласие на русское обучение своего первого любимого внука Мухтара. Вот так Мухтар в 1907 году поступает в Семипалатинское русское пятиклассное училище.

Омархан Ауэзулы умер в 1909 году, а мать Мухтара Нуржамал — в 1912 году. Домом, семьей, хозяйством Омархана стал управлять сын Самархана Разак. Благодаря Разаку, Мухтар рос, не зная особой нужды и лишений.

Два года спустя после Мухтара, в 1909 году, с помощью Каске я поступил учиться в двухклассное русско-киргизское училище, которое находилось в Жана-Семее. Жил в пансионе. Каске и Мухтар жили в Семипалатинске в одной квартире. Наш пансион находился в Жана-Семее. И вот до наступления субботы мои глаза постоянно устремлялись на другой берег Иртыша. Я с нетерпением ждал Каске и Мухтара. Мне особенно памятливы два красных яблока, которых Каске по выходным дням специально для меня покупал на базаре. Одно я съедал в пансионе. А второе Каске оставлял, чтоб угостить дома.

Каске окончил Семипалатинскую учительскую семинарию в 1913 году. После семинарии поехал в Москву и поступил в вуз. Когда собирался ехать на учебу, неожиданно забо-

* ага (каз) — старший брат.

дел брюшным тифом. Болезнь была запущена. И в сентябре 1913 года Қасымбек скончался.

Қаске помог Мухтару получить русское образование, открыть глаза на мир и стать большим человеком. Мы перед незабвенным Қаске-ага очень и очень в долгу.

Мухтар, вспоминая Қасымбека, говорил:

— Наша учеба у дедушки, а потом у муллы помогла нам познакомиться с книгами чагатайских поэтов. Но в конце концов, все равно она привела бы нас к дверям схоластического медресе. Перевод меня дядей Қасымбеком из «почетного» медресе имама Камелледина в русскую школу, этот решительный шаг его, которого не ожидал дедушка, оказал доброе влияние на дальнейшее мое образование, на дальнейшее воспитание и развитие. В 1905 году под влиянием культурно-просветительных веяний мой дядя стал искать основательные знания в русской школе. Он, несмотря на решительные и резкие возражения моего отца, увез меня с собой в город. Он сам начал заниматься со мной, учил русскому языку и затем устроил в городское пятиклассное училище. После смерти моего отца Омархана в 1909 году дядя Қасымбек заботу обо мне всецело взял на себя.

Мы оба учились на средства Чингисской волости...

Местность Борли. Широкие джайляу. Как хорошо здесь весной! Особенно волнуют лунные вечера. Аульная молодежь чаще всего играет в белую кость. Молодежь веселится без конца.

Мы с Билялом и Мухтаром находились в самой гуще развлечений.

По-своему хороша и борлинская осень. Она приносит своеобразную радость, окрашенную узорами инея... Качели — первое развлечение. Прохладной осенью девушки и молодые женщины сторожат овец. Они собираются на алты бакан (качели) и залиристо поют. Их серебристые голоса слышны далеко-далеко.

Вечерами, если голоса девчат не звенели над Борли, мы не находили себе места. Стоило услышать песню, как, закатав штанины до колен, бежали мы вприпрыжку по кочкам и перевалам. Мы бежали наперегонки до самых качелей. Алты бакан обычно устраивали в ауле Айгерим. Хозяйкой этого алты бакана была дочь Абая, Кенже, И пела же она! Красиво, с переливом. Песня Кенже выводила из равновесия Мухтара. Песня Кенже выводила из равновесия и нас. Она баюкала наши души и властвовала над ними...

1967 г.

Бейсенбай КЕНЖЕБАЕВ

МУДРЫЙ НАСТАВНИК

С Мухтаром Омархановичем Ауэзовым я познакомился в 1939 году, благодаря поэту Касыму Тогузакову.

В то время я работал в Москве в редакции «Ведомостей Верховного Совета СССР». В Москву Мухтар прибыл в командировку. Он, если мне не изменяет память, приехал опубликовать в соавторстве с Л. Соболевым в журнале «Литературный критик» обширную статью «Фольклор и эпос казахского народа». Был он здесь долго. Вначале мы с ним встречались и беседовали изредка. Но через некоторое время в связи с сессией Верховного Совета надо было освободить гостиницу для депутатов, и Мухтар поселился в нашей квартире.

Теперь я мог бывать в его обществе с утра до вечера и беседовать с ним вволю. Мы обменивались мнениями о литературе, об ее истории, современном состоянии, о задачах и перспективах, об отдельных поэтах и писателях прошлого и настоящего.

С тех пор о своем прибытии в Москву Мухтар непременно извещал меня и бывал в нашем доме. Иногда он приходил с другими писателями.

Помнится, однажды он пришел с Габитом Мусреповым, второй раз — с Мусатаем Акинжановым и третий — с Мухтаром Жангалиным. Как-то был и со своей супругой Валентиной Николаевной.

В 1940-м и в первой половине 1941 года Мухтар особенно часто приезжал в Москву. Однажды он в клубе Союза писателей СССР выступил с докладом о казахской литературе

в связи с 20-летним юбилеем Казахстана. А в следующий приезд читал в доме казахского постпредства пьесу «Абай», написанную совместно с Леонидом Соболевым.

До этих встреч я знал Мухтара только заочно. В начале двадцатых годов, когда учился в Ташкенте и в Москве, не пропускал ни одного его произведения. А он довольно часто публиковался в журналах «Кызыл Казахстан» («Красный Казахстан»), «Шолпан» («Венера»), «Тан» («Утро»). Особенно увлеченно, с юношеской страстью читал его рассказы «Судьба беззащитных», «Образованный гражданин», «Степные картины», «Красавица в трауре» и множество других. Произведения Мухтара Ауэзова помогали в познании жизни, воспитывали эстетически. Помню того они для меня служили оригинальными учебниками по казахскому языку. Потому что я с детства рос среди узбеков, был оторван от родного языка. Естественно, тяга к языку своего народа была у меня огромной. Мне пришлось изучать казахский язык самостоятельно. И первым подспорьем здесь были книги, газеты и журналы. И первыми авторами моих «учебников» стали Мухтар Ауэзов, Беймбет Майлин, Ильяс Джансугуров.

В 1926 году в Кызыл-Орде состоялось открытие казахского театра. В связи с этим событием в нескольких номерах газеты «Енбекши казах» («Трудящийся казах») печаталась большая статья Мухтара об истории и эстетике мирового театра. А наш национальный театр ставил спектакли «Енлик и Кекекб», «Каракоз» по пьесам Мухтара Ауэзова. Вот тогда я издали впервые увидел любимого писателя.

В 1930—1935 годах в Алматы несколько раз видел Мухтара Омархановича на собраниях, в театре, в гостях. Осенью 1934 года была поставлена его пьеса «Айман и Шолпан». С рецензией на этот спектакль я выступил в газете «Социалистик Казахстан». Но встретиться и поговорить с автором пьесы не довелось. А о такой встрече я давно мечтал.

Наконец, мы познакомились. Знакомству с Ауэзовым был чрезвычайно рад.

В один из наездов в Москву в начале 1941 года Мухтар приехал особенно радостный. При встрече он сразу начал разговор о своем творчестве:

— Ныне я закончил большую работу. Несколько лет занят романом об Абае. Закончил первую книгу и сдал в издательство. До этого мной написаны и малые, и немалые произ

ведения. Но этот роман — совершенно другое. Он представляется мне как бы одной из заветных вершин моего писательского труда. Человек к разной работе относится по-разному и удовлетворяется по-разному. Как говорится, меньше-больше, но этот роман мне самому по-особому дорог.

В мае того же 1941 года я был переведен в Алматы на должность главного редактора Казахского государственного объединенного издательства. И здесь я оказался причастным к своевременному выпуску первой книги бесценного произведения, получившего впоследствии всемирное признание. Почему к своевременному? Известно, что 22 июня началась Великая Отечественная война, поэтому работу издательства необходимо было перестроить, ориентируясь на острые нужды войны. При этом еще появился недостаток в сотрудниках и оборудовании. Мы вынуждены были изменить прежний тематический план и несколько задержать выпуск некоторых произведений. Среди исключенных из темплана произведений оказался и роман «Абай». Но мы, работники издательства, обсуждали, размышляли и решили, что именно для той военной злобы дня необходим скорейший выпуск данной книги. Сразу же, больше не задерживая, роман «Абай» перепечатали на машинке с новым алфавитом (вначале рукопись книги была набрана, латинским шрифтом) и сдали в производство.

В июле следующего 1942 года «Абай» вышел из печати. В день появления романа мы с Куандыком Шангитбаевым опубликовали статью («Социалистик Казахстан», 1942 г., 26 июля).

В статье мы соответственно постарались дать этому роману высокую оценку. Подошли к нему как к историческому произведению и сравнили его с известными историческими романами советской литературы. Нам «Абай» показался лучше многих из них, и мы по праву утверждали так: «Роман «Абай» — одно из крупных достижений казахской советской литературы».

Мухтар не преминул заметить и мое небольшое содействие в издании романа «Абай». Это он оценил достаточно высоко и свою книгу подписал вот такими словами:

«Бейсенбаю! С особой сердечной благодарностью за твой труд, вложенный в то, чтобы книга вышла в свет, и с искренней признательностью за дружеское братское отношение Мухтар. 31.VIII. 42 г.».

Роман увидел свет, и публика восприняла его с исключительной теплотой и вниманием. Но несмотря на это, отдельные критики и административные лица в течение определенного времени роман и через него самого автора постоянно компрометировали и бросали в его сторону официальные упреки. А мы со своей стороны, защищая Мухтара Ауэзова, называли его одним из основоположников казахской советской литературы, одним из ее самых культурных, самых талантливых и крупнейших представителей. Мы хвалили роман «Абай», потому, что это — превосходное эпическое произведение. Одним из достоинств Мухтара Омархановича были его высокая требовательность, его принципиальность и по отношению к себе, и по отношению к другим. Он и к своим, и к чужим произведениям относился очень внимательно. В оценке их ему было присуще стремление к совершенству, к филигранному оттачиванию любого материала. Эту черту характера Мухтара мне довелось особенно почувствовать при совместной работе над брошюрой «Абай — великий казахский поэт» (1945 год), при совместной подготовке к печати рукописи книги «История казахской литературы (фольклор)», вышедшей по его редакции в 1948 году и при его знакомстве с моими кандидатской и докторской диссертациями. К любому материалу Мухтар Ауэзов подходил с принципиальной строгостью. Он достаточно быстро и точно находил различные упущения, среди которых для него не существовало маленьких и больших. Он всегда справедливо и недвусмысленно указывал на все недостатки.

Он обычно придерживался принципа согласно казахской пословицы «Друг говорит, не боясь твоих слез».

Приведу один пример. Сотрудники литературного сектора института языка и литературы Академии наук Казахской ССР под руководством Мухтара Ауэзова в 1946—1948 годах выпустили первый том «Истории казахской литературы». Затем на 1948—1950 годы была запланирована подготовка ее второго тома.

Из второго тома мне досталась такая тема: «Просвещение, издательское дело, выпуск газет и журналов в Казахста

не во второй половине XIX века и начале XX века». Когда написал эту работу, показал ее Мухтару Омархановичу. Он внимательно ознакомившись, в ответ написал содержательное критическое письмо с подробным анализом исторических аспектов моего материала. (Это письмо М. О. Ауэзова хранится в архиве автора и впервые на языке оригинала опубликовано в книге «Наш Мухтар» — М. С.).

Так добросовестно и тщательно Ауэзов анализировал материалы всех сотрудников, соприкасавшихся и работавших с ним. Он отмечал достоинства и указывал на недостатки в одном случае устно, в другом — письменно. Его коллеги, сотрудничая с ним, учились у него многому.

И в руководстве студенческими дипломными работами Мухтар также был предельно требователен и строг. Он не прощал ошибок и студентам терпеливо разбирал и анализировал их работы и ставил бескомпромиссные и справедливые оценки.

До сих пор помню один случай. При окончании университета теперешний доктор наук Заки Ахметов (ныне известный академик и признанный абаевед — М. С.) написал дипломную работу об эстетических взглядах Абая. Я оценил ее на «отлично», а Мухтара попросил быть оппонентом.

Мухтар Омарханович прочитал эту дипломную работу и на комиссии внес предложение оценить ее на «хорошо». При этом он свое решение пояснил так: «Некоторые стихи Абая приведены неточно. Это — неаккуратность». Так и оценили.

Во второй половине пятидесятых годов я написал и защитил докторскую диссертацию на тему: «Казахские писатели-демократы начала XX века». Тогда Мухтар также неустанно помогал мне. Об этом у меня хранятся два документа с его подписями. Один — это письмо на имя ректора университета о согласии быть моим консультантом, второй — отзыв на мою научную работу.

Летом 1959 года состоялась научно-теоретическая конференция, посвященная основным проблемам казахской литературы. На этой конференции я, опираясь на труды классиков тюркологии, внес предложение начать историю казахской литературы с VIII—IX веков. Основывал это на том, что памятники древнетюркской литературы и произведения отдельных

поэтов средневековья, сохранившиеся в Казахстане, в Среднем и Нижнем Поволжье, в юго-восточной Сибири, одинаково причастны и к истории казахской литературы. Похоже было на то, что большинство присутствующих ученых поддержало. Но поскольку данный вопрос не был еще достаточно исследован, остался он за пределами плановой работы конференции.

На следующий 1960 год, в связи с XXV конгрессом востоковедов в Москве я снова выступил с этим своим предложением. На сей раз я еще опубликовал свое выступление в газете «Казак адабиети». Там же выступили со статьями профессор К. Жумалиев и доцент М. Акинжанов. Так началась дискуссия.

В этот период я с Мухтаром встречался несколько раз. При каждой встрече мы обменивались мнениями относительно истории казахской литературы. С целью выяснения разных аспектов данной проблемы Мухтар задал мне ряд вопросов. Я ему повторно изложил свое предложение. В частности, сказал, что нужно вести исследования памятников ранней литературы, сохранившихся надгробных надписей каганов и отдельных произведений, созданных в VIII—XIX веках, и что можно разделить историю казахской литературы на три эпохи: уйгуро-монгольскую, чагатайскую и на период образования казахского ханства. При этом выложил ему все свои факты и доказательства, полностью ознакомил его со своими мыслями и выводами.

Мухтар Омарханович предложил вынести этот вопрос на научный совет по истории казахской литературы при институте языка и литературы Академии наук Казахской ССР, чтобы его всесторонне обсудить и принять соответствующее решение. В частности, он сказал: «Необходимо раннему периоду казахской литературы уделять больше внимания. Надо основательно изучить и исследовать древние письмена, ранние литературные памятники, средневековые произведения отдельных авторов. Здесь надо приложить максимум усилий. Такими научными исследованиями необходимо заниматься ученым нынешнего старшего поколения. У меня до всего не хватает рук. А последующим молодым ученым будет гораздо труднее».

Создание подлинно научной истории казахской литературы Мухтар Ахметов считал одной из своих основных задач, од

ним из заветных устремлений. Он ратовал за полнокровную, глубокую и обширную литературу. Но этой своей цели достичь полностью Мухтар Омарханович, к сожалению, не успел.

Подсчитал, что в общем двадцать один с половиной год я лично знал Мухтара, близко общался, был его знакомым, товарищем, другом. Из них семнадцать лет мы были непосредственно сотрудниками на кафедре казахской литературы Казахского государственного университета имени С. М. Кирова и в институте языка и литературы, (ныне носящего имя М. О. Ауэзова — М. С.) Академии наук Казахской ССР.

Несомненно, примечательные черты характера Мухтара, его манеры, поведение, слова, высказанные по разным поводам будут постепенно вспоминаться и проясняться. Думаю с нем, и он в полный рост встает передо мной. А голос его звучит в ушах. Сегодня я вспомнил только некоторые эпизоды из всего, что знаю о Мухтаре Омархановиче Ауэзове. Но и все это, боюсь, не изложил так, как было в действительности, как видел и слышал, последовательно и содержательно. Потому что писать о человеке, с которым очень близко общался трудно.

Самое главное в личности Мухтара — это его незаурядный талант. Он был писателем широко и глубоко мыслящим, с пронизательной фантазией, острым умом, с превосходно гибким и богатым языком. Он был поистине гениальным человеком. Об этом прежде всего свидетельствуют его произведения.

Мухтара всегда отличала высокая культура и исключительная эрудиция крупного ученого. Он превосходно знал быт и нравы, традицию и обычай, социальную философию, историю и культуру казахского народа. Много знал о мировой литературе в целом, об искусстве, об истории. Не говоря уж об общественных науках, у него были познания и в ряде естественных: он мог говорить и даже спорить со специалистами и учеными разных отраслей наук.

Помнится, в сороковые годы покойный Карим Мынбаев нас, нескольких писателей, во главе с Мухтаром Омархановичем повез в гости на базу Казахского животноводческого института в Жамбылском районе. Тогда легковых машин было мало. Мы растелили на кузове грузовой машины ковер и расселись кружком.

Если придет горе,
не сгибаясь, встань навстречу,
Если придет радость,
то и сй не отдавайся всецело.

(Подстрочный перевод).

Об этом своем характерном качестве к сам Мухтар упомянул в последнем своем письме, адресованном Есмагамбету Исмаилову, где писал: «Мне вообще в судьбе своей довелось достаточно много испытать; вершины и глубины, барьеры и бездорожья. Некоторые люди проводят жизнь спокойно, ровно проходят по блистательно гладкой дороге. Но моя жизнь даже относительно физического здоровья не такова.

Однако при всех превратностях судьбы я сохранил душевную чистоту. Дышу здоровой, полной грудью. И это прежде всего из-за большой и преданной любви к жизни. Подвожу итоги и вижу: развлечений было больше, чем огорчений, веры было больше, чем неверия и надежд было больше, чем разочарований. Действительно довольно много во мне безгранично преданной и вдохновенной любви к сегодняшней нашей жизни. И еще одно хорошее качество характера Мухтара — это его благосклонность к человеку. Он был на редкость доброжелательным наставником. Никогда не жалел своих знаний и советов для молодых последователей. Ему всегда хотелось помочь другим, сделать кому-то полезное. Особенно молодежи Мухтар всячески старался привить хорошие, добрые качества, добросовестно учил ее, доброжелательно воспитывал. Всесторонняя помощь молодым — это неотъемлемая черта его натуры, благородная традиция Мухтара Ауэзова. Очевидно, поэтому Мухтар постоянно бывал среди учащейся молодежи, среди начинающих поэтов и писателей, ученых и коллег. Он наблюдал за ними, выявляя хорошее и плохое в характерах и поведении. Следил за их успехами, изучал достоинства и недостатки. Он искренне радовался хорошим делам и достижениям каждого. При встрече с юным талантом поддерживал его.

За время нашего общения и совместной работы Мухтар научил меня очень многому, очень действенно помогал. Он прямо указывал на мои упущения, учил и направлял. Моим хорошим делам и успехам он искренне радовался.

Приведу пример. В двадцатые-тридцатые годы Мухтар Омарханович в своих статьях о казахском эпосе утверждал,

что в произведении «Кобланды-батыр» герой совершает набег и завосвывает нынешний город Казань. Также писали до этого еще некоторые ученые.

В 1940 году я написал специальную статью об эпосе «Кобланды-батыр». В ней я выступил против такого предложения Мухтара. Я доказывал, что Кобланды совершил набег и завоевал не Казань, а город иранского хана Газана, жившего в XIV в. Мухтар Омарханович с доводами моей статьи согласился. В середине сороковых годов он написал пьесу «Кара кипчак Кобланды», в которой герой уже воюет против хана Газана.

Тот, кто жил рядом с Мухтаром, работал с ним, пожалуй, может считать, что прошел большую жизненную культурную, научную школу. На мою долю выпало такое великое счастье.

В последний раз я с Мухтаром встретился в 1961 году в конце мая в больнице. Это было примерно за месяц до его кончины. Я пришел навестить его. Встретил он меня радушно. Уединившись в его комнате, мы беседовали долго. Прежде всего я осведомился о его здоровье:

Мухтар ответил:

— Определенной болезни нет. Немного опухли ноги. Врачи говорят, что это из-за сердца. Переключились на сердце. Проверяют.

Последние слова произнес он иронично и в веселом тоне, рассказал одну притчу о врачах. Настроение его было бодрое. Выглядел совершенно здоровым. Он был полон оптимизма:

— Если признаться, я здесь нахожусь не из-за болезни, не ради лечения. Я здесь работаю.

Потом он посмотрел на стол, что находился на другой половине комнаты. Посмотрел на кучу бумаг на столе и продолжал:

— Это завершенная часть из нового романа о жизни южно-казахстанцев. Здесь рукопись просматриваю, редактирую. Дома посетители беспокоят. А тут кругом тишина.

Затем он вкратце ознакомил меня с сюжетом своего нового романа. Как раз тогда готовился конкурс на должности заве-

ним из заветных устремлений. Он ратовал за полнокровную, глубокую и обширную литературу. Но этой своей цели достичь полностью Мухтар Омарханович, к сожалению, не успел.

Подсчитал, что в общем двадцать один с половиной год я лично знал Мухтара, близко общался, был его знакомым, товарищем, другом. Из них семнадцать лет мы были непосредственно сотрудниками на кафедре казахской литературы Казахского государственного университета имени С. М. Кирова и в институте языка и литературы, (ныне носящего имя М. О. Ауэзова — М. С.) Академии наук Казахской ССР.

Несомненно, примечательные черты характера Мухтара, его манеры, поведение, слова, высказанные по разным поводам будут постепенно вспоминаться и проясняться. Думаю о нем, и он в полный рост встает передо мной. А голос его звучит в ушах. Сегодня я вспомнил только некоторые эпизоды из всего, что знаю о Мухтаре Омархановиче Ауэзове. Но и все это, боюсь, не изложил так, как было в действительности, как видел и слышал, последовательно и содержательно. Потому что писать о человеке, с которым очень близко общался, трудно.

Самое главное в личности Мухтара — это его незаурядный талант. Он был писателем широко и глубоко мыслящим, с пронизательной фантазией, острым умом, с превосходно гибким и богатым языком. Он был поистине гениальным человеком. Об этом прежде всего свидетельствуют его произведения.

Мухтара всегда отличала высокая культура и исключительная эрудиция крупного ученого. Он превосходно знал быт и нравы, традицию и обычай, социальную философию, историю и культуру казахского народа. Много знал о мировой литературе в целом, об искусстве, об истории. Не говоря уж об общественных науках, у него были познания и в ряде естественных: он мог говорить и даже спорить со специалистами и учеными разных отраслей наук.

Помнится, в сороковые годы покойный Карим Мынбаев нас, нескольких писателей, во главе с Мухтаром Омархановичем повез в гости на базу Казахского животноводческого института в Жамбылском районе. Тогда легковых машин было мало. Мы растелили на кузове грузовой машины ковер и расселись кружком.

дующего и членов кафедры казахской литературы. Разговор зашел об этом. Я стал просить Мухтара взять заведование кафедрой на себя.

Он сказал о своей загруженности и начал агитировать меня самого на эту должность. По своей постоянной привычке Мухтар говорил, проникаясь заботой о кафедре, о ее членах, о студентах. Он дал мне ряд советов и наставлений по усилению работы кафедры, по подбору ее членов, по повышению качества лекций.

Мухтар с радостью говорил о наших выпускниках, которые стали известными поэтами и писателями, критиками, литераторами, работниками газет и журналов. Он назвал некоторые произведения и труды молодых.

Есть такая притча: «Один средневековый бедняк спросил у ученого:

— Ты столько жил и столько трудился, а где твое богатство? Какую ценность накопил?

На это ученый ответил:

— Мое богатство — мои ученики. Моя ценность — мои последователи.

Вот так и Мухтар своих учеников, своих выпускников считал высшей ценностью, огромным богатством. Он в тот раз спросил:

— Среди нынешних выпускников есть такие, которые бы проявили себя своими стихами, рассказами, критическими статьями?

Я назвал фамилии трех-четырех студентов. Он мне особо поручил оказывать исключительное внимание одаренным студентам. Мухтар с досадой произнес: — У нас мало писателей и ученых среди женщин. Только единицы. А их должно быть больше.

Тогда я назвал несколько студенток нашего факультета, пишущих стихи, рассказы. Назвал двух-трех аспиранток.

— И этого мало, — сказал Мухтар. — В этом году в аспирантуру надо принять побольше женщин.

Да, Мухтар постоянно проявлял заботу о других. Он переживал за всех, помогал всем. Таким был наш незабвенный Мухтар — ага, слуга и опора народа.

Под конец мы перешли к шутливым рассказам. От души смеялись, Мухтар выглядел совершенно здоровым. Настроение его было приподнятым.

Я и не думал, что может случиться самое страшное и непоправимое. Наверное, поэтому в реальность его смерти я не мог так долго поверить..

1971 г.

ЕСМАГАМБЕТ ИСМАИЛОВ

ЗОВУЩИЙ НА ВЕРШИНУ*

Писатель-гений Мухтар Ауэзов был одним из тех, кто воздвигал дворец (вплоть до купола) новой, современной культуры. На вершине искусства он, наш наставник, как высокий тополь, стоит величаво и зримо. Поэтому чувствуешь какую-то властную силу, зовущую на ту высоту. Многие годы я общался с добрым, как щедрое лето, Мухтаром-агой. Многого узнал о нем. Но сразу последовательно рассказать обо всем нелегко. Вспомню отдельные эпизоды.

Обычно тесно знакомство складывается по работе, в семейных отношениях. Но я сблизился с Мухтаром Омархановичем прежде всего на пути к знаниям, из-за увлеченности литературой. Когда я учился в КазПИ (в Казахском государственном педагогическом институте имени Абая), Мухтар Омарханович читал нам лекции по истории литературы народов Средней Азии. Это он впервые нас познакомил с древней и современной литературой узбеков, таджиков, с великим киргизским дастаном «Манас». Но он не просто знакомил, а вводил в тот неведомый мир. Он, как настоящий художник, увлекал, объяснял искусно, живописно.

Мы из уст Мухана** услышали впервые о секретах жанрового и художественного мастерства несравненного «Манаса», узнали первые критические мысли о ранних романах Садриддина Айни, Жулкунбая. Молодой ученый и писатель читал свои лекции по сравнению с другими интересно и впечатляю-

* См. книгу «Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников», Алматы, «Жазушы», 1972, стр. 245.

** Сокращение имени — форма вежливого обращения казахов к старшим.

ше. Он при разборе того или иного образа находил множество неожиданных сравнений. Его сопоставления отличались резкостью и доступностью. При разборе героев «Манаса» он показывал их в разных ситуациях. Вначале характеры раскрывал своими словами, давал оригинальный анализ. И перед глазами живо представляли образы великодушного батыра Манаса и его друга Альмамбета. Для определения необычайного большого значения и глубокого смысла киргизского памятника Мухтар Омарханович совершал экскурсы в историю литератур народов Востока и Запада. То он сравнит с Рустем-дастаном, то с эпическими творениями древних греков или, скажем, средневекового Запада или с русскими былинами, с монгольским, казахским эпосом. Таким путем Мухан убедительно доказывал величие «Манаса». Когда наш наставник глубокомысленно раскрывал цельные образы батыров Манаса, Рустема, Кобланды, казалось, что он и сам является одним из этих эпических героев, недюжинным человеком, отмеченным судьбой.

Вершиной притяжения мыслей Мухтара о театре были Шекспир, Гоголь, Горький. А в отношении других жанров творчества Пушкина, Фирдоуси и Абая были его знаменем. Он тогда же, в начале 30-х годов, решительно выступил против тех (а таких литераторов было много), дискуссировал относительно Абая, причисляя его то к феодалам, то к баям. Мнение Мухана было таково: «Абай — поэт народа, заступник народа, великий художник. Мы не должны отказываться от учебы у Абая». И он не только выступал в печати. Он и на лекциях углублял это свое мнение, расширял и разъяснял нам.

Начиная с 1939 года, мы с Мухтаром Омархановичем сотрудничали в Академии наук. Наши отношения стали довольно близкими. Мухан приходил в рукописный фонд академии, в литературный сектор, подолгу просиживал над массой материалов. Он тщательно проверял образцы устной литературы, сопоставлял сведения о литературе XIX века. В это время мы приступили к подготовке академического издания двухтомника и русского однотомника произведений Абая. В гуще всей этой ответственной работы, конечно же, был Мухан. Все проходило под его контролем.

В 1940 году мы готовили мероприятия к 95-летию Абая. Были изданы его двухтомник на казахском языке и однотомник на русском. А также подготовлена книга об Абаяе. Как-то напомнив о трех источниках, питавших поэзию Абая, я

сказал: «Это определение надо бы применять и к вам самим, не только к Абаю». Мухан задумался и ответил так: «Знаний и возможностей достаточно. Но время больше всего уходит на подражание. Мучительно трудно ответить на вопрос: «Чем вы погасили писательский долг?». Теперь главное требование — это дать оригинальное произведение, дать свой мир, свои творенья».

Я был крайне удивлен, потому что писатель, который уже создал множество разнородных замечательных произведений, который давно уже популярен в народе, вдруг заявляет: «Писательский долг не оплачен». Это была немислимая ответственность. Оказывается, в ту пору писатель начал закладывать первые кирпичи величественного дворца, посвященного великому сыну казахского народа Абаю Кунанбаеву.

Когда Мухтар Омарханович впервые в Союзе писателей читал свою трагедию «Абай», людей собралось много. Пьесу мы слушали увлеченно. Очевидно, нас охватила вера в талант автора или сказалось чувство преклонения перед Абаем. Писатели разных возрастов выступали с большим волнением. Одобрение было единогласное. Иногда по мере развития трагедии Абая на глаза добродушного, обладающего по-детски светлым характером поэта Касыма Аманжолова навертывались слезы. Сразу же после этого Касым опубликовал статью о трагедии «Абай». Постановка трагедии была осуществлена к 20-летию юбилею Казахстана в академическом театре под руководством режиссера Аскара Токпанова. Спектакль получил хорошую оценку зрителей. Моя статья «Образ Абая» была написана в связи с этим спектаклем.

Мы говорим, что Мухан был по-детски доверчив, простодушен. Однако в творческой, научной работе, в общественной деятельности он выглядел личностью поистине колоссальной. Свое первое произведение, как известно, Мухан написал в шекспировском плане. И всегда, как говорили мы выше, он боролся за художественные полотна широкого охвата, полнокровные, высокие и по-настоящему монументальные. В прозе он добился этой цели, создав эпопею «Путь Абая». Мы все хорошо знаем, что в ней каждый образ выдержан на уровне мировых шедевров, на уровне искусства Толстого, Бальзака, Шекспира.

А каков Мухтар Ауэзов на трибуне! Когда выступал перед публикой, он всегда смотрел на вещи со всенародной, общегосударственной позиции. При любой обстановке его глу-

бокомысленные, проникновенные слова звучали с высоты мировой культуры. Это и вполне понятно. Вершина художественного развития человечества была той мишенью, куда направлял Мухан полет своей мысли. Эта вершина была его заветным уровнем. В этом смысле особенно не удовлетворяла его казахская драматургия. Он часто повторял такую фразу: «Мы не смогли подняться на уровень реалистической драмы. Нет шекспировского заряда»... Эту же мысль он широко развил на III съезде писателей Казахстана в 1954 году.

В научной работе Мухан прежде всего преследовал такие задачи: создание научной истории казахской литературы, развитие теоретической мысли, анализ явлений казахской литературы путем сопоставления с литературами других братских народов, выявление путем сопоставления закономерностей национальной литературы.

Мухтар Ауэзов был человеком постоянного труда. Не говоря уж о том, что непрерывно работал дома в Алма-Ате; он и в дороге, в поездках по аулам проявлял необыкновенное трудолюбие.

В 1943 году мы, группа писателей (среди нас были Сапаргалл Бегалин, Каюм Мухамедханов), поехали на родину Мухана, разъезжали месяц по Абайскому району. Мухан в это время работал над второй книгой об Абае. В каждом ауле, в каждом доме он всегда имел при себе блокнот и карандаш. Подолгу беседовал с аксакалами, которые видели Абая или берегли в тайниках памяти рассказы о нем. Мухан аккуратно записывал все, что считал нужным. По традиции в нескольких домах, куда мы приходили, резали баранов. В разговорах незаметно съели мяса с избытком. Надоело оно изрядно. Устали. Но у Мухана нет ни усталости, ни покоя. Сидит себе и заводит с аульчанами все новые разговоры, как будто только встретились.

Очередным местом пребывания однажды оказался колхоз «Кундузды». Председатель колхоза Ермуса оказался большим знатоком рассказов на местные темы, особенно об Абае. Нас поселили в шестикрылой юрте. Одни приходят, другие уходят. Беседа разгорается. После обеда мы вышли на свежий воздух, прогулялись. Но Мухан, скрестив ноги, сидит неподвижно. Он уже в продолжении пяти—шести часов беседует с Ермусой и с его земляками. Он безустали слушает их. Интересным рассказам нет конца... И вот Ермуса начал рассказ о спорном деле девушки Салихи. Снова несут мясо, кумыс. Мы

наконец, не выдержали и немного поспали. А время уже было около 2—3 часов ночи. Мухан все продолжает беседу. Ерму-са проявил себя отменным рассказчиком. А Мухан без конца записывал. И чем больше он слушал, там больше преображался. Когда Мухан, приподняв брови, смотрел на висячую лампу, казалось, его прекрасное лицо светило еще ярче ес!

Меня не столько трогали рассказы Ермусы, сколько состоящие Мухана. Подолгу я сидел в одной позе и удивленно смотрел на его, могучую фигуру. И возникал передо мной образ эпического батыра, которому чуждо утомленье, которому сон не в сон, а только чуткая дремота на коне, который одухотворяется в сражении. Воодушевляла, наверно, Мухана сила, присущая человеку, идущему по следу бесценного сокровища. Эта сила выражалась на его лице нетерпением и радостью...

Особое значение придавал Мухтар Омарханович коллективному творческому содружеству литераторов, ученых. Это мы особенно заметили во время подготовки первого тома «Истории казахской литературы» и «Очерков истории казахской советской литературы». В тот период усилению связи наших ученых с коллегами из Москвы и Ленинграда способствовал именно Мухан. Это он открыл широкую дорогу казахской литературе в Институт мировой литературы имени М. Горького АН СССР. Он подружил казахских литераторов с К. Л. Зелинским, Г. И. Ломидзе, З. С. Кедринной, М. И. Богдановой и другими известными учеными. Нашими верными друзьями стали также В. М. Сидельников, В. М. Жирмунский. Где бы ни был, каким бы делом не занимался, Мухан повсюду умножал ряды активных исследователей казахской литературы, наших единомышленников.

В мае 1961 года Мухтар Омарханович заболел и попал в больницу. Но температуры не было. На вид казался здоровым. Несмотря на болезнь, он постоянно держал связь с вновь открытым институтом литературы и искусства, сотрудничал в нем. Ежедневно приглашал в больницу М. Базарбаева, Е. Лизунову, меня и других товарищей, обменивался мнениями, советовал. Работа его не прекращалась.

В конце мая Мухан выписался из больницы. Через два—три дня сообщили ему диагноз. В этот вечер я был у него. Мухан сидел очень невеселый. Он мне пояснил;

— Есть что-то в желудке. Судя по словам доктора, что то под вид бородавки. А ес надо лечить в Кремлевской больнице или оперировать.

Каждое слово Мухан произносил так, что чувствовалось; болезнь с тяжелыми последствиями и она вселяет в него тревогу.

— А без операции нельзя обойтись —

Этот вопрос, кажется, подействовал больно. Мухан нахмурил брови и произнес:

— Полип может плохо кончить. Есть опасность перехода в злокачественную опухоль. Так я это чувствую.

И потом резко и решительно добавил:

— Запускать нет смысла. Лучше пойти на риск. Целесообразнее однажды отмучиться...

Было неуместно отговаривать от лечения, от операции. И врачи, и он сам уже сделали окончательный выбор. Если бы разговор шел о судьбе художественного произведения, можно было бы поспорить, что-то сказать. А здесь я продолжал сидеть в тупом молчании.

Мухан уже собирался в Москву. В день отъезда он попросил у меня роман Зенна Шапкина «Темиртау» и увез с собой. Известно, что самое последнее письмо его посвящено этому произведению. Третьего июня на аэродроме провожали Мухана. Он улетел. Мы остались. В этот день видели мы его в последний раз. После отъезда я два раза обменивался с ним письмами. Один раз по телефону узнавал о его состоянии. Письмо, написанное в больнице 18 июня, получил 22 июня. Это письмо подействовало на меня удручающе. Я глубоко задумался. Неужели он прощался? Неужели он выражал последние слова завещания? Я снова сел за письмо. Но дважды порвал написанное. Наконец, одно письмо я передал через Валентину Николаевну, улетающую в Москву. Это письмо было передано Мухану 25 июня. Письмо прочитано. Но никаких пометок нет.

Из того многого, что я знаю о Мухтаре Омархановиче, сейчас я в силах рассказать только это. Я считаю своим долгом писать о жизни, человечности, произведениях такой выдающейся личности, писателя—колосса, каким является Мухтар Ауэзов. Мое внимание всегда привлекают и жизнь, и произведения замечательных людей. Вновь и вновь с ослабленным интересом перечитывая произведения Мухана, вникая в глубокий смысл их, неустанно исследуя, и сам как-то тянешься к его высоте. Растешь, взбираешься на эту вершину, где он стоит и зовет к себе.

1965—1966 г.г.

СОВРЕМЕННОКИ И ПОТОМКИ — ПОСЛЕДОВАТЕЛИ АБАЯ ПОЭЗИЯ СЫНОВЕЙ ПОЭТА

Если углубиться в историю казахской литературы, то особенно зримо ощущаешь, что величественная фигура Абая возвышается одиноко. Конечно, мы не можем утверждать, что творчество Абая ни в коей мере не связано с творчеством предшественников (близких и дальних по времени). Абай, критикуя поэзию Бухара, Шортамбая, Дулата и других, смог оторваться от нее, как от стартовой площадки, и вознестись на свою высоту. Но при этом история лишала казахских литераторов непосредственной временной связи и связи поколений. Они творили и уходили из жизни, так и не осознав до конца и полностью своей сопричастности к истории национального искусства.

Через уста певцов и сказителей и по разрозненным рукописям знакомились новые поколения с их произведениями. До Абая у поэтов прошлого не было достойных критиков. Абай же, благодаря своей прозорливости, критическому уму, знаниям мировой классики, смог подойти к их творчеству аналитически. Своим творчеством он поднял казахскую литературу до уровня критического реализма и тем самым положил начало новой традиции в ней. Примечательно, что именно с Абая начинается непосредственная связь поколений в казахской литературе. От Абая к Шакариму Кудайбердиеву, Акылбаю и Магавье Кунанбаевым, к Асету Наъманбаеву, Арипу Танирбергенову. От последних к писателям XX века — Слтанмахмуту Торайгырову, Миржакупу Дулатову и Сабиту Донентаеву. Далес — к представителям казахской советской литературы. Так непосредственно передавалась эстафета поколений новой письменной литературы, основоположником которой явился Абай Кунанбасв,

Остановимся на связи небольшого, но емкого отрезка времени между Абаем и его сыновьями.

Казалось бы, многогранная деятельность Абая достаточно известна. Однако со временем каждая грань его многосложной жизни и творчества светится новыми лучами.

У Абая были свои основополагающие принципы в воспитании подрастающего поколения, своих последователей. Исследователь мировоззрения Абая профессор Т. Тажибаев вполне справедливо писал; «Обучение, согласно Абаю, должно быть действенным и успешным, развивающим ум детей. Для этого надо построить воспитание и обучение детей так, чтобы они не только учитывали особенности детской психологии, но и были бы направлены на ее всемерное развитие». (Т. Тажибаев, «Философские, психологические и педагогические взгляды Абая Кунанбаева». 1957, с. 30). Такого метода Абай придерживался всячески при воспитании и обучении своих детей.

Четыре сына Абая в той или иной мере причастны к истории казахской литературы. Это—Акылбай (1863—1904), Абдрахман (1868—1895), Магавья (1870—1904) и Турагул (1877—1934). К этому ряду Абдрахмана мы причисляем не потому, что он что-то написал, а по другой причине. Абдрахман был наделен редким умом, получил по сравнению с другими детьми Абая самое высокое образование. Он окончил русскую школу в Семипалатинске. Затем — Тюменское реальное училище и Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. В возрасте 27 лет Абдрахман умер от болезни в Алматы (быв. Верном). На него Абай возлагал особые надежды, считая, что он станет одним из его последователей, просветителем, опорой народа. Ему он посвятил около десяти стихотворений. Во время болезни и смерти Абдрахмана стихотворные послания и жоктау (плачи) написали Магавья, Кактай Искаков и др. Абай, выражая свое горе, сказал: «Из всех детей моих, смерть, ты лучшего избрала».

Приверженность к литературе по-своему проявил Турагул. Он известен как переводчик прозы. Им впервые на казахский язык переведены «Сказка об эскимосе Киша» Джека Лондона, «Я хочу жить» Неверова и «Челкаш» М. Горького. Все эти произведения изданы отдельными книгами в 1927—28 гг. Непреходящее значение для абаеведения имеет воспоминание Турагула «Об Абае, о моем отце» («Акем

Абай туралы»). Заметим, что Турагул—единственный из детей Абая, который оставил воспоминания о нем. И здесь ценно то, что автор пытается раскрыть особенности характера, поведения, словом, особенности всей неповторимой личности Абая Кунанбаева.

Акылбай — первенец в семье поэта. Он родился, когда Абаю было всего шестнадцать лет. Усыновил его отец поэта Кунанбай. С малых лет Акылбай относился к Абаю, как к старшему брату. В этом сказывалось и то, что Акылбай рос в другой семье и то, что он сравнительно ненамного был младше Абая. В связи с оторванностью от просвещенного отца Акылбай не смог получить русское образование, как его братья.

Он отличался редкой одаренностью. Был поэтом, музыкантом и даже в некоторой степени композитором-мелодистом. Вот что писал Мухтар Ауэзов: «Приобщившись к окружению Абая, Акылбай стал много внимания уделять песням и музыке. Он был великолепным домбристом и скрипачом. Вместе с тем как-то проявил талант композитора, создав прекрасную песню. Альмагамбет вместе с одним из братьев Акылбая собирался ехать в аул рода Матай по поводу сватовства. Перед отъездом Альмагамбет попросил Акылбая сочинить песню. Акылбай тут же создал и слова, и музыку». (Перевод наш—М. С.). В степи в то время одной из великих радостей была новая мелодичная, никем еще не услышанная песня. И вот эта свежая песня стала с тех пор очень популярной в народе под названием «Песня Акылбая», под которым она входит в песенники. Ее нередко можно услышать на разных празднествах, по радио и телевидению в исполнении Жашибека Карменова, Жумабека Камбарова и др. К сожалению, о других песнях и стихах Акылбая нам ничего неизвестно. Наверно, они были, но до нас не дошли, не сохранились, затерялись, как это случилось с его же поэмой «Жаррах». Но имя Акылбая на должный уровень поставили его поэмы «Дагестан» и «Зулус». Они написаны на сюжеты, подсказанные Абаем. Так Акылбай обратился к национальным темам. Поэма «Дагестан» — о горах, а герои «Зулуса» действуют в далекой Африке. Названные произведения в корне отличаются от всевозможных касса на мифические и религиозные темы и даже от поэм Абая, в которых поступки известных ранее в литературе персонажей подчинены конечной моральной установке и служат для интерпретации той

или иной этико-философской мысли автора. «Философско-моралистические» (М. Ауэзов) поэмы, которые явились провозвестниками сюжетно-романтических поэм Акылбая Магавьи Кунанбаевых, были созданы в конце XIX века. Это своеобразие, по всей вероятности, связано с историческим процессом развития русско-казахских отношений и социальных условий.

Поэт-демократ Абай постоянно внушал своим ученикам современникам мысль о просвещении народа, об его защите и освобождении. Абай даже давал своим сыновьям Акылбаю и Магавье вольнолюбивые темы для их будущих сюжетно-романтических поэм.

Абай, конечно, был далек от революционного мышления, от марксизма. Но практика жизни, окружающие социальные условия подсказывали необходимость, рациональность объединения усилий эксплуатируемых для совместной борьбы. Как первый представитель критического реализма в казахской литературе, Абай в силу своей просветительской миссии, писательского кредо не дал полнокровных романтических произведений. Но под его непосредственным влиянием, под влиянием его поэм и южных поэм А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова обрели жизнь романтические поэмы Акылбая и Магавьи Кунанбаевых.

Магавья — третий по возрасту сын Абая. Его перу принадлежит 10 стихотворений и две поэмы «Енлик и Кекек» и «Медгат и Касым». (Во всяком случае, из дошедших до нас). Из лирики Магавьи Кунанбаева известны стихотворения «Светлая луна, летней ночью...», «Красавица приснилась мне...», «Когда-то род Кушик был почитаем», «Молодое деревцо весной расцвело», «Письмо Абишу», «Абишу» («Пришел к нему, а он лежит и стонет»), «Абишу» («Где твое обращение: «Мой Магатай»), «Сижу один и думаю о разном», «На смерть Абиша», «Ладная супруга». Из этих десяти стихотворений ровно половина посвящена любимому брату Абдрахману. В 1884 году Абай отправляет Магавью вместе с аульчанином Маутханом в Алматы к большому Абишу-Абдрахману. И вот здесь, находясь в горечи и страдании у постели умирающего брата, Магавья излил всю свою тоску и боль в нескольких печальных и трогательных стихотворениях. Вообще, все лирические стихотворения Магавьи связаны с описанием родной природы и с переживани-

ями личной жизни. И в них патристично можно увидеть влияние поэзии Абая.

Для иллюстрации сказанного приведем одно небольшое стихотворение Магавьи, написанное им, очевидно, в раннем возрасте.

Светлая луна, летней ночью
на вспотевшем коне
Ты прискачешь к оврагу по уговору,
Как прекрасно встретиться с трудом,
Ничего не прося у создателя, кроме
желанной подруги.
В ожидании из аула, глаз не отрывая,
Стоит, дрожа, и сердце бьется в испуге.
Когда торопишь время, минута, как целый час,
Ох, как трудно угадать причину отсутствия,
Если подруга покажется, устремляясь в твою сторону,
Сразу заметно, что вырвалась едва,
В черном чапане, белом платье и бобровой шапке,
Порхает, как бабочка, на зеленом лугу.

(Подстрочный перевод).

Поразительная сила воздействия даже такого миниатюрного шедевра. И это, конечно же, идет от обвораживающей лирики Абая.

Поэма Магавьи Кунанбаева «Медгат и Касым» входит в школьную и вузовскую программы. События в этом произведении, как и в поэме Акылбая «Зулус», разворачиваются в Африке. Магавья повествует о жестокой борьбе рабов против своих хозяев-плантаторов. А поэма «Енлик и Кебек» создана на местную, национальную тему. Написана она в 1890 году. В основу произведения положены реальные события из казахской жизни середины XVIII века.

События же таковы. В период расцвета патриархальных и феодально-байских обычаев родом Тобыкты правил бий Кенгирбай. Тобыктицы решили завладеть землями у Чингисских гор, которые доселе принадлежали роду Матай. Во время охоты молодой батыр Кебек (тобыктинец) набрел на стоянку матайцев и встретил случайно красавицу Енлик. Енлик и Кебек — молодые влюбленные, ставшие жертвой феодально-родовых обычаев старины. Жестоким бий оплатил кровью молодых людей за взятки, полученные им от предводителей племени Найман, куда входил род Матай. (Енлик против сво-

ей воли была просватана за найманца). Знатные феодалы постоянно твердили народу, что Кенгирбай вынес Енлик и Кебеку «правильный» приговор. Аульчанс не могли открыто говорить о трагической судьбе Енлик и Кебека. Это горе камнем лежало в душе народа.

Позднее ярые враги Абая, невежественные блюстители старых обычаев, жестоких нравов, боровшиеся против всего нового, прогрессивного, приходили к могиле Кенгирбая и там, в его обители, клялись быть верными в осуществлении своих коварных замыслов.

Именно в этот период просветитель Абай с целью развенчать культ биев типа Кенгирбая, очистить разум народа, чуждого феодально-родовые традиции, дает задание своим ученикам раскрыть лицо исторической правды. И с этой задачей наиболее полно справились Магавья Кунаубаев и Шакарим Кудайбердиев.

Как ни печально, поэмы Акылбая и Магавьи до 50-х годов не были известны литературной общественности. Они хранились в рукописных списках. И благодаря усилиям абаеведов, в первую очередь Каюма Мухамедханова, автора диссертации «Поэты абаевской поры», поэмы эти заняли свое достойное место в истории казахской литературы.

Ныне народ высоко чтит память о Енлик и Кебеке. В театрах ставятся спектакли по пьесе Мухтара Ауэзова. Создана опера композитором Газизой Жубановой и Саги Жиенбаевым (автор либретто). К надгробному памятнику казахских Ромео и Джульетты в Абайском районе с поклоном приходят молодожены в день регистрации брака и кладут к их изголовью живые цветы. Недавно в Ауэзовском районе Семипалатинска открыт новый великолепный кинотеатр, построенный в современном стиле, который назван «Енлик-Кебек».

Если поэтический талант — дар природы, то она наградила Абая вдвойне; его и сыновей. Сам Абай как личность — классический образец воспитания писателем своих детей в литературном духе.

Поэма Акылбая «Зулус» — произведение, дошедшее до нас далеко не полностью. Налицо в настоящее время только вступительная часть (104 строки). Акылбай рисует природу Африки, гору Зулус, образ жизни охотников на слонов. Там вел охотничью жизнь отличный стрелок, некто Квартерман.

Со своей добычей он садится на большой корабль, где находились два незнакомца, одного из которых звали Генри. Капитан представил им Квартермана. Генри хотел встретиться с охотником, потому что он знал судьбу его брата Джорджа. Причиной разлуки братьев была ссора. Квартерман рассказывает все, что знает о Джордже. Он как-то во время охоты встретил умирающего человека, который успел произнести только два слова: «алмазы, алмазы». У него была карта расположения клада Соломона. Генри упросил Квартермана дать копию карты. Это намерение сопряжено было с большим риском. Несмотря на предостережения Квартермана, Генри с товарищем отправился в опасный путь...

На этом поэма обрывается. Продолжение нам известно в изложении М. О. Ауэзова, который в детстве слышал поэму на родине в Чингисских степях. В своем исследовании Ауэзов называет данное произведение романом—поэмой. Да и по сохранившемуся отрывку видно, что это произведение скорее всего приключенческого плана, а не чисто романтического. Повествование идет спокойно, реальные люди действуют в реальных обстоятельствах. Судя по каркасу сюжета, поэма была довольно объемной. Иначе обстоит дело с поэмами, имеющими ярко выраженные романтические тенденции. И в них, отмечая романтические начала, литературоведы оговариваются, отмечают реальность внешности героев, взаимоотношений, поступков, обстоятельств и т. д.

В поэме «Дагестан» дана великолепная картина кавказской природы, самого Кавказа. Суть конфликта — месть отца, вызванная проклятиями, и кровная месть. Автор в начале указывает подавленного горем старика Юсупа, который стоит у сакли и ждет прощения умирающей дочери. Далее автор начинает раскрывать причину такого трагического положения одинокого горца.

Юсуп в молодости из-за мелкой зависти убил единственного сына старухи Эли. С горя умерла и мать. Но, умирая, она молилась и проклинала Юсупа. Гордый Юсуп нажил богатство. У него было пять сыновей и дочь Закира. И вот пришла пора расплаты. При разных обстоятельствах погибают его четыре сына. Пятого при самозащите убил Джабрахил, возлюбленный Закиры. А Джабрихила из-за кровной мести убивает Юсуп с помощью слуг, хотя Закира, признавая вину брата, просила пощадить. И теперь с ребенком в чреве из-за горя и тоски по возлюбленному умирает красавица Закира.

«Дагестан» отличается композиционным своеобразием и стройностью сюжета. Острота конфликта, выпуклость характеров, яркость пейзажа, напряженность событий, образность языка — все это вместе взятое позволяет нам говорить об этом произведении, как о поэме истинно профессиональной литературы. «Дагестан» — романтическое произведение. Но его романтизм — это романтизм с национальными особенностями.

Вот так, к примеру, рисуется Акылбаем девушка:

Кто увидит Закиру, тот будет без ума.
Брови тонкой дугой, в глазах — огонек,
Все горцы готовы носить ее на руках,
Считая особенным созданием.
Стан ее стройный, как лоза.
Ей косы густые природой даны,
Зубы, как жемчуг. В улыбке они, как цветы,
В этом мире такая больше не родится.
Стан извивается, как лоза.
Среди пятерых братьев она, как цветок,
Движенья быстры, легка, как коза,
«Газель». — раздаются ей вслед голоса.
Волнистые волосы нежны, как шелк.
На них равнодушно смотреть невозможно
Как ночь, только полные света, глаза.
Ее не назвать совершенством нельзя.
Чистые зубы, прямой нос, нежные губы,
Которые приведут к поступку достойному ее.
Из тысячи никто на нее не похож,
Ни с кем не могу ее сравнить.
Щеки, как яблоко, кожа белая, как снег.
Как увидишь ее, мир становится тесным,
Не можешь оторвать взгляда.
Стоишь, как будто заколдованный.
И ум, и характер, и внешность даны.
На редкость с душой чистой в ней сплетены.

(Подстрочный перевод).

В романтической поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-бей» читаем:

Нежна, как перы молодая,
Создание земли и рая,
Мила — как ночь в краю чужом.
Меж звуков языка чужого
Знакомый звук, родных два слова.

Так утешительно мила,
Как дрезне узнику была
На сумрачном окне темницы
Простая песня вольной птицы.
Стояла Зара у окна!

Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко.
В ее наряде простота —
Но также вкус. Ее головка
Платком прилежно обвита;
Из-под него до груди нежной
Две косы темные небрежно
Бегут. Уж, верно, час она
Их расплетала, заплетала.
Она понравиться желала;
Как в этом женщина видна.

Описание красоты девушки! Казалось бы, уж здесь можно дать простор фантазии. Но Акылбай прекрасные черты Закиры дает в сравнении с известными предметами материального мира. Тогда как Лермонтов согласно романтической настроенности больше предается грезам, и его сравнения и образные штрихи (Уж верно, час она их расплетала, заплетала) можно воспроизвести лишь условно. Однако при всем своеобразии влияние лермонтовских южных поэм на Акылбая бесспорно.

Поэма «Медгат и Касым» Магавья Купанбасва — самая интересная по содержанию и самая большая по объему (778 строк). В ней имеются две сюжетные линии. Содержание одной — месть. Другая зиждется на любовной коллизии. И обе линии искусно переплетены автором.

Наша задача — не анализ поэм сыновей Абая. Нужно только сказать, что поэма «Медгат и Касым» была новой ступенью в развитии казахской поэмы как жанра вообще и романтической — в частности. Высокую оценку дал этой поэме М. О. Ауэзов. Он так определил ее место: «Было бы мало, если бы последователи повторяли путь, найденный и пройденный поэтом-наставником. Поэт-последователь Магавья искал в том направлении, на которое указал Абай. Он впервые написал настоящую сюжетную поэму». Далее он пишет: «Он и Акылбай внесли в казахскую литературу стиль романтической поэмы. Надо сказать, что тем самым они внесли течение действительно новое, до того неизвестное» (Перевод наш—М. С.)

Классик Абай воспитал и дал родной литературе сыновей-поэтов. Заслуга Акылбая и Магауыи Купанбаевых прежде всего в том, что они всерьез и с истинным вдохновением взялись за одну отрасль творчества Абая и развили ее дальше.

1992 г.

ОТКРЫТИЕ РАННЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАЗАХОВ*

Так было, что каждый школьник бойко отвечал: «Казахская литература начинается с XVIII века. Первый акын, имя которого сохранилось в истории — Бухар-жырау. С него начинается история казахской литературы». Так говорили студенты. Так утверждали аспиранты и даже известные ученые. Но память народная хранила имена и творенья таких акынов, как Сыпыра-жырау, Асанкайгы и др. В известном героическом эпосе «Ер-Таргын» одним из действующих лиц является старейший бард степей Сыпыра-жырау. Ему свыше ста лет, но он еще принимает участие в междуусобицах. Он мирит Таргына с Ханзадой после их ссоры. Конечно, в характеристике Сыпыра-жырау не могла не сказаться фантазия народа. А имя Асанкайгы вообще было окутано ореолом святости. Но об Асане есть и исторические данные. О его родословной пишет в книге «Тауарих хамса» историк Курбангали Халитов. Эти акыны жили после образования казахской народности, что произошло в XV веке. Из акынов той поры наиболее точные данные имеются о Шалкииз-жырау Тилешинулы. Даты его жизни; 1465—1560. Из его произведений сохранилось 600 строк его стихов.

Но какова история казахской литературы до XV века? Долгое время это было неразрешимой загадкой. Не говоря о литературе, сама история сложения казахской народности была недостаточно изучена. В академическом издании «Истории Казахской ССР» (1957) писалось: «Проблема проис-

---

* Б. Кенжебаев, Х. Суюншиалиев, М. Жолдасбеков, М. Магауин, К. Сыдилов «Памятники ранней литературы», А., «Мектеп», 1967 г.

Эта рецензия опубликована в журнале «Вопросы литературы» № 6 за 1968 г.

хождения казахского народа остается неразработанной поныне».

С тех пор в казахской периодической печати все чаще появлялись статьи и исследования, которые открывали новые страницы в древней истории и культуре казахского народа. Казахские ученые, историки и археологи установили, что до нашествия монголов на территории Казахстана существовали такие города, как Таразы, Кангка-Жетнасар, Отрар, Кумкент, Бала-ата и другие. Остатки некоторых из них найдены на дне озер и морей. В 1959 году историк Т. Бисенов в статье «От юрты до дворцов культуры» писал: «Наши предки занимались разнообразным строительством. Сообразно требованиям времени они изобретали архитектурные формы и методы строительства. Свое культурное наследие народ пронес через огни и воды и сумел сохранить соответствующие особенности своего искусства». С новыми гипотезами и открытиями выступали казахские литераторы, ученые и писатели. Венцом этих благодарных усилий явилась хрестоматия для филологических факультетов, составленная группой казахских филологов.

Прежде казахская литература делилась на четыре периода: а) фольклор, б) казахская литература XVIII—XIX веков, в) казахская литература начала XX века, г) казахская советская литература. Теперь эта периодизация, естественно, неприемлема. Исследования, находки, диссертации, книги, «Памятники ранней литературы» пролили свет на темную полосу в истории казахской литературы, простиравшуюся за XVIII веком вплоть до V века н. э.

Древнеказахская литература начинается с орхонских надписей. Это—надгробные надписи тюркских каганов Кюльтегина, Тоньюкука и других, которые изобилуют художественными сравнениями, эпитетами, метафорами, поговорками и пословицами и т. д. Эти памятники были открыты и расшифрованы русскими тюркологами и востоковедами Н. М. Ядринцевым, В. В. Радловым, П. М. Мелиоранским. Язык и грамматические конструкции этих памятников схожи с современным казахским языком и его грамматикой, что доказано казахскими лингвистами.

Все тюркоязычные народности образовались от слияния отдельных родов, племен и племенных союзов, населявших огромную территорию от Китая до Византии. Наряду с диалектами, которые в разной степени отличались друг от

друга, существовал единый древнетюркский язык, на котором писались ранние памятники. И вот казахских ученых долгое время мучил вопрос; почему литература собратьев-тюрков (узбеков, татар, туркмен и др.) начинается из глубин веков, а литература казахов, территория которых «раз в 10 больше Англии» и язык которых является, по свидетельству П. М. Мелиоранского, одним из «самых чистых и самых богатых» в семействе тюркских языков, начинается только с XVIII века? Наконец, глубоко научно, с позиции современной эстетики вопрос этот решен. Известные советские тюркологи, как Э. Н. Наджин, И. В. Стеблева и другие, пришли к закономерному выводу, что ранние литературные памятники являются общим наследием тюркских народов, в том числе казахского народа. Это—отрадный научный факт.

Хрестоматия «Памятники ранней литературы» состоит из двух частей и шести глав. Первая часть «Памятники древней литературы» имеет 4 главы; 1) Сказания из орхонских надписей; 2) Загадка, пословицы и поговорки, стихи из словарей; 3) поэмы, 4) из произведений поэтов и писателей. Вторая часть, которая названа «Литературные памятники и наследие акынов и жырау XV—XVIII веков», имеет две главы: 1) Отрывки из разных рукописей и книг, 2) наследие акынов и жырау.

Книга открывается обширным вступлением, где автор хрестоматии совершают экскурс в глубины веков, говорят о предпосылках, приведших к созданию их коллективного труда, дают краткую характеристику каждого древнего памятника и сведения об акынах и жырау. В конце книги есть пояснения. В них указываются публикации и источники, послужившие основой в составлении «Памятников ранней литературы». Источники самые разнообразные. Это — книга С. Е. Малова «Памятники древне-тюркской письменности» (Москва, 1955) и «Памятники узбекской литературы» (Ташкент, 1928), книги Кадыргали Жалапра «Жамиг-ат-тауарих» (Казань, 1851) и Курбангали Халитов (Тауарих хамса. Казань, 1911), книга А. М. Щербака «Огуз наме, Мухаббат наме» (Москва, 1959), архив академика А. Маргулана, кипчакский словарь «Кодекс куманикус» (Будапешт, 1880) и др.

При всей ценности данного издания нельзя не выразить сожалений. Пока мало произведений в первом разделе. Правда, это — дело времени, дело новых исследований и открытий. Но и то, что есть использовано не полностью, о чем свидетель-

ствуют статьи и выступления исследователей и авторов этой книги. А во втором разделе помещены произведения акынов, живших вплоть до XX века. Это, по-видимому, нецелесообразно. Думается, что составители руководствовались тем, что ими открыты акыны поздних времен, творчество которых было не изучено или даже забыто. Но, несомненно то, что в историю казахской литературы внесен поистине неоценимый вклад. Отныне казахская литература будет иметь новую периодизацию, беря начало с V века. Авторы «Памятников ранней литературы» во главе с профессором Б. Кеңжебаевым предлагают разделить казахскую литературу на пять периодов. Хотелось бы, чтобы каждый период, как и ранее, вышел отдельной книгой. Это тоже пожелание перед новыми исследованиями и открытиями, перед новым напряжением усилий ученых.

1968 г.

ствуют статьи и выступления исследователей и авторов этой книги. А во втором разделе помещены произведения акынов, живших вплоть до XX века. Это, по-видимому, нецелесообразно. Думается, что составители руководствовались тем, что ими открыты акыны поздних времен, творчество которых было не изучено или даже забыто. Но, несомненно то, что в историю казахской литературы внесен поистине неоценимый вклад. Отныне казахская литература будет иметь новую периодизацию, беря начало с V века. Авторы «Памятников ранней литературы» во главе с профессором Б. Кенжебаевым предлагают разделить казахскую литературу на пять периодов. Хотелось бы, чтобы каждый период, как и ранее, вышел отдельной книгой. Это тоже пожелание перед новыми исследованиями и открытиями, перед новым напряженным усилием ученых.

1968 г.

зу уловить и запомнить их, как тогда казалось, сложных имен и фамилий.

Вот уже прошло 30 с лишним лет. Сейчас историю казахской советской литературы невозможно представить без этих писателей-классиков.

Нечто подобное, как мы, студенты пятидесятых годов, ощутили, думается, студенты-филологи 80-х годов после объявления о возвращении творческого наследия крупнейших деятелей культуры Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусупбека Аймаутова.

Да что говорить о студентах, если даже мы, литераторы со стажем, почти ничего о них и об их творчестве не знали, а то что все-таки попадалось в архивах, в старых газетных и журнальных подшивках, что запоминалось из разговоров со старшими товарищами-коллегами, пряталось далеко в тайниках души и шкафов.

Мы встречали эти имена в мемуарном романе Сакена Сейфуллина «Тернистый путь» и при том в списках среди алашордынцев. Но если революционер, своими руками устанавливавший советскую власть, ставший в 38 лет председателем Совнаркома Казахской ССР, Сакен Сейфуллин стал жертвой репрессий тридцатых годов, то о заблуждавшихся или иногда допускаявших ошибки и говорить было нечего.

Между тем, какое звено, какой блок был искусственно аннулирован в непрерывной и закономерной цепи развития истории казахской литературы, науки и культуры.

Вот возвратилось творчество Шакарима Кудайбердиева и заняло свое, ранее зияющее пустотой место, как природой и законами общественно-социального развития звено между Абаем и казахской советской литературой. А последняя тоже не сразу сформировалась и не упала с неба в готовом виде. Здесь еще были крупные таланты со своими общественно-политическими заблуждениями, временными ошибками, которые все-таки выправились и восприняли революцию и социализм, чтобы служить народу, без которого они уже не мыслили своей жизни.

Однако карающий меч времен культа личности не пощадил их, дабы построить свою модель социалистического общества с искусственными, законами развития общества и его культуры.

Еще 4 апреля 1919 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял решение о помиловании и амнистии «буржуазно-националистической» партии «Алаш» и руководителей алашордынского правительства. («Казах адабнети», 23/XII 1988 г., стр. 3).

На основе тщательного изучения документов и творческого наследия Верховный суд Казахской ССР недавно полностью реабилитировал А. Байтурсынова, М. Жумабаева и Ж. Аймаутова.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Самым старшим из этих трех деятелей культуры является Ахмет Байтурсынов. Он родился в 1873 году в Тосынской волости Тургайской области. В 1886—1891 годах учился в Тургайском двухклассном русско-казахском училище.

С 1891 по 1895 год обучался в Оренбургской русско-казахской школе.

Когда мальчику Ахмету исполнилось 13 лет, его отца Байтурсына царские власти сослали в Сибирь за то, что он избил уездного начальника за нечестное ведение выборов волостного управителя.

Начиная с 1895 года, Ахмет Байтурсынов работал учителем в разных школах Тургайской округи.

В то время в Омске жил тюрколог Алекторов, заведовавший семипалатинскими и акмолинскими школами. Списавшись с ним, Байтурсынов поехал в Омск с целью ознакомления с положением казахов в других регионах.

В 1909 году в Каркаралинск, где он заведовал двухклассным училищем, прибыл из Семипалатинска начальник губернского жандармского управления и арестовал его по обвинению в проведении агитационной работы против царского правительства.

В Семипалатинской тюрьме Ахмет Байтурсынов без суда и следствия просидел с июля 1909 года по 21 февраля 1910 года, затем был выпущен без права поселения в казахских областях, и он уехал в Оренбург.

В 1913 году он, Ахмет Байтурсынов, организовал выпуск газеты «Казах» и стал его редактором. В период журналистской работы несколько раз подвергался арестам и допросам

из-за неблагонадежных публикаций. И все-таки до конца 1917 года Ахмет Байтурсынов проработал редактором газеты.

После этого начинаются связи Ахмета Байтурсынова с алашордыщами.

В 1928 году Байтурсынов был приглашен на должность профессора в открывающийся в Алматы университет, и он переезжает сюда из Кызыл-Орды. В автобиографии он прямо пишет: «В марте 1919 года перешел на сторону Советской власти и поехал в Москву».

Впоследствии он работал на разных выборных должностях, был членом Каз. ЦИКа, работал в комиссариате народного образования, был председателем Академического центра при Казнаркомпросе, председателем Казахского научно-литературного совета и членом Академического центра.

Когда образовалась Казахская АССР, А. Байтурсынов 2 года находился на посту наркома просвещения.

В 1923 году общественность республики отметила 50-летний юбилей Ахмета Байтурсынова. В связи с этой датой М. О. Ауэзов написал и опубликовал в газете «Ак жол» («Светлый путь») за 4 февраля обширную статью «Пятидесятилетний той Ахана». В газете «Елбекши казах» — «Трудящийся казах» (ныне «Социалистик Казахстан») Сакен Сейфуллин выступал со статьей «Ахмету Байтурсынову исполнилось 50 лет».

В конце 1929 года по доносу Ахмет Байтурсынов был арестован и выслан в Архангельскую область, а жена и дочь отправлены в Томск. По ходатайству жены М. Горького Е. Пешковой, которая тогда работала в комиссии Красного Креста, Ахан в 1934 году был освобожден. Но вскоре в Алматы, 8 октября 1937 года, он был вновь арестован по ложным обвинениям в антисоветской деятельности и расстрелян.

Магжан Жумабаев был одним из самых популярных поэтов в народе. Он по праву считался главой нового направления, который в своем творчестве сентизировал достижения западной и восточной поэзии. Родился он в 1893 году. С 1906 года по 1910 год Магжан учится в медресе в г. Кызылжаре (ныне Петропавловск). Потом до 1913 года учился в татарском медресе «Галля» в г. Уфе. В 1916 году он закончил Омскую учительскую семинарию. Будучи семинаристом, Магжан Жумабаев стал признанным поэтом и редактировал рукописи

ный журнал литературного объединения «Бирлик» («Единство»).

Лидеры Алаш-Орды, пользуясь неопытностью и нескрупулезностью молодого поэта, привлекают его в свои ряды, вводят в состав своего комитета, в комиссию по составлению учебников для казахских школ и даже выдвигают кандидатом в депутаты Учредительного собрания.

Магжан Жумабаев как-то по наитию почувствовал враждебность кнороду Колчака и сразу определил, что от него, как он говорил, «несло монархией». Поэтому он после изгнания из Омска белогвардейцев редактирует газету «Бостандык туы» — «Знамя свободы». Затем он в Ташкенте сотрудничает в газете «Ак жол» («Светлый путь»), в журнале «Шолпан» («Утренняя звезда» или «Венера»).

Далее М. Жумабаев в 1923—1929 годах учился в Московском литературно-художественном институте, которым руководил поэт и выдающийся деятель Валерий Брюсов.

С 1927 года Магжан Жумабаев полностью переходит на преподавательскую работу, принимает участие в подготовке учебников для казахских школ.

Однако в 1929 году М. Жумабаев осужден на 10 лет по обвинению в создании организации «Алка» («Круг»), которая якобы вела подпольную деятельность. На самом деле это была коллегия, созданная в 1921 году представительством Казахской АССР при Сибревкоме с информационными и просветительскими целями. Однако в годы культа личности и необоснованных репрессий эта организация была признана контрреволюционной и члены ее были подвержены гонениям и судам.

Магжан Жумабаев был сослан в далекие северные леса Карелии. Вызывают удивление стойкость перед лишениями, находчивость и величайшая воля его легендарно преданной и любящей жены Злыхи, которая по труднейшим условиям транспорта того времени посещает Магжана, пробираясь из Казахстана в Прибалтику, за семь лет 14 раз. (Ныне живет в Алматы).

С помощью М. Горького и Е. Пешковой при посредничестве Злыхи-апа, которая доставила письмо Магжана в Москву, срок был уменьшен на 3 года, и поэт в 1936 году был досрочно освобожден. Но уже в следующем году Магжан Жумабаев был снова арестован, а 19 марта 1938 года расстрелян.

такая же судьба выпала на долю еще одного крупного деятеля литературы Жусупбека Аймаутова. Он родился в 1889 год в ауле Дандебай Павлодарского уезда Семипалатинской губернии. С пяти до 15 лет он обучался у различных аульных мулл. По его словам, «до 1917 года отец имел не больше 6—7 голов скота». Однако, несмотря на нужду и материальные лишения, Жусупбеку удается окончить Павлодарскую русско-казахскую школу и Семипалатинскую учительскую семинарию, в которых в общей сложности проучился с 1911 по 1919 г.г. Семинарист Жусупбек Аймаутов также оказался в ашашордынской организации, в составе которой он находился в 1917—1919 годах. Очевидно, его сословное происхождение очень скоро определило его дальнейший путь. Потому что вскоре он сам участвует в организации советской власти в Павлодарском уезде. В январе 1920 года Ж. Аймаутов вступил в ряды большевистской партии.

С этого времени начинается его интенсивная и целенаправленная литературная и общественная деятельность. Ж. Аймаутов — делегат учредительного съезда Советов Казахстана, член коллегии Наркомпроса республики, заведующий Губ-ОНО, редактор газеты «Казах тили» («Казахский язык»).

В 1922—1924 годах Ж. Аймаутов учительствовал в Каркаралинской школе. Затем переехал в Ташкент, где сотрудничал в газете «Ак жол», в 1926—1929 годах он работал директором Шымкентского педтехникума.

Нелегко жилось исключительно одаренному, талантливому и образованному человеку — Жусупбеку Аймаутову. В 1925 году по различным доносам он был исключен из партии, привлекался к суду. Вскоре ему удалось оправдаться, но не надолго. В 1925 году Жусупбек Аймаутов был снова арестован по ложному обвинению в участии в подпольной националистической организации и через два года его постигла та же участь Ахмета Байтурсынова и Магжана Жумабаева.

О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

В истории казахской культуры все эти три деятеля занимают свое достойное место. В одной статье нет возможности всестороннее обосновать и выложить огромное значение и творческого наследия. Сообразно своему времени они обладали

синкретическим дарованием и внесли свой вклад в разные отрасли наук и аспекты философии.

Для убедительности вышесказанного приведу только один пример. В течение 50 лет лингвисты, педагоги, учащиеся пользовались терминологией по казахскому языку, не зная или не называя, кто является ее первооткрывателем, автором и составителем. А этим великим основоположником казахской лингвистики был Ахмет Байтурсынов. Это его слова: бастауыш—подлежащее, баяндауыш—сказуемое и т. д. Помимо того, Ахмет Байтурсынов внес свой вклад в развитие казахской литературы, как поэт, критик, публицист, историк литературы, переводчик и педагог. Его произведения и статьи публиковались в периодической печати и отдельными изданиями. Он много лет переводил басни Крылова и сам писал для молодежи поучительные стихи, которые с 1912 по 1922 годы издавались в Санкт-Петербурге, Уральске, Оренбурге и Казани под названиями «Қырық мысал» («Сорок басен»), «Маса» («Комар») и «Узик» («Доля»).

Ахмет Байтурсынов был создателем первого казахского букваря по реформированному алфавиту. В 1912 году он издал в Оренбурге «Учебное пособие («Оқу куралы»)). В 1926 году Ахмет Байтурсынов издал «Новый букварь» объединенными усилиями Ташкентской и Кызылординской типографий (об этом пишет в своей статье Р. Сыздыкова в газете «Казах әдебиеті» за 6 января 1989 года).

Также в разное время Ахмет Байтурсынов писал такие книги, как «Пособие по языку», «Из учебных пособий», «История культуры» и др.

Как истинный просветитель Ахмет Байтурсынов собирал образцы устного народного творчества и публиковал их. Так он собрал, составил, написал предисловие и выпустил в Москве дастан «Ер Санн» (1923), «23 причитаний» (1926).

Мухтар Ауэзов определил значение «Сорока басен» как «слова в духе революции, впервые услышанные широкими массами казахов».

Известные русские ученые-востоковеды А. Е. Алекторов, Григорий Потанин (друг Чокана Валиханова) лично знали и ценили Ахмета Байтурсынова как писателя и ученого.

Академик А. Н. Кононов причисляет Ахмета Байтурсынова к плеяде отечественных тюркологов. Одним из первых Ахмет Байтурсынов назвал Абая «Главным казахским поэтом».

В разных жанрах создавал свои произведения Магжан Жумабаев. В 1912 году был издан в Казани первый сборник его лирических стихотворений «Шолпан», который сразу же сделал его популярным среди казахского народа. Там же в 1922 году был выпущен второй сборник его стихотворений с предисловием Бернияза Кулеева.

В 1923 году в журнале «Шолпан», выпускаемом в Ташкенте, в нескольких номерах опубликована поэма М. Жумабаева «Батыр Баян». Третья книга поэта в том же году под редакцией и с предисловием Султанбека Кожанова была издана в Ташкенте.

Также Магжан Жумабаев плодотворно занимался художественным переводом. В свое время им на казахский язык были переведены произведения Максима Горького, Всеволода Иванова, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др. Вот почему великий пролетарский писатель хорошо знал казахского поэта, который оказался в далеких лесах Карелии. В 1924 году в переводе М. Жумабаева был издан сборник рассказов Горького на казахском языке. А женщина-ходатай, прибывшая к великому писателю с письмом, незабвенная супруга поэта Злыха-апа жива и поныне. Ей 96 лет, живет в Алматы и принимает посильное участие в обнародовании неопубликованных произведений, наконец, полностью реабилитированного мужа.

В разное время в периодике публиковались статьи М. Жумабаева «Ахан-сери», «Слова Ахана-сери», «Аубакир-аксакал Диваев», «Наурыз», «Алатау», «Из уст народа», «Хаджи — Мурат» и др.

Большое внимание Магжан Жумабаев уделял воспитанию и обучению подрастающего поколения. С этой целью он публикует статьи на педагогические, психологические и методические темы в газетах и журналах «Казах», «Ақ жол», «Сана» («Разум»), «Тан» («Утро»), «Айқап» и др.

В 1923 году в Оренбурге была издана солидная и содержательная книга М. Жумабаева «Педагогика». Его перу также принадлежат методические сочинения «Методика родного языка» (Москва, 1925), «Учебное пособие для взрослых» (Москва, 1929) и др.

Среди переводов Магжана Жумабаева есть труд В. И. Ленина «Парижская коммуна» (Москва, 1925).

Но как при жизни Магжана Жумабаева, так и после смерти в период запрета его имени казахский народ почитал его прежде всего как большого поэта, великого и гонимого лирика.

Мухтар Ауэзов признавался, что после Абая самым своим любимым поэтом считает Магжана Жумабаева за его «по-европейски блестящую выразительность» и далее подчеркивал: «Магжан—поэт высокой культуры».

В архивном фонде Дома-музея М. О. Ауэзова в Алматы сохранилась анкета, собственноручно заполненная Жусупбеком Аймаутовым, где он дает довольно подробные сведения о своей жизни и творчестве.

По свидетельству автора он начал писать стихи с 13 лет. Первая заметка об одном курьезном случае со спекулянтom, у которого ловкие аульчане растащили чай, пообещав избрать волостным управителем, была напечатана в 1913 году в газете «Каазах».

Анкета заполнена Ж. Аймаутовым в январе 1928 года, примерно за три года до гибели. Здесь среди опубликованных и подготовленных к печати книг названы пьесы «Рабига», «Сылан кыз» («Кокетка»), «Мансапкорлар» («Карьеристы»), «Канапия и Шарбану», «Ел корганы» («Оплот народа»), «Шерпияз», романы «Карткожа» «Ак блек», («Белая рука»), учебники «Руководство к воспитанию», «Психология», «Психология и выбор ремесла» и др.

Исследователь творчества Ж. Аймаутова Мекерия Атымов считает, что «его психологические и педагогические труды с лихвой составят три тома, а их перевод и публикация на русском языке станут большим событием в жизни тюркоязычных народов, ибо доселе подобных сочинений, написанных с учетом национальной специфики, они не знают».

Жусупбек Аймаутов своими переводами сделал достоянием народа ряд произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, труды по истории Покровского и др.

В заключении комиссии ЦК Компартии Казахстана о Ж. Аймаутове сказано: «В числе первых казахских литераторов он создал художественный образ В. И. Ленина. Его стихотворения рисуют образ вождя, олицетворяющего собой духовное богатство человечества. Одним из ярких достижений его творчества стал перевод пролетарского гимна «Интернацио-

нал». На страницах газет и журналов тех лет он опубликовал серию статей по проблемам двуязычия, методики преподавания русского языка, совершенствования правописания, об интернациональном воспитании, что очень актуально и в наши дни». («Казахстанская правда» за 28 декабря 1988 года).

Вполне созвучно нашему времени перестройки 28 февраля с. г. в конференц-зале Союза писателей Казахстана проводился большой вечер, посвященный Ахмету Байтурсынову, где собрались наследники этих трех великих деятелей, которые думали об их судьбах...

Потом там же в Союзе писателей Казахстана проводились подобные литературные вечера, посвященные Жусупбеку Аймаутову и Магжану Жумабаеву. Но я уже уехал домой в Прииртышье, где пришлось смотреть их по телевизору...

Алматы— Семипалатинск. 1990 г.

кие откровения, как «Смерть была бы, наверно, не так горька, если бы знал, как Абая, меня народ...»

Творческое наследие Асета Найманбаева велико и разнообразно. Это — стихи, айтысы, жоктау (плачи), сказания, поэмы. Произведения его сохранились в рукописных списках и в устах акынов, певцов. Не все еще собрано и далеко не все изучено.

Тем более отраден факт появления на прилавках книжных магазинов первого сборника произведений Асета. Возникает законный вопрос: «Почему до сих пор не издавались отдельные книги творения одного из ближайших учеников Абая и любимых поэтов казахского народа?» Среди множества разных причин есть и одна, наиболее объективная. Нужна была кропотливая, скрупулезная исследовательская работа: сопоставление рукописей и записей с уст поклонников поэзии Асета, выявление истинно асетовских и чужеродных произведений, приписываемых поэту. В этом отношении значительный вклад внесли К. Мухамедханов (автор диссертации «Поэты абайского окружения», 1959 г.), Б. Адамбаев и С. Ордалиев, составители данного сборника.

В «Избранное» вошли 34 стихотворения, песни (музыка Асета), жоктау, 4 айтыса и поэтических споров, 4 поэмы. Книга снабжена вступительной статьей и комментариями.

Нельзя не отдать должное чувству ответственности, такта и даже любви, с которым подошел к оформлению книги художник А. Рахманов. На суперобложке по мотивам казахского фольклора со вкусом выполнена линогравюра, которую, очевидно, можно назвать «Проводы невесты». Привлекает внимание портрет Асета Найманбаева на шмуцтитуле, выполненный в технике линогравюры. Пожалуй, не привлекает, а радует. Образ Асета на единственной фотографии запечатлен чисто случайно.

Как-то в эмиграции фотографировалась группа интеллигентов. Пригласили и Асета. Но тот отказался и продолжал сидеть в сторонке, по-казахски скрестив ноги. А какой-то фотограф (тысячи благодарностей ему!) захватил и Асета. Так сохранился для истории облик этого классика.

Неповторимость поэтической особы Асета в том, что он старое русло казахской поэзии как бы наполнял новым содержанием. Это ему с Акылбаем и Магавьей Кунанбаевым мы

обязаны рождению и жизни казахского романтизма. Это он был одним из популяризаторов Пушкина в казахской дореволюционной степи. Также Асет внес посильный вклад в расширение лексики. В его строки органически вплетены такие русские слова, как «прием», «пример», «ход», «секрет», «почта», «империя», «гармония», «бриллиант», «судья» и т. д. (Заметим, что эквиваленты некоторых из них есть в казахском языке). Тем самым поэт как бы находил новые слова или синонимы и добивался более действенного звучания стихов. Оценку произведениям Асета Найманбаева дал первый по справедливости судья — время.

Когда читаешь или слушаешь стихи Асета, они невольно обволакивают волшебным туманом чарующей поэзии. Стихи Асета отличаются простотой конструкции, непринужденностью обаяния, густой метафоричностью, обилием точно найденных образов. Так и кажется, что его сердце действительно саба (кожаный мешок), из которой льется бурлящий и опьяняющий ароматом «кумыс песен». Кажется, сидит невидимый аксакал Асет в широком чапане, вынимает из-за пазухи пригоршнями поэтические россыпи и щедро разбрасывает вокруг.

Песню беру, чтоб вам в душу вошла она.
Мед — мой красный язык. Сахар — моя слюна.
Сердце мое — саба. Булькает в нем кумыс
Песен моих. Пою, взбалтываю до дна.
Ливень — слова, буря — дombra, песня моя — весло.
Прогрохочу и стихну, чтобы не унесло
Вовсе из мира вас. В сказку вплетаю враз
Образов алмазы. Вот мое ремесло.

Перевод А. Коренева.

Пожалуй, слово «льется» не вполне приемлемо для произведений Асета. Нередко стихи его идут напором, как волны порожиистой реки, нагнетая художественные образы. При этом закономерны в них повторы, аллитерации, захватывающая резкость фразы.

О, степь, моя любимая, я твой,
Покуда полночь гукает совой,
Пока из туч дырявого мешка
Луна вдоль тропки рассыпает соль,
Покуда у подсолнуха башка
Оранжева от августовских зорь.
Покуда солнца волнолом слепит.

нал». На страницах газет и журналов тех лет он опубликовал серию статей по проблемам двуязычия, методики преподавания русского языка, совершенствования правописания, об интернациональном воспитании, что очень актуально — и в наши дни». («Казахстанская правда» за 28 декабря 1988 года).

Вполне созвучно нашему времени перестройки 28 февраля с. г. в конференц-зале Союза писателей Казахстана проводился большой вечер, посвященный Ахмету Байтурсынову, где собрались наследники этих трех великих деятелей, которые думали об их судьбах...

Потом там же в Союзе писателей Казахстана проводились подобные литературные вечера, посвященные Жусупбеку Аймаутову и Магжану Жумабаеву. Но я уже уехал домой в Прииртышье, где пришлось смотреть их по телевизору...

Алматы— Семипалатинск. 1990 г.

Покуда выпь голодная вопит
С пустых болот, как тыщу лет назад,
Покуда в бубен дунит вихрь коныт
И рвет рубаху на себе азарт!

Перевод А. Коренева.

И в импровизаторском искусстве Асет достиг высокого совершенства. Он так владел эпитетами, сравнениями, метафорой, аллитерациями, мастерством композиции, что невольно отказываешь ему в «моментальном творчестве». Можно смело утверждать, что такие, как Асет, дали повод и основание русскому ученому-востоковеду В. В. Радлову сказать о казахах, неизвестных тогда номадах; «...Народ, который наслаждается красноречьем, смотрит на ритмическую речь, как на высшее искусство в мире».

Иногда возникает мнение, что Абай относился отрицательно к творчеству Асета. Для подобного представления служит основанием стихотворение «Асету», написанное в виде эпиграммы. В нем великий поэт берет на штык сатиры отсутствие стремления к знаниям, стимула к совершенству, критикует разбазаривание таланта двадцатидвухлетним Асетом.

Сам факт обращения Абая к такой эпиграмме свидетельствует о признании им поэтического дара Асета Найманбаева. Конечно же, бичующая критика великого наставника не прошла для молодого поэта бесследно. Доказательством тому является все его последующее творчество. Переняв с годами опыт своего взыскательного учителя, Асет в свою очередь направляет острие пера против пустословия и невежества («Джигит, обманутый невежеством», «Не пропадет сметливый, умный человек» и др.), беспощадным сарказмом и едкой иронией наполнены эпиграммы на биев, всевозможных торе и волостных управителей. Например, волостному Каракурсаку говорит:

Твое постное мясо превратилось в жир.
В трудное время ты был попрошайкой.
На своей земле ты был кобелем, который не лаял
и во дворе.
А сегодня здесь стал борзой собакой.

(смысловой перевод).

От создателя развлекательных, безыдейных строк до крупнейшего поэта критического реализма — таков путь Асета Пайманбаева.

Асету чуждо было чувство зависти и корыстолюбия. Он всегда почитал истинный талант и уважительно относился к товарищам-акынам. Интересен такой эпизод из его жизни. Как-то дошел до него слух, что тяжело заболел один из известных бардов степей, акын Кемпирбай. Эта весть удручающе подействовала на него. Он прибыл к акыну и вошел с песней:

Здравствуй, нар Кемпирбай, Да поможет бог
сладить с хворью, свалившей тебя, старика.
Белый сокол, ты гордо летал, но не смог
из коварного выпутаться силка.

Лишь о хвори узнал — помутился свет.
Горько, горько проплакал я целых три дня.
Я приехал к тебе. Мое имя — Асет.
Я приехал к тебе. Ты не знаешь меня.
Неужели перед смертью строки не создашь?
Зоркий беркут, на весь ты прославлен Алаш!

Перевод Е. Винокурова.

Взволнованный словами истинного участия и соболезнования умирающий акын вострепнулся. К нему в последний раз пришел дар импровизации и он создал стихи, полные поэтической силы и юношеского жара.

Чтоб утешить, Асет перешел мой порог.
Кашель рвет мою грудь, лоб намокший — в огне.
Я оставляю наследникам несколько строк.
Поднимите, друзья, изголовье мне...

Перевод Е. Винокурова.

Такая эмоциональность, взволнованность, точность ориентации характерны всем айтысом и жоктау Асета, вошедшим в сборник. В книгу «Избранное» включены поэмы «Пушкин», «Салиха и Samen», «Три сиротки», «Деревянный конь». Поэмы отличаются драматизмом повествования, остротой сюжета и стройностью формы.

Поэмы Асета записаны с уст жырши (певцов-исполнителей). В них превалирует импровизаторское начало. В поэме «Пушкин» в роли Онегина выступает сам великий русский по-

эт, который обменивается любовными посланиями с Татьяной. Такая вольность Асета объясняется тем, что он пользовался традиционным в восточной поэзии приемом «назира». Казахи знали поэму «Евгений Онегин» по классическому переводу Абая. «Пушкин» распространялся, как другой вариант известного произведения. Помимо «Пушкина» Асет создал еще три варианта: «Татьяна», «Беседы Онегина и Татьяны», «Евгений Онегин».

Сюжеты поэм «Три сиротки», «Деревянный конь» заимствованы из «Тысячи и одной ночи». Следуя «назире», поэт выражает думы и чаяния народа о бескорыстной помощи бедным и о полете (о создании «летающего коня»).

В романтической поэме «Салиха и Самен» речь идет о возвышенной любви юного батыра к дочери монгольского хана Ясукая Салиха. И эти влюбленные, как Енлик и Кебек, убегают в горы в поисках убежища своему высокому чувству. Но их находит войско хана. Сраженный Самен остается лежать, а Салиху увозят во дворец Ясукая. Тоска по любимому сжигает душу Салихи и она кончает собой. Самен вместо любимой находит ее могилу и тоже убивает себя.

В романтическом ключе описаны внешность героев, их поступки. У Салихи, например, «Стан гибкий, как лоза», «пальцы, как белые корни тростника» и т. д. Автор пользуется сказочными элементами, гиперболой: конь предупреждает о приближении врага, Самен один сражается непрерывно день и ночь с ханским отрядом... В поэме использованы народные поговорки: «Волк схватил за подол, враг — за воротник», «ночной сон разбит на четыре части»... Не говоря о других художественных компонентах, в произведении есть превосходные аллитерации. Примеры: «Алтайдың алтындаған алтын жоны» (блещет золотистая степь Алтая), «қанжарды қасындағы көрді қарап» (осмотрелся и увидел рядом с собой кинжал)...

В какие-то 400 строк (поэма состоит из четырех небольших частей) вложен очень сложный сюжет. Поэма несет ясно выраженную моральную и социальную нагрузку. Это — борьба за светлое чество, корыстолюбие ханского рода, неравенство людей в феодально-патриархальном обществе. В силу отсутствия политической перспективы в мировоззрении Асета его одухотворенные герои, естественно, гибнут.

До самого конца своей жизни Асет Найманбаев с надеждой смотрел на запад, в наш Казахстан. В одном стихотворном письме, адресованном родственникам и землякам, живущим в Союзе, он писал:

Власть советская хороша.
Она указывает путь простому люду.
Как узнал о ней от тех, кто ездил,
Глаза загорелись и настроение другое.

(Смысловой перевод).

К сожалению, до сих пор больше писали об Асете, нежели печатали его. Произведения Найманбаева публиковались в нескольких сборниках («Голоса трех веков», 1965, «Дастаны», 1960) и даже на русском языке в «Антологии казахской поэзии» (М., 1958 г.). Но вот отдельных книг не было. Первая ласточка есть. Теперь в полный голос можно говорить о возвращении творческого наследия Асета Найманбаева к родному народу.

1969 г.

МУДРОСТЬ ШАКАРИМА

В апреле 1988 года было опубликовано решение комиссии бывшего ЦК Компартии Казахстана, и сразу же к концу года были выпущены две книги Шакарима Кудайбердиева издательствами «Жазушы» и «Жалын». Такая оперативность — редкий случай в издательском деле. Шакарим — сын Кудайберди, старшего брата по отцу Абая, родился 11 июля (по старому стилю) 1858 года в Чингисской волости (ныне Абайский район) Семипалатинской области. С детских лет он был преданным и верным учеником и последователем основоположника новой казахской письменной литературы, поэта-мыслителя Абая Кунанбаева (1845-1904).

Судя по разным источникам, Шакарим побывал в Стамбуле, Мекке и в Париже. Обладая недюжинным и разносторонним талантом и упорным, редкостным трудолюбием, он всю свою сознательную жизнь занимался самообразованием в разных отраслях наук и прежде всего в области мировой литературы.

К сожалению, нет подробной, научно-выверенной биографии Шакарима Кудайбердиева, да и всех, пожалуй, современников, видевших и общавшихся с ним, уже нет среди нас. Тем более каждая крупница из фактов биографии поэта для нас сейчас очень дорога.

Вместе с тем надо сказать, что, начиная с апреля 1988 года, в периодической печати публиковались как произведения самого Шакарима, так и статьи и заметки о нем. Среди последних следует отметить приоритет публикаций нашего земляка, писателя и ученого, старейшего абаевода Каюма Мухамедханова в областной и республиканской печати. Он всю свою творческую жизнь и научную работу связывает с Абаем и его поэтическим окружением, с его учениками и последователями. Он собирает их произведения, исследует и пропагандирует. Совсем недавно, в конце прошлого года, он обнародо-

вал в газетах «Семей таны» и «Казах адебиети» шесть вновь найденных стихотворений самого Абая, предваряя их научными комментариями. Благодаря его трудам вошло в историю казахской литературы и в учебные программы творчество Акылбая и Магавы Кунанбаевых, Арипа Танирбергенова, Асета Найманбаева и других литераторов. Подспудно К. Мухамедханов собирал и накапливал материалы, связанные с Шакаримом и другими жертвами периода культа личности.

Труды и усилия К. Мухамедханова, Ш. Сатпаевой, А. Тажибавва, М. Магауина, Р. Нургалиева, М. Ибраева и других ученых и писателей позволили нам теперь иметь достаточно широкое и ясное представление о том, что кроется за легендарным и загадочным именем — Шакарим Кудайбердиев.

Красочно и эстетично оформленная книга с портретом Шакарима на обложке, изданная «Жалыном», почти в три раза меньше по объему тома, выпущенного «Жазушы». Тем не менее содержание ее внушительное. Это целый клад по сравнению с тем, что ранее существовало потасно или в архивах из произведений Шакарима и о нем. В книгу, названную в конце ее в русском переводе «Поэма о любви», вошли 66 стихотворений, три поэмы «Калкаман и Мамыр», «Самосуд или случайность» («Еплик и Кебек»), «Смерть Кодара» и два перевода: «Сказание о Дубровском» (из А. С. Пушкина) и «Царь Криз» (из Л. Н. Толстого). Стихи Шакарима высокохудожественны и разнообразны по форме и содержанию. Здесь и описание природы, и картины аульной жизни, и любовная лирика, и гражданские стихи. Книга, изданная «Жалыном», составлена соответственно своему назначению и адресована юношеству. Здесь есть и стихи-притчи, стихи-сказки, как «Премудрый воробей», «Раскрашенный сурок», «Волк, лиса, перепелка».

В сборник включено стихотворение «Взошла заря свободы», в котором поэт приветствует революцию:

Свободы день настает,
Казахи, мой народ.
Идите за людьми,
узревшими воеход.
За светлою зарей
идет и солнце вслед,
Казахи, вам пора навеки
сбросить гнет.

(Перевод Вс. Рождественского)

Недавно стало известно, что Шакарим Кудайбердиев к этому стихотворению сразу же в 1919 году сочинил музыку. Эту песню он создавал с заветной целью сделать гимном Республики Казахстан. Местный композитор Аргынбек Ахметжанов записал ее у сына Шакарима Ахата Кудайбердиева на магнитофонную пленку, а потом перенес на нотную запись («Семей таны», 4,01,1992 г.).

Здесь, пожалуй, уместно сказать еще об одной книге Шакарима Кудайбердиева, выпущенной издательством «Өнер» («Искусство») в 1989 году под названием «Аманат» («Мой завет»), где представлены 40 песен с нотными записями и текстами. Правда, в издание включено еще не все из музыкального наследия Шакарима-композитора. Составитель сборника музыковед Талига Бекхожина в предисловии о музыкальной традиции Ш. Кудайбердиева пишет: «...Произведение Шакарима «Эта песня отличается от других» опубликовано в сборнике А. В. Затаевича «500 песен и кюев казахского народа» в 1931 году под названием «Шакарим Кудайбердиев ани». В этом же сборнике в комментарии отмечено: «Шакарим Кудайбердиев, старейший акын Семипалатинского у., жив, лет 70 от роду. Приводимая его песня сложилась, по видимому, под влиянием русских образцов. На тот же самый напев создана и была опубликована в газете «Пионерская правда» (от 18 мая 1929 года) песня казахских пионеров «Жастар».

Музыкальные произведения Шакарима широко использованы казахскими композиторами: А. Жубановым в I части сюиты «Абай», А. Жубановым и Л. Хамиди в опере «Абай» (арнозо Айдара, дуэт Айдара и Ажар и т. д.). На сюжеты поэм акына созданы многие произведения: балет «Калкаман-Мамыр», либретто М. О. Ауэзова, музыка В. Валиханова, поставлен в 1938 году в Казахском государственном театре оперы и балета имени Абая, пьеса «Калкаман-Мамыр», автор Бухара Тышканбасев, поставлена в КНР, в городе Кульджа, в 1947 году; опера «Енлик-Кебек», либретто Саги Жиенбаева, музыка Г. Жубановой, поставлена Казахским государственным театром оперы и балета имени Абая в 1975 году.

Мировоззрение и поэтическое мастерство Шакарима наиболее полно предстают в «Сочинениях», выпущенных издательством «Жазушы». В эту книгу вошли 177 стихотворений, 15 поэм и переводов и 6 прозаических произведений, соответственно представленных в трех разделах. Из прозы особня-

ком выделяется «Адилъ и Марья». Это сравнительно небольшое по объему произведение названо автором романом.

Казахская литература в своем развитии в конце XIX века и начале XX века решительно обращается лицом в сторону русской литературы, ориентируясь на ее художественные вершины. При этом она не порывает традиционных взаимоотношений с восточной классикой.

Произведение «Адилъ и Марья» начинается с живописного описания майского пейзажа. Весна — пора свиданий влюбленных душ. Вот и Адиль стремится на долгожданную встречу со своей безгранично любимой Марией. Казалось бы, все идет по извечным законам природы. Но не может воздержаться от своей изменчивой прихоти байский сынок Еркимбек. Он добивается ссылки Адилы и в конце концов гибели двух влюбленных чистых и честных душ. Автор опять же проявляет себя гуманистом, восстав против зла и произвола на нашей обетованной земле. (В переводе на русский язык К. Серикбаевой роман «Адилъ и Марья» опубликован в журнале «Простор» № 7 за 1990 г.).

Шакарим Кудайбердиев по праву считал себя учеником Льва Толстого, с которым переписывался и у которого получал ответы на самые волнующие вопросы. В одном письме например, Ш. Кудайбердиев задавал классику русской литературы три вопроса, суть которых заключалась в просьбе: 1. Назвать самую отвратительную черту человека или самый изменчивый порок, 2. Дать совет, как приступить к созданию крупных произведений и 3. Дать совет, как можно истинно познать достоинства и недостатки своих произведений. (Вопросы перевел кратко и передал своими словами — М. С.). На все свои вопросы Шакарим получил развернутые, исчерпывающие и убедительные ответы, которые потом изложил сам на казахском языке в отдельном труде и затем посвятил своему наставнику содержательное стихотворение.

...Не отступлюсь от того, что я ученик Толстого,
Обманщиком, скверным суфием, гяуром прозвали его.
Всею душой он любил справедливость, дорогу чести,
Поэтому он — владетель глубокой мысли.

(Подстрочный перевод).

Сам Шакарим Кудайбердиев, который до самозабвения был предан традициям Абая и Толстого, высшим идеалом

своей жизни и творчества считал правду и справедливость. При первом знакомстве с произведениями Шакарима становится бесспорным, что к мудрецу смело можно применить концепцию М. О. Ауэзова о трех источниках, питавших творчество самого Абая. Это — казахская народная литература, восточная и русская (через нее западно-европейская или зарубежная на Западе).

И еще можно говорить о заимствовании отдельных размеров и форм стихосложения и подражаний Абаю, но о приписке стихов одного другому не может быть и речи. У каждого из них свой оригинальный стиль, поэтический голос, индивидуальный почерк, своеобразный характер. Все это, безусловно, сказывается в творчестве. В этом их неповторимость и значительность.

Шакарим переводил газели Хафиза, поэму Физули «Лейла и Меджнун». Он сделал достоянием казахов несколько рассказов Льва Толстого, роман Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Даже такие крупные прозаические произведения, как «Дубровский» и «Метель» Пушкина, он преподнес в поэтическом переводе. И многие степные жители знали их наизусть. Тоже уникальное явление в истории литературы.

Когда казахское население не имело представления о театральном искусстве, Мухтар Ауэзов написал и поставил пьесу «Елилик и Кебек». И вот эта классическая драма создана на основе сюжета поэмы Шакарима «Самосуд или случайность», изданной в 1912 году в Семипалатинске типографией товарищества «Ярдам» (по-татарски «Помощь»), где в том же году были изданы еще его две книги: «Зеркало казахов» и «Калкаман и Мамыр», которые редактировал сам автор.

Поражает начитанность и огромная эрудиция Шакарима Кудайбердиева, проявившиеся в книге «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» (перевод на русский язык Б. Каирбекова, А., «Жазушы», 1990 г.). По признанию самого автора, этот труд он начал по совету Абая и продолжал работу над ним в течение всей жизни. Есть у него еще труд теологического содержания «Мусульманство». Не меньшее удивление, чем «Родославная», вызывает научно-философский трактат Шакарима «Три истины» (перевод на русский язык Е. Сыздыкова, А., «Казахстан», 1991). Здесь автор использовал поистине море источников, созданных представителями различных философских направлений и течений, приверженцами материализма и идеализма, учеными-богослова-

ми христианской, мусульманской, буддийской и других религий. В предисловии к «Трем истинам» доктор филологических наук Мекемтас Мырзахметов пишет: «Творческий духовный мир Шакарима дает нам понимание того, что он, степной казах, формировался на этом пути, не имея какой-то особой подготовки в специальном образовательном заведении. Тем не менее, Шакарим, который рвением собственной души, изучив арабский, персидский, чагатайский, русский, смог глубоко осваивать мировые шедевры духовной сокровищницы, созданной на этих языках, правдивостью и незаурядностью своего ума предстает перед нами как рожденный степью мыслитель».

Тридцать лет работал Ш. Кудайбердиев над своим трудом «Три истины» (1898-1928 г.г.). Его размышления оказались как нельзя кстати для нашей эпохи перестройки. В осознании мира поэтом и философом Шакаримом Кудайбердиевым есть три главные истины — это материалистическое мировоззрение, теологическое миропонимание и совесть. В глубоко содержательной интерпретации этих трех истин автор, обращаясь к значительным достижениям мировой науки, в конечном счете делает соответствующие выводы, опираясь на собственные знания, разум и жизненный опыт. Действительно, вызывает по крайней мере недоумение то обстоятельство, что даже имена некоторых ученых, к которым обращается Шакарим, нам малоизвестны или вовсе неизвестны. В своих рассуждениях о происхождении вещей Ш. Кудайбердиев писал: «Вот что говорят европейские ученые по поводу тех вещей, тайны происхождения которых не удается раскрыть законам физики. Известный философ Жостшбантия сообщает о невольном признании учеными того, что в каждом разделе науки о происхождении пока весьма мало действительно научного, что наши познания в сравнении с тем, что еще не раскрыто и остается тайной, можно сказать, находятся на нулевом уровне, иначе говоря, у нас в целом нет знаний в этой области. Ученый Био говорил, что ему ничего не остается, как удивляться природным законам происхождения, когда он задумывается о них и не находит какого-либо ясного для себя толкования. Когда видишь множество недостатков, когда узнаешь, что в этом непонятном нам естествознании еще столько загадок, досадует он, можно смело сказать, что все старания тех, кто пишет об этом, думая, что они удовлетворяют наш интерес, что доносят какие-то глубокие мысли, — все это оказывается просто пустыми словами».

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — НАШ ДУХОВНЫЙ БРАТ

Среди корифеев русской литературы XIX века для казахстанцев особенно дорого одно имя. Это имя великого Достоевского. Причина вполне понятна. Пять лет жизни писателя связаны с Семипалатинском. Годы пребывания в этом городе были годами выпрямления изломанной и исковерканной тюрьмой, каторжными мытарствами и солдатчиной писательской натуры Достоевского. Здесь он почти после шестилетнего перерыва вновь вернулся к творчеству. Здесь он познакомился с рядом прототипов своих будущих бессмертных книг. Здесь он познал два больших чувства. Это — светлое и полное драматизма чувство первой своей любви к Марии Дмитриевне Исаевой и кристально чистое и облагораживающее чувство дружбы к первому казахскому ученому-просветителю Чокану Чингисовичу Валиханову.

Не только семипалатинские, но и несравнимо мучительные предшествующие годы, по признанию самого писателя, имели решающее значение в его творческом возрождении.

В 1874 году Достоевский в этом смысле Вс. Соловьеву говорил: «Мне тогда судьба помогла, меня спасла каторга. Совсем новым человеком сделался... О! Это большое для меня было счастье; Сибирь и каторга... Говорят, ужас, озлобление о законности какого-то озлобления говорят? Ужасный вздор. Я только там и жил здоровой, счастливой жизнью, я там себя понял, голубчик... Христа понял, русского человека понял и почувствовал...»*

Достоевский обладал не только талантом от рождения был начитанным, но и имел достаточно высокое образование. Интересно в этом отношении свидетельство П. П. Семенова Тянь-Шанского, который писал: «Биография Достоевского

* Б. РЮРИКОВ. Достоевский и современники. В кн.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Том первый, М. изд. «Художественная литература» 1964 г. стр. 20.

прекрасно разработана, но с двумя выводами некоторых его биографов я никак не могу согласиться. Первое — это то, что Достоевский будто бы был очень начитанный, но необразованный человек. Мы знали близко Достоевского в 1846—1849 годах, когда он часто приходил к нам и вел продолжительные разговоры с Данилевским. Я утверждаю вместе с О. Ф. Миллером, что Достоевский был не только начитанным, но и образованным человеком.

...Во всяком случае, он был образованнее многих русских литераторов своего времени, как, например, Некрасова, Панаева, Григоровича, Плещеева и даже самого Гоголя*.

Это выражение большого участия ученого мы приводим в связи с тем, что Достоевский в свою очередь называл Чокана Валиханова «образованным человеком».

В письме от 14 декабря 1856 года Ф. М. Достоевский настойчиво и убедительно наставлял своего молодого собрата такими проникновенными словами; «Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе Вашей, мой дорогой Вали-хан. Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы первый из Вашего племени, достигший образования Европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности. Трудно решить, какой сделать Вам первый шаг. Но вот еще один совет: (вообще) менее загадывайте и мечтайте и больше делайте. Хоть с чего-нибудь да начните, хоть что-нибудь да сделайте для расширения карьеры своей. Что-нибудь все-таки лучше, чем ничего. Дай Вам Бог счастья.**

Если в свои неполные тридцать лет Чокан Валиханов оставил пять объемистых томов своих научных сочинений, выпущенных издательством «Наука» А. Н. Казахстана, то в этом, несомненно, есть доля помощи и определенная заслуга Ф. М. Достоевского.

* П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Из «Мемуаров» в кн., Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Том первый. М. Изд., «Художественная литература», 1964, стр. 208—209.

** Чокан Валиханов в воспоминаниях современников. КазГОСИЗ. 1964 г., стр. 81.

ми христианской, мусульманской, буддийской и других религий. В предисловии к «Трем истинам» доктор филологических наук Мекемтас Мырзахметов пишет: «Творческий духовный мир Шакарима дает нам понимание того, что он, степной казах, формировался на этом пути, не имея какой-то особой подготовки в специальном образовательном заведении. Тем не менее, Шакарим, который рвением собственной души, изучив арабский, персидский, чагатайский, русский, смог глубоко осваивать мировые шедевры духовной сокровищницы, созданной на этих языках, правдивостью и незаурядностью своего ума предстает перед нами как рожденный степью мыслитель».

Тридцать лет работал Ш. Кудайбердиев над своим трудом «Три истины» (1898-1928 г.г.). Его размышления оказались как нельзя кстати для нашей эпохи перестройки. В осознании мира поэтом и философом Шакаримом Кудайбердиевым есть три главные истины — это материалистическое мировоззрение, теологическое миропонимание и совесть. В глубоко содержательной интерпретации этих трех истин автор, обращаясь к значительным достижениям мировой науки, в конечном счете делает соответствующие выводы, опираясь на собственные знания, разум и жизненный опыт. Действительно, вызывает по крайней мере недоумение то обстоятельство, что даже имена некоторых ученых, к которым обращается Шакарим, нам малоизвестны или вовсе неизвестны. В своих рассуждениях о происхождении вещей Ш. Кудайбердиев писал: «Вот что говорят европейские ученые по поводу тех вещей, тайны происхождения которых не удается раскрыть законам физики. Известный философ Жостшбантия сообщает о невольном признании учеными того, что в каждом разделе науки о происхождении пока весьма мало действительно научного, что наши познания в сравнении с тем, что еще не раскрыто и остается тайной, можно сказать, находятся на нулевом уровне, иначе говоря, у нас в целом нет знаний в этой области. Ученый Био говорил, что ему ничего не остается, как удивляться природным законам происхождения, когда он задумывается о них и не находит какого-либо ясного для себя толкования. Когда видишь множество недостатков, когда знаешь, что в этом непонятном нам естествознании еще только загадок, досадует он, можно смело сказать, что все тарания тех, кто пишет об этом, думая, что они удовлетворяют наш интерес, что доносят какие-то глубокие мысли. — все это оказывается просто пустыми словами...».

Относительно тиража произведений Достоевского на казахском языке приходится скромно умолчать, потому что с переводом на язык Абая и Чокана писателю явно не повезло. Только в 30-е гды Сайдилом Талжановым был переведен роман «Бедные люди» (КазГИХЛ, 1935). Интерес к данному произведению не случаен. Оно, как первый роман, сразу принесло молодому Достоевскому признание и славу своими идейно-художественными достоинствами. Об этом Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя за 1877 год» записал такой примечательный эпизод: «Некрасов очутился в Петербурге, сколько мне известно, лет шестнадцати, совершенно один. Писал он тоже чуть не с 16-ти лет. О знакомстве его с Белинским я мало знаю, но Белинский его угадал с самого начала, — и, может быть, сильно повлиял на настроение его поэзии. Несмотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лет их, между ними, наверно, уж и тогда бывали такие минуты, и уже сказаны были такие слова, которые влияют навек и связывают неразрывно. «Новый Гоголь явился!» — закричал Некрасов, входя к нему с «Бедными людьми» — У вас Гоголи-то, как грибы, растут», — строго заметил ему Белинский, но рукопись взял. Когда Некрасов опять зашел к нему вечером, то Белинский встретил его «просто в волнении»: «Приведите, приведите его скорее!».*

Гуманизм и тонкий психологический анализ — главные черты писательского таланта автора «Бедных людей», которые получили яркое воплощение в последующем творчестве Достоевского.

Закономерная связь гоголевской «Шинели» и «Бедных людей» нагляднее всего демонстрирует о влиянии лучших традиций русской литературы XIX века на Достоевского, который заявлял: «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя».

Но здесь хотелось бы внести некоторое уточнение в том плане, что тип «бедных людей», как и тип «лишних людей», относится к множеству открытий неисчерпаемого гения А. С. Пушкина. Созданный основоположником русской литературы образ бедного стационарного смотрителя Самсона Вырина в идейно-художественном отношении поднял еще на одну ступень

---

* Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том двадцать пятый. Ленинград. Изд. «Наука», Леп. отд-ие, 1983 г., стр. 29—30.

чень выше как общественное явление. Гоголь через образ Акакия Акакиевича и дальше еще выше поднял Достоевский через своего Макара Девушкина. Вот почему при чтении Некрасов восторженно вскрикнул: «Ах, чтобы его!»*.

Вот почему Белинский изумленно вопрошал: «Да вы понимаете сами то, что это вы такое написали! Вы только непосредственным чутьем, как художник, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? Не может быть, чтобы вы в ваши двадцать лет уж это понимали».**

«Бедные люди» Достоевского на казахском языке выпущены дважды. Роман в том же переводе издан еще раз в 1955 году. Затем в 1972 году издательство «Жазушы» выпустило роман «Преступление и наказание» в переводе Мухтара Жангалина (тираж 26600 экземпляров). В 1983 году — роман «Идиот» в переводе Нияза Сыздыкова тиражом 10000 экземпляров. В периодической печати публиковались отдельные отрывки из романа «Белые ночи» в переводе на казахский язык. Вот пока все из 30-томного творческого наследия великого писателя.

Во вторую редакцию романа «Бедные люди» внесены некоторые изменения, продиктованные временем. Устранена многословность. Казахская транскрипция русских имен в издании 1985 года исправлена, переведена на русскую и, естественно, латинский шрифт заменен современным.

К слову, хотелось бы сказать о том, что нередко казахские тома Достоевского на книжных полках иных библиотек стоят с неразрезанными страницами. Печальный факт! По последним статистическим данным сорок процентов коренного населения Казахстана не пользуются родным языком ни в быту, ни в служебной обстановке. Но сейчас в этом отношении дела пошли к лучшему. 22 сентября сего года Верховным Советом Казахской ССР принят «Закон о языках в Казахской ССР», который войдет в действие с 1-го июля 1990 года. Думается, что дальнейшая обстановка в республике будет только стимулировать и создавать необходимые условия для плодотворного и достойного перевода произведений Достоевского

* Там же, с. 29

** Там же, с. 30

на казахский язык. И тогда, несомненно, можно будет говорить о целой традиции, потому что знакомство с произведениями Достоевского просвещенных казахов началось еще в прошлом столетии. Пока трудно ответить на вопрос: «Какова доля влияния творчества Достоевского на Абая?». Но первый биограф Какитай Искаков в первом петербургском сборнике Абая 1909 года среди русских классиков, творчество которых знал автор, называет и имя Достоевского.

Вслед за Чоканом и Абаем казахские литераторы обращались и обращаются к творчеству Достоевского вплоть до нашего времени. Бесспорно определенное отношение Достоевского к творчеству (особенно, к раннему) классика казахской литературы Мухтара Ауэзова. Приведем один пример.

Когда анализируешь рассказ Ауэзова «Сиротская доля» и думаешь о судьбе Газизы, то ассоциативно возникает образ Соны Мармеладовой. Правда, перипетии их судеб и финал совершенно различны. Однако отдельные художественные и социальные компоненты, постановка конфликта во многом совпадают. Возьмем, к примеру, внешнюю характеристику этих героинь.

Соня: «... Из-под этой надетой мальчишески набекрен ляпки выглядывало худое, бледное и испуганное личико с открытым ртом и с неподвижными от ужаса глазами. Соня была малого роста, лет восемнадцати, худенькая, но довольно орошенькая блондинка, с замечательными голубыми глазами. Она пристально смотрела на постель, на священника: она уже задыхалась от скорой ходьбы...»*

Газиза: «И только младшая, Газиза, тоненькая и нежная, круглым, слегка веснушчатым лицом, мила, от нее трудно оторвать взгляд. Она легка, быстра и изящна, как козочка. А недетская печаль в ее робко опущенных глазах придавала ей особую привлекательность. Пожалуй, в них и не печаль, а скорее мольба, наивная и трогательная, как убранная ее руками нищая постель»**.

Два писателя. Два разных стиля. Внешность двух этих героинь дана разными штрихами. Но психологический лейтмотив

---

* Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание», М., Худ. лит-ра», 1978, с. 167.

** М. Ауэзов, Племя младое, А., «Жазушы», 1977, с. 41.

тив в целом звучит одинаковыми нотками, хотя в разной тональности, вызывая чувство сопереживания и ожидания новых трагических сцен

У казахского писателя-это не подражание, а явление сложное и органичное, требующее специального исследования. Отталкиваясь от известной темы, Ауэзов создает глубоко оригинальное, самобытное произведение в иной национальной среде на иной социальной почве.

Для дальнейшего развития казахской литературы необходимы высокохудожественные переводы русской и мировой классики. Все необходимые условия в этом интернациональном деле гарантирует наша перестройка, возрождающая национальные языки. По всей республике открываются новые казахские классы и школы. Только в нашем городе в текущем году в классах и школах с казахским языком обучения в первые классы приняты

в 5 раз больше детей коренной национальности, чем в предшествующем году. Время само подсказывает необходимость перспективных, новых переводов произведений Ф. М. Достоевского на родной язык и аналитического изучения его творчества на основе двуязычия.

1989 г.

НОВЫЙ СБОРНИК СТИХОВ

«Времена» — так назвал сборник своих стихов семипалатинский поэт Садвакас Машаков. Это его пятая по счету книжка. Она начинается стихами:

Давно я не молод, летят времена,
Покрыла упрямо вески седина.

Коль вдруг перестану я петь для народа,
Не буду я знать ни покоя, ни сна!

Сборник состоит из разделов: «Первые шаги», куда входят произведения 30-х годов, «Из стихов военных лет», «Свет мирной жизни» и «Переводы».

Уже для ранних стихотворений поэта характерно умение создать эмоциональность, запоминающийся образ.

В стихотворении «Я счастлив» поэт рассказывает о судьбе юноши, оставшегося в детстве сиротой, но благодаря заботе Родины, ставшего на ноги. Подзаголовок «Со слов одного комсомольца» дает возможность автору писать от первого лица. Сама тема и своеобразный способ ее решения помогают поэту достичь успеха, тронуть живую струну читателя.

Стихи последних лет говорят о том, что помимо заметного роста мастерства, и тематика С. Машакова становится значительно шире. Наряду со стихами, воспевающими труд, дружбу, патриотизм людей, появляются лирические стихотворения о природе, картинах неузнаваемо изменившихся городов и аулов Казахстана.

В стихотворении «Весеннее утро» поэт трогательно описывает ранний утренний час в долине Тарбагатайских гор.

Блестят водостои, трава кое-где;
Вокруг все лежит еще в сладостном сне.
С небес разливается свет на простор, —
Весеннее утро спускается с гор.

С. Машаков в своих стихах постоянно откликается на важнейшие события, происходящие в жизни нашей страны. Им написаны такие стихи, как «Волга-Дон», «Гул целины», «Спутник».

Кроме лирических и публицистических стихотворений, в сборник включены и некоторые фельетоны, например, «Зевака».

Читая сборник «Времена», нельзя не заметить характерную особенность — многие стихи поэта сюжетны. Это своего рода миниатюрные рассказы, где имеются действующие лица, своя композиция, завязка, кульминация, развязка.

Наряду с творческими удачами в стихах имеются и недостатки. Рисуя образы героев, отдельные пейзажи, поэт иногда пользуется такими художественными средствами, которые же сослужили определенную роль в произведениях некоторых писателей, особенно Средней Азии и Казахстана.

Второй серьезный недостаток сборника состоит в том, что в нем очень мало стихотворений, посвященных Прииртышью и Семипалатинску.

Хочется верить, что наш земляк, Саду Машаков создаст еще немало хороших стихов о народе, тружениках родного Прииртышья. Ведь не зря так оптимистично говорит поэт в одном из своих последних стихотворений:

Хочу, чтоб звучал для народа мой стих,
Чтоб в сердце его он, как пламень, проник.
Я с песней встречать буду новые годы,
Пока на лице моем есть жизни блик.

1961 г.

КАМЕН ОРАЗАЛИН

Пять сыновей росли в семье жителя Абайского района уважаемого аксакала Оразалы. В годы Великой Отечественной войны все пятеро братьев с оружием в руках поднялись на защиту своей Родины. Самому младшему из них, Камену, суждено было стать учителем и писателем-летописцем родного края, давшего двух великих писателей-классиков Абая Кунанбаева и Мухтара Ауэзова.

Камен Оразалин родился 16 июня 1920 года в местечке Журекадыр, находящемся на территории совхоза им. Жданова Абайского района. После окончания десятилетки юноша Камен стал сам учителем, принимал участие в кампании по ликбезу. До сих пор К. Оразалин с улыбкой вспоминает то время, когда его, восемнадцатилетнего паренька, пожилые люди и седобородые старцы почтительно называли «мугалим».

С первых дней войны Камен Оразалин сражался на фронте в составе 365-го стрелкового полка. Недолго пришлось ему повоевать с фашистскими захватчиками. После тяжелого ранения в 1942 году он был демобилизован. Но и за то сравнительно короткое время Камен Оразалин сумел отличиться, проявить мужество и смелость, за что был награжден орденом Славы III степени и медалями.

Вернувшись с фронта, Камен Оразалин продолжает педагогическую деятельность. Одновременно он активно занимается литературным творчеством.

В 1947 году Камен Оразалин успешно закончил филологический факультет Семипалатинского пединститута им. Н. К. Крупской. Опыт и знания, как к два крыла помогли в творчестве молодого писателя. После небольшой повести «Жексен» последовали один за другим романы «Белая долина», «Прохлада весны», «После Абая» 1-я и 2-я книги. Роман о Мухтаре Ауэзове задуман как широкое полотно, состоящее из четырех томов. Для школьников и учителей стала хорошим подспорьем во внеклассной работе книга К. Оразалина «Путешествие в аул Абая» (1976 г.), где автор подробно описывает территорию и достопримечательные места Абайского района, ставшего ныне поистине «музеем под открытым небом».

Много поколений абайцев получали знания в классах, где звучал голос опытного и знающего свое дело учителя Камена Оразалина. Один только пример. Ученики Караульской средней школы им. Абая, где работают Камен Оразалин, познав буквы алфавита, пишут слово «Абай» и начинают заучивать наизусть стихи великого поэта. К окончанию средней школы учащиеся знают наизусть почти всю лирику Абая. И не просто знают, а умеют анализировать, сравнивать и сопоставлять с картинами природы тех мест, которые описаны в стихах великого поэта.

Начиная с 1939 года, по инициативе М. О. Ауэзова при Караульской СШ выпускается рукописный альманах «Потомки Абая». Этим альманахом с 1947 года руководит Камен Оразалин.

Среди учеников Камена Оразалина много известных и знатных людей, тружеников сельского хозяйства, писателей, журналистов и ученых, общественных и партийных работников, учителей и директоров школ, как Р. Мусин, Р. Сейсенбаев, Ж. Карменов, М. Ибраев, Т. Жангалиев Б. Кумаров, братья Сыдыковы, Жанболатовы и другие.

Камен Оразалин за эффективные результаты в педагогической работе был удостоен высокого звания заслуженный учитель Казахстана.

За многолетнюю плодотворную работу в области народного просвещения и в литературе Камен Оразалин награжден орденом Октябрьской Революции и Почетной грамотой Верховного Совета Казахстана.

1988 г

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Б. КЕНЖЕБАЕВ — Вопросы истории казахской литературы. Сборник статей. А., Издательство «Наука», 1973.

Горазде реже, чем надо бы, встречается имя Б. КЕНЖЕБАЕВА, одного из старейших исследователей казахской литературы, в тематических планах издательств. Это, пожалуй прежде всего объясняется тем что ученый обычно обращается к спорным проблемам и «белым пятнам» казахского литературоведения, что требует немало времени и особых усилий. Его выступления в периодической печати, как правило, не проходят бесследно; вызывают споры, дискуссии, обмен мнениями. И снова поиски в недрах книгохранилищ, в кладовых архивов и памяти, исследования.. Таким образом, годы кропотливого труда и поисков дают как бы «опробованный» материал для новой книги. А книга неизменно вызывает интерес, не проходит незамеченной.

Статьи, собранные в «Вопросах» составляют три раздела. Известно, что творения древней и средневековой тюркской литературы являются общим достоянием тюркоязычных народов. Опираясь на достижения отечественного и мирового востоковедения, казахские ученые, представители разных отраслей наук, все больше и плодотворнее обращаются к глубинам веков в поисках связи времен.

Среди филологов одним из активных исследователей в этой перспективе является автор данной книги.

Статьи, посвященные тюркским творениям «Дивани лугатит турк», «Кисса-сул анбия», «Кодекс Куманикус», «Мухаббат нама», невелики по объему. Но по содержанию довольно насыщены, изложенные положения достойно аргументированы. В них автор ставит перед собой две основные задачи: 1. пролить необходимый свет на неисследованные моменты; 2. доказать причастность к этим памятникам всех тюркоязычных народов.

Приводя из тюркских произведений отдельные слова и словосочетания, стихи и загадки, Б. Кенжебаев с научной позиции определяет наличие их в современном казахском языке. При этом он не только ссылается на исторические источники и литературоведческие аргументы, но исследует транскрипции отдельных слов, пользуется лингвистическими законами и приемами.

«Дивани лугатит турк» написан Махмудом Кашгарским в XI веке. «Кисса-сул анбия» создан Рабгузи в XIII-XIV веках» (Подлинное имя Рабгузи, по утверждению, Б. Кенжебаева, — Насретден-улы Бурханеддин). Относительно «Мухаббат нама» исследователь пишет: «Мухаббат-нама» написана в 1353 году на берегу Сыр-Дарьи. Об этом узнаем из строк:

Слова «Мухаббат-намы» здесь создал.

Все написал на берегах Сыр-Дарьи.

Вот и все, что известно нам из биографии автора. До сих пор дополнительных данных не найдено» (стр. 35. Перевод мой—М. С.).

Настоящее имя автора также неизвестно, а псевдоним — Хорезми. И все-таки немало научных статей, книг и диссертаций посвящено «Мухаббат-наме». Б. Кенжебаев не только перечисляет эти труды, но и выступает против той концепции, согласно которой данный памятник причисляется к узбекской культуре. Он поддерживает тезис тюрколога Э. И. Наджиба о принадлежности «Мухаббата-наме» одинаково всем тюркским народам.

«Кодекс Куманикус» — словарь кипчакского языка. Рукопись обнаружена в 1363 году в библиотеке храма Святого Марка в Венеции. Автор неизвестен. Кипчаки, как и древние племена аргыны, уйсуны и другие, составили впоследствии казахскую народность. (Эти названия существуют в родословном древе казахов поныне). Вышеназванные и другие памятники древней литературы имеют непреходящее значение в историческом развитии тюркоязычных литератур. «Поэма «Мухаббат-нама», пишет Б. Кенжебаев, — обладает всесторонней значимостью. Это — лучшее произведение целой эпохи, эпохи Золотой Орды. Изучая поэму, мы можем выявить истоки развития жанра поэмы в тюркских литературах, в том числе и в казахской» (стр. 42. Перевод мой—М. С.). С появлением на свет книги «Памятники ранней литературы» («Мектеп», 1967) восполнилась и дистанция в несколько столетий (XV—XVII вв.) до Бухара-жырау (1693—1787), с которого ранее хрестоматийно начиналась история казахской литературы.

Однако памятники общетюркской литературы, как и творчество казахских акынов XV-XVII веков, требуют еще немалых усилий филологов. Как-то шокирующе выглядит тот факт

что тюркологи начали искать национальную или племенную принадлежность того или иного автора или безымянного произведения.

Новыми сведениями о биографии Махмуда Кашкари на научной конференции тюркологов в Фергане, посвященной 900-летию «Дивани ат турка», выступил профессор Г. Мусаббаев. По этим сведениям М. Кашкари является уроженцем местности Ушкня Кегенского района Алма-Атинской области, выходцем из племени уйсун.

Опираясь на труды известных востоковедов В. В. Бертельса, С. Е. Малова и других, М. Хамраев в своей книге «Веков неумирающее слово» относительно древнетюркских памятников пишет: «Однако принадлежность уйгурам названных и многих других произведений средневековой литературы не значит, что представители братских народов Средней Азии не являются наследниками культурных памятников, созданных в XI-XII веках предками уйгурского народа» ((стр. 14-15).

И далее: «Надо, наконец, понять тот факт, что в те времена, когда жили и творили Махмуд Кашгарский, Юсуп Хас Хаджиб Баласагунский, Ахмед Югнали, и до XIV-XV веков, не было ни уйгурской, ни узбекской, ни турецкой, ни татарской, ни казахской народности. Были племена, носившие те или иные названия и входившие в союз племен под общим названием «тюрки» (стр. 15)

Вторая часть приведенной цитаты, думается, предельно отвечает исторической правде. А что касается некоторого несоответствия в словах «принадлежность уйгурам» и «не было... народности», то здесь, пожалуй, может внести ясность сам М. Кашгарский, который перечислил двадцать тюркских племен, занимавших территорию от Рима до Китая. И вот тогда еще существовало племя уйгуры. Очевидно, надо различать племя уйгуры и уйгурскую народность.

О дифференциации родо-племенных союзов Б. Кенжебапишет следующее; «Некоторые историки утверждают, что эти союзы и объединения, общества и государства образованы соединением одного-двух родов и племен. Уйсунское государство составляло только уйсунское племя. Тюркские каганаты — только уйгурское и ойратское племена, Хорезмское царство — только узбекское племя, а Кипчак-

ское объединение образовали только каракалпакские племена.

Это неправильно. Согласно историческим данным различных времен ни одно из этих союзов и государств не образовано из единичных родов и племен. Наоборот, каждое из них образовано из нескольких родов и племен, как многогородовые и многоплеменные союзы и государства» (стр. 5).

Думается, данное положение дает необходимый, ключ и соответствующий простор для плодотворных исследований памятников древней и средневековой тюркской литературы. Второй и третий разделы «Вопросов...» посвящены Абаю Кунанбасву, Ибраю Алтынсарину, Мухаметжану Сералину, Султанмахмуту Торайгырову, Акраму Галимову и другим известным и почти безызвестным писателям казахской литературы XIX-XX веков. Это плод многолетней исследовательской работы ученого.

Даже обращаясь к творчеству достойно известных и немало исследованных писателей, Б. Кенжебаев находит неразрешенные или спорные проблемы. В его статьях нередко абзацы заканчиваются отрицательными словами: «неточно», «неверно», «неправильно»... В месте с тем свои доводы он подтверждает конкретными фактами, убедительной констатацией и закрепляет лаконичными выводами.

В достаточно, казалось бы, исследованном творчестве Абая автор находит обойденные аспекты. Как ни парадоксально, еще не получил соответствующего освещения вопрос связи творчества Абая с предшествующей казахской литературой, не определены основополагающие принципы его реализма... В этих проблемах абасведы, как правило, придерживались дедуктивного метода, нежели индуктивного.

Правда, Б. Кенжебаев в ряде случаев занимает позицию наставника, лишь указывает на неисследованное. Но также излагает и свои находки, как выявление в поэзии Абая новых стихотворных размеров, тенденций силлаботонического стиха...

Немало пробелов и просветов в истории казахской литературы обязаны своим восполнением трудам профессора Б. Кенжебаева.

До последних десятилетий, как ни странно, существовал определенный вакуум в таких исторических периодах казахской литературы, как XV—XVIII века, Абай—литература XX века. В рядах же неутомимых первооткрывателей всегда находился Б. Кенжебаев. И в данной книге подняты многочисленные проблемы, но не все получили должного решения. Их так много и они настолько емки, что едва ли под силу одному исследователю. Однако опять-таки начала их решению положены....

1974 г.

ная, строго пропорциональная фигура, ровная походка. Мы всегда видели Каюма Мухамедхановича в черном костюме, при галстуке и белоснежной рубашке с накрахмаленным воротником. Теперь многое видится в ином свете, напрашиваются определенные выводы. Ну, например, как много значит первое, чисто внешнее впечатление от человека. Уж этому-то, пожалуй, может подражать в своей жизни каждый его ученик, каждый студент.

Сейчас Каюм Мухамедханович в таком возрасте, когда, пожалуй, можно откровенно писать о многом: о своеобразно поставленном голосе, о чистой, звонкой и выразительной дикции, о манере держаться, вести себя, общаться, не унижая достоинства собеседника любого возраста. Мы знаем о его лекторском мастерстве, знаем его как незаурядного педагога, активного общественного деятеля и примерного семьянина.

Пятеро из десяти детей семьи Мухамедхановых пошли по стопам отца и стали педагогами. А трое из них окончили аспирантуру. Недавно дочь Дина Габдулкаюмовна успешно защитила в Ленинграде диссертацию на ученую степень кандидата педагогических наук. Если мы как-то перенимали некоторые элементы педагогического мастерства Каюма Мухамедхановича, то многое из этого к его детям перешло, как говорится, по генам.

Лекции и практические занятия по казахской литературе проводимые Мухамедхановым, всегда отличались содержательностью, интересным построением, изобиловали оригинальными находками и открытиями. Когда в аудиторию входил наш преподаватель, мы невольно обращали внимание на его толстый портфель и папки, извлекаемые оттуда. И постепенно перед нами раскрывался во многом еще неизвестный широкой филологической общественности мир казахской литературы. На преподавательском столе и на кафедре появлялись стопки фотокопий архивных материалов, редких фотографий и документов, пожелтевшие уникальные книги, ставшие библиографической редкостью.

Постепенно мы узнали, что сравнительно молодой, сорокалетний педагог и ученый, писатель и переводчик, поэт и драматург успел внести значительный вклад в развитие родной литературы и казахской филологии. Оказывается, он был достойным продолжателем доброй литературной традиции не только нашего края, Семипалатинского Прииртышья, но и всей казахской и всесоюзной многонациональной литературы

Все или почти все в биографии Каюма Мухамедханова начиналось с родного очага. Дом его отца Мухамедхана Сейткулова в Жана-Семее еще в дореволюционное время был средоточием культурных сил местной интеллигенции. Стены этого дома пропитаны литературным духом, потому что там когда-то бывал сам Абай, был писатель-просветитель, демократ-гуманист Шакарим. В разное время мальчик Каюм видел рядом со своим отцом таких крупных деятелей, как М. Ауэзов, К. Жанатаев, С. Торайгыров, А. Байтурсинов, М. Дулатов. Все это помогло развернуться в полноте и мощи синкретическому таланту писателя и ученого Каюма Мухамедханова. Молодой Мухтар Ауэзов проводил здесь релетиции любительских спектаклей, поставленных участниками первого культурно-просветительного кружка «Есаймак». Об этом есть свидетельства в книгах «Мухтар Ауэзов и воспоминания современников» (на русском языке) и «Биздин Мухтар»—«Наш Мухтар» (на казахском языке) в воспоминаниях Гайсы Сармурзина, Ишмухамета Алина, Галиакпара Тюребаева и других авторов.

Эстафету дружбы семьи с Мухтаром Омархановичем Ауэзовым далее продолжил Каюм Мухамедханов, близко познакомившийся с будущим великим писателем и ученым, с мальчишеских лет. В дальнейшем именно по совету своего старшего собрата по перу неутомимый и пытливый юноша Габдулкаюм неустанно занимался исследованием жизни и творчества Абая, его сыновей Акылбая, Магавыц, Турагула Куннбаевых, его учеников — современников Асета Найманбаева, Шакарима Кудайбергенова, Арипа Танирбергенова, Кокбая Жанатаева, его последователей Ахмета Байтурсинова, Жусупбека Аймаутова, Магжана Жумабаева. При этом Каюм Мухамедханов не ограничивался пределами родной литературы. Его перу принадлежали статьи о Пушкине, Лермонтове, Тарасе Шевченко и других. В то же время в поле зрения молодого ученого-исследователя было творчество народных акынов Толеу Кобдикова, Сапаргали Алимбетова, Нурлыбека Баймуратова, Шакера Абенев, Танирбергена Амренова и многих других.

Неизменный и последовательный интерес к произведениям фольклора, как поэмы «Кабанбай-батыр», «Богембай-батыр», и к творчеству народных акынов закономерно привел к фундаментальному исследованию творчества великого барда казахских степей XVIII века Бухар-жырау.

Познания не только в истории казахской и русской за-

Немало пробелов и просветов в истории казахской литературы обязаны своим восполнением трудам профессора Б. Кенжебаева.

До последних десятилетий, как ни странно, существовал определенный вакуум в таких исторических периодах казахской литературы, как XV—XVIII века, Абай—литература XX века. В рядах же неутомимых первооткрывателей всегда находился Б. Кенжебаев. И в данной книге подняты многочисленные проблемы, но не все получили должного решения. Их так много и они настолько емки, что едва ли под силу одному исследователю. Однако опять-таки начала их решению пожеланы....

1974 г

падно-европейской и восточной литературы помогали Мухамедханову в его разножанровом творчестве. Следуя традиции Шакарима Кудайбердиева, который великолепно перевел стихами произведения А. С. Пушкина «Дубровский», «Метель», он сделал стихотворный перевод «Бедной Лизы» Н. Карамзина. В 40-е годы на сцене Семипалатинского областного театра имени Абая была поставлена в его переводе музыкальная комедия Гузаира Гаджибекова «Аршин мал алан».

Уже на наших глазах Каюм Мухамедханович увлеченно собирал материалы, публиковал статьи и создавал историко-героическую драму о герое гражданской войны, комиссаре Сабиржане Габбасове. Впоследствии драма «Комиссар Габбасов» была дважды поставлена на сцене театра имени Абая (1960, 1980 годах) в разных редакциях двумя ведущими режиссерами республики, народными артистами Казахстана Байтеном Омаровым и Есмуканом Обаевым.

Когда мы говорим о Каюме Мухамедханове как о поэте, то всегда вспоминаем о том, что он является одним из авторов Гимна Казахской ССР, звучащего каждое утро по республиканскому радио.

В одной статье невозможно просто перечислить все произведения Каюма Мухамедханова, опубликованные в областных и республиканских газетах «Семей таны», «Иртыш», «Казак адебиети», «Социалистик Казахстан», «Лениншил жас», в журналах «Жулдыз», «Простор», в книгах «Борцы за советскую власть в Казахстане», «Всеволод Иванов — писатель и человек», «Биздин Мухтар» и многих других. Всего им опубликовано свыше четырехсот статей и три книги. Это сборник пьес «Комиссар Габбасов» (1985 г.), монографии «Магавья Ибрагимович Кунанбаев. Жизнь и творчество» и «О текстологии произведений Абая». О весомом вкладе в историю казахской литературы и непреходящем значении научных исследований филолога и абаоведа Каюма (Габдулкаюма) Мухамедханова высоко отзывались академики Мухтар Ауэзов, М. С. Сильченко, доктора филологических наук Е. Исмаилов, Э. С. Кедрин, А. Тажигаев, Р. Сыздыкова, М. Мырзахметов, Р. Нургалев и другие ученые.

До недавнего времени Каюм-ага никогда сам не рассказывал и не позволял другим распространяться о «черном пятнышке» в своей биографии, когда в 1951 году после защиты кандидатской диссертации на тему «Литературная школа Абая» (научный руководитель профессор М. О. Ауэзов) он был осужден на 25 лет и вернулся из Карлага только после

полной реабилитации. Мало что нам известно о годах его нахождения в застенках. Но вспоминается один такой страшный и курьезный эпизод из того времени, рассказанный покойным Танирбергенем Амреновым на своем юбилее. Человек с большим юмором, Такен-аксакал вспоминал о том, что, находясь в лагере, услышал, как мимоходом один из узников осторожно сказал ему, что Каюм повесился в камере. Убитый горем, предельно шокированный неожиданным сообщением народный акын Танирберген сочинил стихотворение, которое с тех пор помнил. Любопытство настолько нас раззадорило, что с разрешения Каюма-ага мы упросили акына прочитать его. И в этом печальном реквиеме были примерно такие строки:

«Стойкий Каюм, непреклонный Каюм, батыр Каюм, как ты посмел посягнуть на свою бесценную жизнь?» По приметам, человек, о котором однажды распространился такой страшный слух, живет долго-долго. Да сбудется эта народная примета!

В период перестройки и гласности Каюм Мухамедханов как бы снова расправил свои крылья, получил новый заряд вдохновения. Если в период известной оттепели в 60-е годы он внес свой вклад в возвращение имен и творчества многих репрессированных деятелей, то на этот раз в газетах «Семейганы» и «Казах адабиети» появились добротные и содержательные статьи с редкими фотографиями, сохранить которые не каждый бы смог, о Шакариме Кудайбердиеве, Ахмете Байтурсынове, Миржакуле Дулатове, Жусупбеке Аймаутове, Алихане Букейханове, Магжане Жумабаеве.

Вот здесь волей-неволей вспоминается поэтическое определение: «Стойкий Каюм, непреклонный Каюм, батыр Каюм!» Если все те деятели казахской литературы, бесценные материалы о которых сохранил и опубликовал Каюм Мухамедханов, были просветителями и опорой народа, то и его самого смело можно причислить к их ряду. Дорога жизни Каюма (Габдулкаюма) Мухамедханова, при всех трудностях неуклонно вела вперед и выше, на подъем. И всегда мы ждали и ждем от него чего-то нового и неожиданного. Наверное, одним из достояний народа стала бы книга воспоминаний о выдающихся деятелях литературы, науки и культуры, с которыми всю жизнь переплетались его пути-дороги... 1991 г.

ПОЭТ, ВОИСТИНУ ПОЭТ...

(Воспоминания о Толеужане Исмаилове)

С полным правом имя поэта Толеужана Исмаилова можно отнести к разряду так называемых «возвращенных имен», потому что в течение многих-многих лет его примечательное и оригинальное творчество было предано забвению. А главной причиной тому было то обстоятельство, что он оказался очередной жертвой той холодно рассудочной, бездуховной и безжалостной системы, которую сейчас называют по-разному, но в данном случае наиболее подходит название «система тотальной бюрократии». А против этой бюрократии, чиновничьей возни, слезки, травли и гонений было направлено все его замечательное творчество.

Толеужан Мухамеджанулы Исмаилов родился в 1932 году в селе Кайнар Абралинского района Семипалатинской области. Отец его Мухамеджан погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Растила и воспитывала Толеужана и его младшего брата Серика жизнелюбивая и по-своему способная, обладавшая определенными певческими способностями мать Кадиша. Ее и ее сыновьям в нелегкой послевоенной жизни помогали дядя Тусип, поэт, сотрудник районной газеты Кашаф Туганбаев, журналист Боранбай Маукаев и другие родственники и аульчане. И вот по совету и при поддержке-всех этих добросердечных и отзывчивых людей пятнадцатилетний Толеужан становится студентом факультета журналистики Казахского государственного университета в Алматы. В то время было особенно распространено такое усиленное внимание к способным школьникам, когда им давали возможность досрочно окончить очередной класс или даже «перепрыгнуть» через классы.

И в школьные, и в студенческие годы Толеужан Исмаилов увлеченно писал стихи, которые буквально прорывались из

него сами собой. По отзывам очевидцев, Исмаилову была предназначена та редкая и благоприятная поэтическая судьба, когда подражательская и ученическая пора проходит как бы мимолетно и быстро, когда уже по первым стихам можно предугадать будущего крупного литератора.

В 1951 году после успешного окончания университета Толеужан сразу же был приглашен на должность редактора в республиканское издательство художественной литературы (ныне «Жазушы»). Там он также проявил себя рано сформировавшимся и вполне подготовленным специалистом. Об этом свидетельствует поэт старшего поколения Жаппар Омирбеков в своих воспоминаниях «Устремленный поэт».

После этого Толеужан Исмаилов работал литературным консультантом в Союзе писателей Казахстана, сотрудничал в казахских областных газетах Павлодара и Петропавловска, некоторое время проработал в республиканской газете «Лениншил жас» (ныне «Жас алаш»). Вот, пожалуй, на этом завершается его официальный трудовой путь.

В Павлодар Толеужан прибыл вместе с поэтом Абдикаримом Ахметовым по приглашению редактора местной областной газеты, ныне народного писателя Казахстана Азильхана Нуршаихова, которому в свою очередь убедительно порекомендовал их его незабвенный друг, рано ушедший из жизни замечательный казахский писатель Мукан Иманжанов. Обо всем этом рассказал Азильхан Нуршаихов в воспоминаниях-эссе, опубликованных недавно в четырех номерах газеты «Семей таны» под названием «Американская трагедия».

В Павлодаре Толеужан Исмаилов зарекомендовал себя зрелым сотрудником, творчески мыслящим журналистом и подлинным тружеником. Здесь он получил квартиру и женился на миловидой выпускнице местного педучилища Раушан (на русский лад звали ее еще Розой). Вскоре у них родилась дочь Шолпан. Казалось, жизнь складывалась как нельзя лучше. Толеужан даже перевез к себе мать и брата. Но такие ровные и сравнительно безоблачные дни в общем-то дружной и добропорядочной семьи Исмаиловых продлились не очень долго...

Оригинальные с самого начала, образно насыщенные, накрепко сложенные и запоминающиеся стихи Толеужана Исмаилова постоянно публиковались в областных и республиканских газетах и журнале «Жулдыз». За сравнительно не-

большой период творческого пути (1951—1961) он создал свою замечательную и оригинальную лирику, множество сатирических стихотворений, поэмы «Есил», «Табунщик», «Аггигатор», перевел на казахский язык и опубликовал цикл стихотворений А. С. Пушкина «Песни западных славян», поэму М. Ю. Лермонтова «Мцыри» и роман Теодора Драйзера «Американская трагедия».

Из своего собственного творчества Толеужану Исмаилову при жизни довелось увидеть только две книги: сборник стихов «Кому-то по пощечине» (1958) и поэму «Есил» (1959). Надо много и долго анализировать, выявлять и концептуально излагать идейно-художественные особенности и оригинальные достоинства поэзии поэта-новатора Толеужана Исмаилова. Это—удел специальных научных статей и трудов. Мне же хотелось бы сказать о том, что Толеужан Исмаилов с детства воспринял казахский фольклор, творения знаменитых акынов и жырау, народные поэмы и дастаны и, в первую очередь, поэзию своего великого земляка Абая и его поэтического окружения. Далее в его творчестве есть отголоски поэзии Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гете, Касыма Аманжолова, Сабита Муканова и особенно Маяковского.

Следует отметить что Толеужан Исмаилов постоянно тяготел к сатире, почти половина его стихотворений — это сатирические стихи, шутки, различные посвящения, юмористические картинки. Это кому-то нравилось, кому-то нет, потому что его стихи, благодаря тонкой наблюдательности, острому языку и метким сравнениям, попадали, как говорится, не в бровь, а в глаз.

Стихотворная речь Толеужана Исмаилова, несмотря на новизну формы («лесенка», рубленные строки, необычные и неожиданные рифмы), льется свободно, воспринимается сразу и запоминается легко. И это при всем при том, что в его стихах нередко завуалированная мысль и многозначительный подтекст.

Современники Толеужана удивлялись тому простому факту, что он, выросший в далеком казахском районе, великолепно владел русским языком. Подобно своему великому предку и предшественнику Абаю Кунанбаеву, Толеужан свободно и легко обращался в своей поэтической речи с русскими словами и выражениями, используя их в нужном контексте и в самый необходимый момент. Он, как Маяковский, самые

трудные слова, в том числе и русские, ставил в конце строк и во чтобы то ни стало «доставал необходимые рифмы». Исмаилов использует разные и оригинальные формы рифмовки: последнее слово предыдущей строки рифмуется с первым словом последующей строки, рифмуется заимствованные слова с казахским, широко и свободно использует аллитерацию и запоминающиеся сравнения.

Мне не хотелось бы долго останавливаться на художественной специфике поэзии Исмаилова, но не могу не сказать о том, что он задолго до своих собратьев по перу ввел в казахскую литературу бессюжетную поэму с экскурсом в различные эпохи истории, с глубокомысленными философскими рассуждениями и прозорливыми умозаключениями. Он буквально ошеломил всеми своими находками и нововведениями тогдашнюю литературную общественность. Нельзя не сказать и о том, что во всех его произведениях, даже в любых стихах, присутствуют юмор, иногда и сарказм, от чего он не мог отказаться до конца своей блистательной и безжалостно недолгой жизни.

Умер Толеужан Исмаилов в семипалатинской больнице на Красном кордоне 11 августа 1972 года. Несколькими месяцами раньше, 23 января 1972 года, ушел из жизни здесь же, в Семипалатинске, его преданный друг, талантливый современник и популярный композитор Бекен Жамакаев.

Где-то в 1957-58 годах, после возвращения с шестого Московского фестиваля молодежи и студентов, как-то особенно сблизившего меня с Жамакаевым, он познакомил нас тогда уже с известным Толеужаном Исмаиловым. Незабываемо первое впечатление от того молодого красавца Толеужана с улыбающимися глазами и вьющимися волосами, умного, задорного, статного. Его юмору не было конца.

При встречах мы больше всего говорили о литературе, о поэзии, о музыке, особенно о новых песнях и вальсах Бекена Жамакаева и Шамши Калдаякова, о писателях-земляках. Особенно выразительно и с заражающим воодушевлением Толеужан читал наизусть свое длинное стихотворение «Юбилейное слово», состоящее из двух частей, посвященное 60-летию М. О. Ауэзова. Трудно передавать его стихи в подстрочном переводе. Но все-таки попытаюсь. Вот как примерно звучала концовка этих стихов:

О, Человек!

Самое великое слово на свете,
здешние не могут дать даже цены бязи.

А слава для него, как тряпка,
прилипающая, чтоб тут же обмануть.

Да что такое слава?

Разве банкет, где разливается вино,
или бронзовый памятник на площади?

Слава—это разве портфели,

которые надо делить, —

не будем мы об этом рассуждать,
пусть скажут свое слово люди будущего!

Летом 1960 года Толеужан Исмаилов неожиданно появился в нашем доме со своей неотразимой белозубой улыбкой. Вот уж не ожидал! У меня оставались считанные минуты часы до отлета в Москву. Шутками и прибаутками Толеужан выяснил, что придется проводить «насухую». Сейчас все авторы на казахском языке пишут в открытую, что последние десять лет Толеужан Исмаилов подвергался гонениям и травле, тяжело болел, топил горе в спиртном. Но тогда, тридцать лет назад, поэт Исмаилов был в зените славы, у него еще не было негативной репутации.

Толеужан послал меня в магазин, а сам за это время написал рекомендательное письмо на имя писателя Такена Алимкулова, представителя Союза писателей Казахстана в Москве.

Здесь мне хотелось бы сказать вот о чем. В Москву я ехал с великим риском, потому что поступал в так называемую целевую аспирантуру, куда два вступительных экзамена сдавали в Алмате, а третий по специальности в Москве. А там экзамены принимали авторы учебников, мэтры филологии, известные ученые — такие, как Абрамович, Щербина, Гражданская, Фохт и другие. На экзамене мне поставили «4». Восторженный, прибегаю в Союз писателей к Такену Алимкулову (это один из учеников Мухтара Ауэзова, соавтор его некоторых трудов). Толеужан, вручая мне письмо, при отъезде говорил, что Такен Алимкулов—его большой друг, что к его словам он обязательно прислушается. И это оказалось на самом деле так.

Мое сообщение об удачной сраче экзамена по литературе и поступлении в аспирантуру Такен Алимкулов воспринял подобающим образом и добавил:

—А я тебя подстраховал. Тебе, как приятелю Толеужана Исмаилова, я приготовил место на Высших литературных курсах при Литературном институте имени Горького, где я имею честь преподавать. Там и стипендия приличная, и общежитие хорошее. Но этот твой вариант лучше. Войдешь в ученый мир. Много познаешь. Получишь ученую степень...

Наши московские встречи с ныне уже покойным писателем, абаеведом Такеном Алимкуловым перешли в доверительную многолетнюю дружбу. Мы переписывались до конца его жизни. Так вот авторитет и популярность Толеужана Исмаилова ввели в мою жизнь еще одну интересную личность.

В молодости мне довелось познакомиться и общаться с такими первоклассными поэтами, как Толеген Айбергенов, Мукагали Макатаев, Жуматай Жакипбаев, и все они преклонялись перед необузданным и естественным талантом Толеужана Исмаилова, считая его своим учителем в казахской поэзии. Поэт Толеген Айбергенов высоко отзывался о поэзии Толеужана Исмаилова и в заключение непременно добавлял: «Да, это настоящий поэт, нагыз акын, истинный поэт»...

В моем стихотворении «Письмо Жуматаю Жакипбаеву» есть такие строки:

...Потом я вспомнил тех друзей — поэтов,
Ровесников то робких, то лихих,
Они глядят сегодня лишь с портретов.
На сценах больше не увидишь их.
Стихи для сердца, как стихи — кресало
Они дарили прозе вопреки,
И были рады, но порой вздыхали,
Когда тревоги были нележки,
А ты, как аргамак, пронесся мимо,
Своей поэзией ошеломив меня,
Поэзия, она необратима,
Нет смысла уводить с байги коня...

Не стало среди нас и Жуматай Жакипбаева, ушел из жизни тоже совсем молодым. Недавно по телевидению показали фильм о нем в двух частях. И то утешение, что не забыт сразу. А имя Толеужана Исмаилова свыше десяти лет было предано забвению, упоминали его только иногда в перечне поэтических имен. Усилиями писателя Медеу Сарсекеева издательство «Жазушы» выпустило в 1984 году сборник сти-

ЕГО ВОЛНУЮЩИЕ ПЕСНИ...

(О композиторе Бекене Жамакаеве)

В этом году решением Семипалатинского городского Совета народных депутатов переименованы семь улиц. Им даны имена достойных сынов казахского народа Абая Кунанбаева, Мухтара Ауэзова, Шакарима Кудайбердиева, Магжана Жумабаева, Миржакупа Дулатова, Бекена Жамакаева и Кайрата Рыскулбекова. К сожалению, не все они достаточно известны нашим землякам. С одним из них, композитором Бекеном Жамакаевым, мне довелось многие годы жить в одном городе и быть в творческом содружестве.

В связи с тем, что недавно общественность города и области отметила 60-летие со дня рождения композитора, а бывшая улица Абая названа его именем, мне хотелось бы рассказать о нем и поделиться некоторыми воспоминаниями.

Точно не помню, когда и при каких обстоятельствах я впервые услышал «Вальс любви» («Махаббат вальсы») Бекена Жамакаева, но никогда не забываю то ошеломляющее впечатление, которое произвела на меня его задушевная, пронзительная и волнующая мелодия. Теперь мне известно, что этот жамакаевский вальс впервые прозвучал по радио в исполнении замечательной певицы Розы Баглаевой в 1955 году, а стихи к нему написал поэт, тоже наш земляк Нутфулла Шакенов.

Поскольку я вырос, в основном, среди русских и татарских детей, мне хорошо известно, что казахские песни они охотно не распевали. Но вот однажды на автобусной остановке слышу, кто-то тихо насвистывает мелодию «Вальса любви». Посмотрел и увидел, что это напевает какой-то русский паренек. И сразу же меня объяло чувство благодарности Бекену Жамакаеву за создание такой замечательной песни

Во второй половине 50-х годов я начал выступать с чтением своих стихов на студенческой сцене. Мне хотелось лично познакомиться с композитором Жамакаевым. Так и пришел к неказистому длинному дому, расположенному по улице М. Горького, где тогда находился облЛИТО. Далее наше знакомство продолжилось и укрепилось в Москве, где мы вместе в 1957 году были на VI-ом Всемирном фестивале молодежи и студентов. На этом молодежном празднике у нас, группы семицалатинцев, было много интересных, неожиданных встреч с иностранными делегатами и с земляками — казахстанцами. Сейчас мне вспоминается такой восхитительный эпизод.

У красочного здания павильона Казахстана на ступеньках и выше были растелены ковры, на которых, рассыпавшись, свободно рассеялись, словно лебеди на глади озера, артисты, как оказалось, Чимкентского драматического театра. Среди них был молодой мужчина с золотыми зубами, в национальном халате-чапане. Он узнал Бекена и мило поздоровался издали. Артисты весело шумели, пели казахские песни под аккомпанемент домбры. И вдруг послышалась до боли знакомая мелодия: они пели уже небезызвестный в нашей республике «Вальс любви». Золотозубый артист посмотрел в сторону Бекена Жамакаева и, широко улыбаясь, подмигнул ему. Мне трудно передать то исключительно взволнованное состояние композитора, которое овладело им. Наверное, ему чудилось, что в этот миг его мелодию поют и слушают народы всего мира. Бекен Жамакаев взглядом поблагодарил артистов, покивал слегка головой. Но он не мог стоять спокойно. Как-то несуразно и неестественно кряхтел, переминался с ноги на ногу и до боли, импульсивно то сжимал, то отпускал пальцы моей руки.

Фестиваль есть фестиваль. Много было вокруг красок, шума, веселья, эмоций, фейерверков. Но Бекен, как мне казалось, все время думал только о своем творчестве: где-то покупал сборники песен, дарил нотные записи своих произведений, водил меня на модный тогда зарубежный джаз... И вот на одном из последних вечеров на набережной Москвы — реки, когда все вокруг сияло и сверкало, Бекен сделал предельно удививший меня тогда жест в мою сторону. Вообще среди многих достойных черт характера Бекена Жамакаева была такая своеобразная черта; он мог в море людей как-то обособиться, уединиться и создать для себя и для своего себе-

седника отдельный островок уюта и душевной гармонии. Невообразимо, но и здесь, на грандиозном карнавале, случилось нечто подобное. Все вокруг совершали какие-то свои действия. Но что могли делать мы, бедные студенты? Мы обвешивали себя значками, обменивались ими, брали автографы и адреса иностранцев. И вдруг Бекен попросил мой длинный блокнот в красном переплете. Он взял его и сказал: «Сейчас я напишу тебе свой адрес». Я был удивлен и озадачен, даже несколько обижен. Помню, все-таки с заметным неудовольствием сказал ему:

— Бекен, я здесь собираю автографы иностранцев. Ты же не иностранец? Я твой адрес и так знаю.

Но моему недоумению Бекен Жамакаев не придал никакого значения, как говорится, ноль внимания. Он открыл листую страницу и своим размашистым, красивым почерком написал: «г. Семипалатинск, ул. Калинина, № 127. Жамакаеву Бекену». Затем размашисто, крупно и замысловато распизгался. Снизу дописал: «Москва. 8.VIII—1957 г.».

Бекен был старше меня, поэтому, пользуясь таким своим преимуществом, наставительным тоном, возвращая мой блокнот, сказал:

«Ничего, что я не иностранец. Мне известно, что ты знаешь мой адрес. Но учти, я написал его тебе в Москве на Всемирном фестивале. А это память...».

Слова композитора меня тогда немного утешили, я успокоился постепенно, хотя продолжал думать, что Бекен внес какую-то дисгармонию в зарубежную экзотику моего блокнота для иностранных автографов. Ах, юность, юность!... С тех пор прошло уже, оказывается, ровно тридцать пять лет. Где те голландцы, итальянцы, норвежцы, исландцы? Бог весть, живы и здоровы они или нет. Не ради них тот неказистый, уже без обложки блокнот разыскивал я несколько дней в своих запыленных бумагах и книгах, а ради автографа композитора Бекена Жамакаева, дабы точно привести его московскую записку и, говоря честно, полюбоваться его небезвзвешенным почерком...

Мне довелось бывать в трех квартирах Бекена Жамакаева: на улице Калинина, где он жил с многодетной семьей на первом этаже двухэтажного дома, на перекрестке улиц Интернациональная и Бекена Жамакаева (наверное, судьба!) и на том углу, где стыкуются улицы Бекена Жамакаева,

хов поэта Исмаилова «Откровенность». Сейчас профессор Рымгали Нургалиев готовит к печати большой том произведений поэта. Мы полностью присоединяемся к их пожеланиям назвать одну из улиц Семипалатинска именем поэта Толеужана Исмаилова.

В последнее время в печати появились воспоминания, статьи и очерки многих писателей, журналистов и родственников Толеужана Исмаилова. На его могиле поставлен памятник — мавзолей с бюстом поэта, изготовленный по проекту абайского учителя Ертиса Татиева. На плечи Ертиса благодарные земляки накинули в подарок дорожную шубу. Такие же подарки получили Раушан Исмаилова и дочь поэта Шолпан. Но вот самому Толеужану Исмаилову не довелось при жизни получать дорогие подарки. Хотя он щедро дарил людям огонь своего сердца...

1992 г.

дияровым, композитором Шамши Калдаяковым. К сожалению, всех их уже нет среди нас. Такова бесплодная судьба, которая заставила их вариться в безжалостном котле командно-административной системы тоталитарного режима.

В январе нынешнего года исполнилось уже 20 лет с тех пор, как ушел из жизни композитор Бекен Жамакаев. Прожил он всего сорок лет и за эту жизнь успел написать множество интересных и волнующих песен. А сколько их, пока доподлинно неизвестно. Одни пишут, что их свыше 70, другие — более 100. А вот родной племянник Бекенгалия (полное имя композитора), сын его старшего брата Мухаметгалия, начинающий композитор Ергали Жумабеков утверждает, что его дядя создал до 50 песен. Однако дело вовсе не в количестве... Дело в том, что песни Жамакаева поныне звучат на вечерах, на тоях, по радио и телевидению, на эстрадной сцене, в клубах и ресторанах, в домах отдыха и санаториях, где он нередко бывал в последние годы жизни.

Теперь важно, чтобы ни одна жамакаевская песня, ни одна его нота не пропали, чтобы они были бы тщательно собраны и выпущены отдельной книгой, как он нередко выражался, «для народа». Среди многочисленных песен Бекена Жамакаева наиболее известны и популярны песни «Вальс любви», «Только ты», «Летний рассвет», «Где мои цветы», «Праздничный вальс», «Песня шофера», «Вальс дружбы», «На лодке», «Печаль солдата», и другие.

По мере своих неокрепших тогда еще возможностей мне доводилось переводить на русский язык некоторые песни Жамакаева. Припев одной из них, как помнится, звучал так: «Ярко светят огоньки у излучины рски. Лодка, к ним плыви скорей, — станем мы смелей. Не могу молчать и хочу сказать: полюбил тебя навеки, полюбил тебя...».

Бекен очень любил слушать песни на русском языке. Мы были с ним в родственных отношениях, как сваты. И вот на одном вечере у паших общих родственников Бекена и Толеубике Ахметкалиевых Бекен Жамакаев развернул свой баян и сказал:

— А теперь послушайте мою песню на русском языке.

И запел сам. Гости, затаившись, прислушались. Когда песня закончилась, все зааплодировали, а Бекен многозначительным жестом показал на меня и объявил обо мне

как о поэте и переводчике. Так я, неизвестный студент, купался в его славе.

С особенным воодушевлением Бекен исполнял песню «Сен гана» («Только ты»). Мне до сих пор думается, что эта душевная песня была посвящена его жене, его, как мы знали, романтической любви, матери его малолетних тогда детей.

Теперь нам известны все основные этапы жизненного пути композитора Бекена Жамакаева. Они лаконичны и коротки, как и сама его жизнь, но предельно содержательны. Бекенгали Жумабекович Жамакаев родился в 1931 году в местечке Жанан, расположенном в 52 километрах от села Саржал Абайского района. Семилетку он окончил в средней школе № 16 Семипалатинская в 1946 году. После этого поступает в педагогическое училище. По окончании училища Бекен самозабвенно работает артистом областного драматического театра им. Абая. Когда я с ним познакомился, он работал в облЛИТО. А в последний период жизни Бекен Жамакаев был превосходным диктором областного радио, благодаря своей четкой дикции и выразительному голосу.

Юбилейный вечер в честь 60-летия композитора, проведенный в театре им. Абая, показал, что Бекен Жамакаев жив в сердцах людей, его волнующие песни еще долго, бесконечно долго будут распевать и любить народ. Прошло немало времени с того дня, как Бекен Жамакаев ушел из жизни, но песни его сохранили молодой задор и юношеский пыл, лиричность и душевность, беря в свой музыкальный плен людей новых поколений. А дети его, те голопузые ребятишки со двора двухэтажного дома, давно уже стали взрослыми. На юбилейный вечер прибыли три сына композитора — Бахытгали, Мурат и Арман. Они — члены акционерного общества, бизнесмены. В память об отце сыновья выделили средства для учреждения лучшим и одаренным студентам премии имени Бекена Жамакаева. Цветок жизни — дочь композитора Бахытгуль (в переводе означает «цветок счастья») преподает высшую математику в Карагандинском политехническом институте.

Когда идешь по улице Бекена Жамакаева, думаешь о нем и невольно радуешься тому, что есть все-таки высшая справедливость на свете...

1992 г.

хов поэта Исмаилова «Откровенность». Сейчас профессор Рымгали Нургалиев готовит к печати большой том произведений поэта. Мы полностью присоединяемся к их пожеланиям назвать одну из улиц Семипалатинска именем поэта Толеужана Исмаилова.

В последнее время в печати появились воспоминания, статьи и очерки многих писателей, журналистов и родственников Толеужана Исмаилова. На его могиле поставлен памятник — мавзолей с бюстом поэта, изготовленный по проекту абайского учителя Ертиса Татиева. На плечи Ертиса благодарные земляки накинули в подарок дорогую шубу. Такие же подарки получили Раушан Исмаилова и дочь поэта Шолпан. Но вот самому Толеужану Исмаилову не довелось при жизни получать дорогие подарки. Хотя он щедро дарил людям огонь своего сердца...

1992 г.

РЫСХАН-АГА

Редактор двух изданий — Семипалатинской областной газеты «Семейтаны» и журнала «Абай», председатель правления Семипалатинской областной организации Союза журналистов Республики Казахстан, журналист по профессии, писатель по призванию, общественный деятель... И просто человек — умный, немного ироничный, доступный для всех, у кого в жизни проблемы, ненавязчивый в беседе, умеющий слушать и веско сказать свое слово, тонкий политик и дипломат, просто культурный человек, корни которого глубоко вошли в родную землю.

Три фактора определяют жизненный путь человека. Во-первых, это его родословная, прежде всего его родители. Во-вторых, географические, исторические и демографические особенности родного края-колыбели детства и юности. В-третьих, это то, что по вековым законам природы каждый человек наделен своей собственной и неповторимой судьбой. Рысхану Мусину повезло. Он оказался выходцем из крепкого и достаточно разветвленного рода. Да и родители его весьма неординарные. О своем отце Муса Байсемизулы сын с особенной гордостью говорит:

— Это был мудрый человек, большой организатор, мыслитель незаурядно...

Примечателен такой период в его жизни. Муса — аксакал около двадцати лет пас овец и в 1948 году за достижения в развитии животноводства стал Героем Социалистического Труда. Примечательный факт! Однако большинство семипалатинцев до сих пор не знают о том, что отец Рысхана Муса имел такую высокую награду. Это, видимо, определяет одну из важных черт его характера.

Мать Рысхана Рысалды до самой кончины мужа в 1985 году была верной помощницей в его овцеводческих делах.

А потом, оудучи неразлучной с большой дружной семьей сына Рысхана, скончалась в 1991 году в возрасте 104 лет.

О втором факторе достаточно сказать, что Рысхану Мусину суждено было родиться в Абайском районе и провести свои детские и юношеские годы среди благодатных Чингисских гор и степей, где сама земля дышит поэзией, семена которой были посеяны Абасом Кунанбаевым и Мухтаром Ауэзовым.

Что касается третьего фактора... По законам природы каждый человек наделен своей собственной и неповторимой судьбой. Скажем сразу, что она у Рысхана Мусина оказалась сложной и трудной. В школу он пошел в 1941 году. Трудности этих лет знает тот, кто их испытал на себе. Однако после 9-го класса Рысхану пришлось в 1950 году прервать учебу и трудиться помощником табунщика. А в 1952—53 учебном году он окончил железнодорожную казахскую среднюю школу № 8 в г. Аягузе и успешно поступил на журналистское отделение филологического факультета казахского государственного университета.

Многое из предшествующей жизни Рысхана Мусина способствовало его выбору журналистской стези. Но решающую роль сыграло, пожалуй, его активное сотрудничество в школьном рукописном альманахе «Потомки Абая», идея выпуска которого подал еще М. О. Ауэзов. Многие годы бессменным редактором издания был известный писатель-земляк Камен Оразалин. В этом альманахе, как один из выпускающих, Рысхан Мусин сотрудничал четыре года. Он тепло вспоминает своих товарищей, которые с юношеской непосредственностью днями и ночами корпели над трудами школьников, чтобы довести их до определенной кондиции и своевременно поместить в журнале. Это—Нысанбек Омашев, Турсынгазы Туйтебеков, Еренгали Лаубасв, Уйсунгали Куанышев, Амангельды Айкебаев. Трое последних из них обладали красивым почерком, потому что они были из Архатской школы, где работал знаменитый в округе учитель, умевший привить своим учащимся прекрасную каллиграфию с разными замысловатыми и фигурными закорючками. Эти трое и были основными переписчиками. Так что в стенах школы Рысхан Мусин сделал для себя окончательный выбор профессии, хотя были колебания в сторону химии.

Студенческие годы, проведенные в столице республики, обычно пробегают, даже пролетают быстро и незаметно. До сих пор Рысхан Мусин с благодарностью вспоминает содержательные лекции профессоров Мухтара Ауэзова, Хайржана Бекхожина, Бейсенбая Кенжебаева, Таумана Амандосова, Темирбека Кожакеева (тогда еще доцента) и других.

Студенты разных вузов Доскеев Жармухамет, Куанышев Уйсенгали (из зооветеринарного института), Омаргазин Жакан (из горно-металлургического) и другие, пользуясь тем, что приехали из Абайского района, посещали квартиру своего великого земляка Мухтара Ауэзова. Однажды даже студенты сфотографировались с ним на память, кстати этот снимок был помещен в альманахе «Потомки Абая».

В эти годы Рысхан Мусин познакомился и подружился с писателями Габдолом Слановым, Азильханом Нуршайхвым, Калиханом Искаковым. Рысхан Мусин не только писал свои произведения, но по стечению обстоятельств оказался героем очерков и путевых заметок Габдола Сланова и Азильхана Нуршайхова.

Еще будучи студентом выпускного курса университета, Рысхан Мусин опубликовал в республиканской молодежной газете «Лениншия жас» свою проблемную статью «Свекровь и невестка» на злободневную семейную тему. Статья вызвала такой большой резонанс среди читателей, что за сравнительно короткий срок в редакцию газеты поступило около двухсот писем с откликами. Так появилась в молодежной газете самая настоящая рубрика, вести которую был приглашен выпускник КазГУ Рысхан Мусин, который проработал здесь шесть лет. За это время он опубликовал в газете около 50 очерков. Наряду с тем, что автор в своих статьях и очерках поднимал животрепещущие проблемы, он неизменно и последовательно вырабатывал свое видение мира и позицию, свой стиль и почерк. Каждый очерк или статья имели свою историю создания, означали встречу с интересной личностью с экскурсом в прошлое республики или в биографию героя. Таковы его статьи и очерки «Белая береза на острове», «Трагедия на Топкарагане», «Юноша с Капаркона» («Тайна детского врача») и многие другие.

К примеру, первое из перечисленных произведений перекликается с биографией Мухтара Ауэзова. Второй очерк об инженер-англичанине, который из Лондона прибыл в начале ве-

ка на Иртыш и в течение 3—4 лет на его бурном притоке строил Тонкараганскую ГЭС. В связи со сдачей ГЭС в эксплуатацию инженер вызывает свою невесту из Лондона на свадьбу. В разгар свадьбы огромная льдина сокрушает ГЭС. А инженер из-за такого горя стреляется.

После Алматы Рысхан Мусин возвращается в Семипалатинск в качестве собкора республиканской молодежной газеты «Лениншил жас» (ныне «Жас алаш») по трем областям: Павлодарской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской.

В родном городе Мусин находился свыше восьми лет — с 1959 года по 1967 год, работал литсотрудником областной газеты «Семей таны», затем два года заведовал там же отделом партийной жизни...

Незабываемой вехой в журналистской деятельности Рысхана Мусина была его учеба в Московской ВПШ.

Мне приятно писать о встрече с Рысханом-ага и его товарищами-земляками в Москве в 1968 году.

Я возвратился со службы на Тихоокеанском флоте. И вот встреча. Рассказы Рысхана Мусаевича о впечатлениях от пребывания в Москве.

После окончания московской учебы Рысхан Мусаулы постоянно был, если можно так выразиться, за штурвалами больших «кораблей»: около 4 лет работал заместителем редактора газеты «Семей таны», свыше 4 лет, с 1973 по 1977 годы — редактором вновь образованной Мангыстауской областной казахской газеты, а в мае 1977 года вернулся в Прииртышье, где на должности редактора областной газеты находится поныне. Вот уж поистине, как говорится, большому кораблю — большое плавание. За последние 24 года Рысхан Мусин: 2 года избирался депутатом Семипалатинского городского Совета, а остальные 22 года неизменно становился депутатом Мангыстауского и Семипалатинского областных Советов народных депутатов. Деятельность Рысхана Мусина и как редактора газеты, и как депутата всегда была сопряжена с социальной защитой населения нашей области. Он является одним из активных деятелей, которые болеют душой и искренне радуют за оздоровление нашего края, его народа путем открытия сети медицинских учреждений в новых зданиях и корпусах с новейшим оборудованием.

Родина и народ достойно оценили заслуги Рысхана Мусаевича Мусина перед ними. Он награжден орденом «Знак Почета», ему присвоено звание «Заслуженного работника культуры Казахстана».

За возобновление и содержательное издание журнала «Абай», у истоков которого стояли Мухтар Ауэзов, Султанмахмут Торайгыров, Жусуубек Аймаутов, Рысхан-ага удостоен республиканской премией Союза журналистов Казахстана.

Вспоминается такой случай. В Мангыстау праздновали 100-летие акына Саттигула, местный аксакал Алшин, надев шапан и борик на плечи Рысхана, произнес: «Адаевцы, слушайте меня. Этот человек прибыл к нам с земли Абая и приложил все силы, чтобы мы достойно отметили столетний юбилей нашего акына Саттигула. Впредь, если кто не будет уважать Рысхана Мусаулы, значит, тот не уважает меня, не уважает свой народ...».

Да, поистине быстротечна жизнь. Вот уже Рысхан-ага отмерил шесть десятков лет в своей жизни.

Кажется, только вчера он защищал диплом как выпускник КазГУ, впервые написал его в виде очерка под названием «Колаттагы карпу» — «Закалка в теснине гор».

Воспитал шестерых детей, все они заняли достойное место в жизни.

Дорогой Рысхан Мусаулы, в вашем родословном древе традиционно обозначен перевал Столетия, достичь и в полном здравии перейти который мы вам и желаем! Пусть парус зашей судьбы и впредь будет полон ветра.

1993 г.

СЛОВО ПОЭТА ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Многие ведущие писатели нашей страны все громче поднимают голос в защиту экологической среды, своевременного решения социальных и экономических проблем. В Казахстане своеобразно и, как всегда, оригинально зазвучал голос Олжаса Сулейменова, выступающего за чистоту окружающей среды, за здоровье человека и природы, против гонки вооружений, ядерных испытаний, за разумное совершенствование и использование современной техники.

О поэзии Олжаса Сулейменова можно говорить много, долго и без усталости. Однако мне хотелось остановиться на нескольких эпизодах своего знакомства с Олжасом Сулейменовым, как с поэтом и человеком, поразмышлять немного о магии его вдохновенного поэтического слова.

На одной памятной встрече в Алматы, на съезде писателей Казахстана, поэт Т. Айбергенов вдруг спросил меня:

— А ты читал новую книгу Олжаса Сулейменова «Доброе время восхода»?

Я честно признался, что не читал. Надо было видеть его удивление и крайнее сожаление. К тому же об этой моей оплошности он прямо и открыто сообщил Аманжолу Шамкенову, чем вконец вогнал меня в краску и поставил в неловкое положение. Но ситуацию разрядил корректный, культурный, как мне кажется, от природы вежливый Аманжол-ага, который сказал:

— Успокойся, Толеген. Он и так засмутился. Наверное, эта книга не попала ему в руки. Олжас — такой популярный поэт, что его книги берут нарасхват.

После этого разговора я искал, находил, читал книги Олжаса Сулейменова везде и всюду, читал увлеченно, ненасытно, влюбленно и фантастично. Впоследствии я буквально заболел

его творчеством, что даже своего первенца в 1968 году назвал Олжасом, который сейчас уже сам отслужил в рядах Советской Армии.

Далее выступал с докладами по новым стихам и поэмам Олжаса Сулейменова на заседаниях кафедры пединститута, перед студенческой аудиторией, читал лекции перед населением города и области, писал статьи. Помнится, проводил литературно-музыкальную композицию при участии композитора Темиржана Базарбаева со студентами-практикантами в школе № 5. Еще хотелось бы сказать, что наш заведующий кафедрой, доцент, ныне покойный Л. М. Перельгин, был в восторге от этого вечера. Сохранились фотографии, где он находится среди студентов филологического факультета с орденом Ленина на груди.

Поскольку биография и творчество Олжаса Сулейменова мне известна более или менее подробно, хотелось бы немного сообщить об этом. Родился Олжас Омарович Сулейменов в 1936 г. в г. Алматы. В 1959 году окончил КазГУ им. С. М. Кирова по геологическому факультету. Затем учился в литературном институте им. А. М. Горького. Работал в геологических партиях, секретарем Союза писателей Казахстана, председателем Государственного комитета Каз. ССР по кинематографии. Сейчас он — первый секретарь правления Союза писателей Казахстана.

Олжас Сулейменов в 1961 году дебютировал сборником стихов «Аргамак». В том же году отдельной книгой выпущена его поэма «Земля, поклонись человеку!». Лучшая поэма на космическую тему. Уникальный случай! Известно, что она написана буквально за считанные дни и в том же год издана.

Затем были изданы книги поэта «Солнечные ночи» (1962), «Ночь—парижанка», «Доброе время восхода» (1964), «Горобезьяны» (1967), «Глиняная книга» (1969), «Определены берега» (1974).

В разные годы увидели свет в республиканских и всесоюзных издательствах такие книги Олжаса Сулейменова, как «Повторяя в полдень», «Каждый день утро», «Круглая звезда», «Над белыми реками» и другие.

Стихи и поэмы Олжаса Сулейменова переведены и издаются на многих языках нашей многонациональной страны. Твор-

чество поэта почитается в Болгарии, на Кубе, в Польше, Югославии, Франции, ГДР и других странах.

Высоко отзывались о поэзии Олжаса Сулейменова Николай Тихонов, Мухтар Ауэзов, Леонид Мартынов, Чингиз Айтматов.

По стихам О Сулейменова был поставлен спектакль в Республиканском драматическом театре имени М. Ю. Лермонтова. По его сценариям поставлены фильмы «Земля отцов», «Сирий маршрут», «Зима — не полсвой сезон». О творчестве Олжаса Сулейменова написано много статей, эссе, научных исследований.

Надо сказать, что поэт и общественный деятель Олжас Сулейменов благоговейно относится к нашему Семипалатинскому Прииртышью. Есть у него стихи, посвященные Абаю.

Зблизи Чингисских гор его могила,
Исколотая желтыми цветами,
Толодыми, немилыми, нагими
К могиле приходили на свиданье.

Поэт Олжас Сулейменов очень человечен в личных взаимоотношениях. Хотелось бы привести его дарственную надпись, сделанную на книге «Круглая звезда» для моего сына-первенца: «Маленькому Олжасу в день вступления во второй этап жизни (школьный). Расти большим.

Твой Олжас-ага. 1 сентября 1975 г.».

В условиях нашего времени перестройки большой мастер пера проявляет себя со всем своим темпераментом как гражданин и поэт. В алматинской газете «Горизонт» от 25 февраля 1989 года он пишет: «Уже давно писатели страны говорят о бедах земли, рек, лесов, городов и культур. С этих настроений началась перестройка. Она придала открытость и громкость, широту экологическим проблемам. Судьбы природы и человека оказались тесно связанными. И выяснилось, что нет края, нет района благополучного, где бы люди жили в гармонии с природой и промышленностью. И все попытки частных, самостоятельных решений, не дают прочных добрых результатов, ибо все мы части единого целого — народнохозяйственного комплекса».

Хотелось бы пожелать, чтобы Олжас Омарович Сулейменов в поисках оптимальных путей в достижении гармонии между человеком, природой и народным хозяйством добился ощутимых и реальных результатов. Желаемое и необходимое здесь органично и неразрывно связаны. А мы должны не только пожелать большому кораблю большого плавания, но и осознать, наконец, что «озоновая дыра» растет и расширяется не только в природе, но и в наших душах...

1989 г.

УСТРЕМЛЕННОСТЬ

Еще один молодой писатель — наш земляк вышел на всесоюзную арену. Московское издательство «Молодая гвардия» выпустило первый сборник рассказов на русском языке Роллана Сейсенбаева с послесловием известного писателя Даниила Гранина.

В сборник «Последний снег» (перевод Е. Попова и Т. Космухамедовой) вошло семь рассказов. Тематика их самая разнообразная: городская жизнь молодых людей («Окончилась суббота»), несколько комичная и горькая судьба «плешивого» аульного парня — тракториста Тураша («Парик»), вполне реальные ситуации свидения актера (уата Кылышбаева («Отелло»), обремененная несчастьем, трагичная жизнь Ондасына («Очередь») и другие.

Когда читаешь рассказ «Алданыш, Алданыш», трудно поверить, что о горькой судьбе, об интимных переживаниях и кровавых мыслях оставшихся во время войны без мужей малолетними детьми на руках женщина пишет совершенно молодой человек. Настолько молодой, что даже не принадлежит к тому поколению людей, которые были непосредственными свидетелями описываемого и изображаемого. Сюжет рассказа построен достаточно логично и оригинально, персонажи убедительны. Но проникновение в психологию людей, в частности, женщин и детей, военного и послевоенного времени удивляет и убеждает. Удивление, на наш взгляд, вызывается чудом художественного творчества, а убеждение —

несомненной одаренностью автора, даже блеском уже отточенного таланта.

Жизненный и творческий путь Р. Сейсенбаева только начинается. Но уже за плечами — рабочие профессии, инженерно-технологический институт, работа в комсомольских и советских органах. Высшие литературные курсы, Союз писателей СССР. Ныне в творческом арсенале писателя несколько интересных пьес, названных лауреатами различных конкурсов, и три книги прозы.

Говоря об уже определившейся творческой индивидуальности Р. Сейсенбаева, хотелось бы отметить такие его качества, как наблюдательность, оригинальность, национальный колорит, гражданственность и плодовитость, сопряженные с исключительной работоспособностью.

Композиция и сюжетная канва каждого рассказа неувязчивы и непосредственны. Возьмем хотя бы своеобразные деленные рассказы на отдельные главки: «В синем автобусе», «В желтом автобусе», «В машине» («Отелло»), «Вечером в четверг», «Утром в пятницу» («Алданыш, Алданыш»). Зоркий глаз писателя выхватывает и высвечивает художественными приемами характерные и нередко неприглядные штрихи современной жизни. И в этом плане прежде всего сказались «гражданственность и искренность» (Д. Гранин) авторской позиции.

Алданыш, который по-детски горячо и по-сыновьи жадно ожидал отца, обознался, бросившись на спящего в их доме проезжего фронтовика; «Папка, а ты, правда, махоркой пахнешь! Махоркой! А у тебя паган есть? А у тебя медаль есть?...» И Алданыш навсегда покинул свою мать, одинокую и добрую солдатку, у которой совесть перед ним и перед всеми была чиста и незапятнана... Поистине волнующе лирическое обращение автора к Алданышу в финале рассказа...

Есть еще одна немаловажная тенденция в художественной манере автора, что имеет глубоко национальные корни. Это склонность к выразительной передаче близкой по исконной природе к шуткам и юмору натуры степных жителей. По давней традиции, в каждом ауле есть свой шутник и остро слов с неиссякаемым запасом прибауток и рассказней, а иногда и с импровизаторским даром: он всегда желанный собеседник.

Есть у молодых писателей две крайности в изображении действительности: один сразу показывает преобразование и поучает, другой — выискивает недостатки. И то, и другое нежелательно... Одна из книг Р. Сейсенбаева называется «Ищу себя». Мы глубоко верим и надеемся, что он полностью найдет себя и займет свое достойное место. Не случайно начальный этап его творчества напоминает устремленность аргамака, который в состязании — байге никак не хочет быть позади...

1979 г.

КУАНДЫК МАШХУР-ЖУСУПОВ — ПИСАТЕЛЬ, ВНУК ПОЭТА

В наше бурное, беспокойное и сложное время все-таки есть люди, которые бережно несут в себе такие необходимые извечные понятия, как порядочность, культура поведения, этика общения, эстетика восприятия и достойная образованность. Люди, с которыми хоть иногда хочется встретиться, обменяться новостями и мнениями, как говорится, отвести душу. К таким людям бесспорно относится Куандык Фазылович Жусупов, кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей СССР.

С Куандыком Фазыловичем мы знакомы и дружны без малого четверть века, примерно с 1968 года. Редко удается за такой почтенный срок сохранить ровные, заинтересованные и доверительные отношения с одним человеком, не разочароваться в нем, хотя бы в отдельном, частном и незначительном. В этом, очевидно, сказался тот мощный и неиссякаемый заряд генофонда, который несет он в себе от своих предков, от знаменитого деда, большого поэта и ученого-фольклориста Машхура-Жусупа Колсева.

Куандык Жусупов родился и вырос в совхозе «Жапа жол» («Новый путь») Баянаульского района Павлодарской области. В 1959 году успешно окончил среднюю школу и окрыленный мечтой, с беспредельными проектами и фантастическими планами на будущее, с аттестатом зрелости в еще неокрепших руках, поехал в столицу республики для продолжения образования.

К этому времени на деда Машеке (так почтительно его называет внук) были крепко наклеплены различные ярлыки вплоть до «врага народа». Благо, что у казахов фамилия Жусупов одна из самых распространенных и характерных, поэтому абитуриент из далекого Баян-аула, успешно пройдя ис-

пытания — экзамены и конкурс, стал студентом Казахского государственного педагогического института имени Абая и затерялся в шумном и многолюдном городе.

Заманчивые и притягательные для аульного юноши соблазны в столичном городе не увлекли Куандыка, одержимого своей неумемной фантазией и заветными целями, среди которых на первом плане стояли реабилитация имени и возвращение творческого наследия Машхура-Жусупа, овеянного в народе ореолом святости (Машхур по-арабски — известный, популярный, славный), и реализация своих заманчивых и волнующих юношеское воображение творческих задумок и планов. И студент Жусупов жадно впитывает в себя азы и премудрости различных наук, среди которых на первом месте были филологические, слушает лекции и выступления Мухтара Ауэзова, Сабита Мукапова, Қаныша Сатпаева, Алькея Маргулана, Хажима Джумалиева, Малика Габдуллина, Серика Кирабаева, Хасена Адибаева, Токена Абдрахманова и многих других известных и выдающихся ученых и писателей.

Пытливый и одаренный студент Куандык Жусупов не мог не обратить на себя внимание институтских наставников, да и сам он увлеченно устремлял взор на заманчивые вершины науки. И вот сразу же после окончания института он становится аспирантом института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова при Академии наук Казахской ССР. Для научной работы выбрал тему «Проблема конфликта и нового человека в казахской прозе». Через два года, в 1969 году, успешно защитил диссертацию на ученую степень кандидата филологических наук.

С января 1968 года К. Жусупов бесменно трудится в Семипалатинском пединституте им. Н. К. Крупской, много лет заведовал кафедрой казахского языка и литературы.

О работе доцента Жусупова на преподавательском поприще можно говорить много. Он влюблен в свое дело, обладает незаурядными лекторскими способностями, постоянно в поиске, неутомимо пополняет свои знания, одержимо стремится поделиться ими со студентами и всегда находится в гуще молодежи. Постоянно читает лекции и делится новинками в области филологии на курсах повышения квалификации в областном институте усовершенствования учителей. На страницах периодической печати, в газетах и журналах «Се-

«Казах әдебиеті», «Қазақстан мугалими», «Жұлдыз», «Қазақстан мектебі» и других Қуандық Фазылович публікует статьи методического содержания: по проблемам жанрового своеобразия казахской лирики, по истории ее развития, художественных особенностей, по анализу языка художественных произведений.

Параллельно с педагогической и научной работой Қуандық Жусупов проявил себя как автор художественных произведений, создатель лирических повестей о молодежи. Первая его проба пера — повесть «Қаракемпір» («Согбенная старуха») увидела свет в журнале «Жұлдыз» за 1974 год, № 7. Вскоре под названием «Жизнь одной женщины» она была выпущена издательством «Жазушы». В произведении описана тяжкая жизнь главного персонажа Қульзилы, которая потеряла мужа на войне, но всю жизнь была верна его памяти и не согнулась под тяжестью горя, а, наоборот, стала светлым человеком для окружающих, яростно борясь против несправедливости и подлости.

Затем последовала повесть о старшеклассниках «Армандастар» («Сверстники»), изданная в 1979 году. Если учесть, что в казахской литературе мало произведений о школьниках, тем более о старшеклассниках, легко понять, что эта повесть была своевременной и актуальной.

В 1981 году из-под пера К. Машхур-Жусупова выходит повесть о студенческой молодежи «Однокурсники». Лиричностью, новизной раздумий и светлой одухотворенностью «Однокурсники» привлекли внимание критиков и читателей, рецензентов и студентов. Спустя восемь лет в переводе Бахытжана Момышулы в 1989 году в издательстве «Жалын» это произведение выпущено на русском языке.

Вместе с тем писателю хотелось испытать себя в драматургии, ему было тесно в рамках одного жанра художественного творчества. И вот в 1980 году на сцене Семипалатинского областного музыкально-драматического театра имени Абая главный режиссер, народный артист Казахской ССР Есмұхан Обаев поставил пьесу Қуандықа Машхур-Жусупова «Сын и дочь». Проблема воспитания молодежи всегда была близка, знакома и осязаема для автора пьесы. Он и на этот раз уже со сцены театра в воплощении его образов ветеранами, многоопытными артистами Қуляш Сакиевой, Халекетом Ешмуратовым, Максұтом Бахтияровым, Туратай Исовой и молоды-

супа Копеева в 2-х томах (первый уже в 1990 году выпущен). Ему исполняется пятьдесят лет. Но к нему в полной мере относится казахская пословица: «Пятьдесят лет—это возраст джигита». Он полон сил, энергии и планов на будущее.

Полвека назад, когда будущий писатель явился на свет, очевидно, родители и близкие были настолько счастливы, что нарекли его именем Куандык. Слово «куандық» в переводе на русский язык означает «радость» или точнее—«мы обрадовались». И этим, наверно, все сказано. Самое главное чтобы затаенные и долгожданные надежды и цели оправдались и приносили радость...

1991 г.

ВЫСОТА ЗА ВЫСОТОЙ

(О Рымгали Нургалиеве)

Совсем недавно, казалось бы, я знал нашего Рымгали Нургалиева студентом, а затем аспирантом КазГУ им. С. М. Кирова. Но время неумолимо движется вперед, оставляя позади годы. Оказывается, с тех пор прошло около трех десятков лет, за которые Р. Нургалиев добился многих мыслимых и немыслимых ученых степеней, званий, титулов и наград. Ныне он доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Казахстан, первый руководитель Казахской Энциклопедии. Ему в 1988 году за филологическую трилогию «Айдын» («Голубой простор»), «Тел-агыс» («Параллельное течение») и «Казахская революционная поэзия» присуждена Государственная премия Республики Казахстан им. Абая.

Помню разговор, который состоялся в 60-е годы с профессором Бейсенбаем Кенжебаевым (ныне покойным) относительно темы моей диссертации по драматургии М. О. Ауэзова. Дело в том, что исследованием подобной темы занимался аспирант Рымгали Нургалиев. И вот наш маститый наставник посоветовал мне разыскать этого диссертанта - земляка и обговорить состояние его научной работы. Дело, как говорится, зашло у него достаточно далеко, и мне пришлось переменить тему и обратиться к творчеству Абая. о чем до сих пор ничуть не жалею. К тому же познакомился с талантливым молодым человеком, с начинающим перспективным ученым, которому, благодаря исключительному трудолюбию, завидной целеустремленности и правильной логике мышления, суждено было обогнать многих из нас, начинавших приобщение к литературе в 60-е годы. Рымгали Нургалиев, один из самых молодых докторов наук и профессоров, родился в 1940 году в селе Кайнар Абралинского района там проходили его

детские и школьные годы. Что и говорить, тот край щедр на таланты. После успешного окончания Кайнарской средней школы Рымгали поступил на филологический факультет КазГУ им. С. М. Кирова и закончил его в 1963 году. В студенческие годы он активно занимался научной работой и стал одним из авторов книги об известном революционере и писателе — «Сабыр Шарипов. Жизнь и творчество» (1961 г., в соавторстве с проф. Кейжебаевым).

В 1962-65 годах Р. Нургалиев был собственным корреспондентом газеты «Лениншил жас» по Целинному краю. Затем в 1966-68 годах заведовал секцией критики Союза писателей Казахстана. А с 1968 года переходит на преподавательскую работу в КазГУ, где раскрываются его незаурядные способности лектора, воспитателя, педагога — наставника. Продолжая свою увлеченность драматургией и театром и пользуясь теми некоторыми возможностями, которые предоставило хрущевское потепление, молодой исследователь настойчиво и последовательно стремится к раскрытию «белых пятен» в истории казахской литературы. Последовательно изданы несколько популярных монографий по драматургической критике и искусствоведению: «Природа трагедии» (1968), «Судьба таланта» (1969), «Поэтика казахской драматургии» (1973 г.), «Казахская драматургия» (1974 г.). Следуя примеру своего первого наставника, писателя-академика М. О. Ауэзова, молодой искусствовед изучил историю драматургии и театра, начиная с древней Греции, а затем историю мировой эстетической мысли касательно других жанров литературы. Глубокая подготовленность помогла Р. Нургалиеву обрести свою позицию, мыслить широко и неординарно.

Начало творческого пути Рымгали Нургалиева совпало с периодом, который в печати нередко называют «потеплением». Как раз в это время он смело начал вызволять из-под архивных замков и издр книгохранилищ доселе запрещенные материалы. Благодаря ему, стали общепризнанным достоянием отдельные, ранее неизвестные читателям пьесы, рассказы и повесть «Лихая година» Мухтара Ауэзова, имя и творчество первого казахского режиссера и драматурга Жумата Шашина. И вот перед нами трилогия — плод работы ученого за последние десятилетия, который по достоинству отмечен государственной премией Казахстана.

Первую часть трилогии составила книга «Айдын», в которой сосредоточены исследования, посвященные казахской

ми актерами обращался, в основном, к молодежи. Спектакль в течение многих лет не сходил со сцены областного театра. Его видели зрители не только города, но и в отдаленных аулах и фермах нашей и соседних областей. Спектакль был поставлен свыше трехсот раз.

Пожалуй, с аспирантской поры Куандык Жусупов при малейшей возможности писал, публиковал и пропагандировал жизнь и творчество Машхур-Жусупа Копеева.

Одним из позитивных деяний недавно распущенного ЦК Компартии Казахстана было то, что он пересмотрел и отменил свои постановления по вопросам литературы и искусства, принятые в 30-40-х и в начале 50-х годов. В заключении комиссии среди других деятелей о Машхур-Жусупе Копееве сказано следующее: «В постановлении ЦК КП(б) Казахстана от 10 декабря 1952 года «О статье, опубликованной в газете «Социалистик Казахстан» под названием «Копеев — националистический религиозный поэт», отмечается, что творчество Машхур-Жусупа Копеева (1853-1931) проникнуто духом буржуазного национализма и религиозного мистицизма, а он в своих произведениях, весьма разнообразных по своей тематике, живо откликался на все проблемы казахского общества конца XIX и начала XX века, как собиратель и популяризатор народного творчества внес огромный вклад в казахскую культуру. После смерти поэта его могила стараниями местных духовных лиц превратилась в место поклонения верующих, что по иронии судьбы «помогло» наценить на него ярлык «религиозного поэта», хотя в его произведениях наряду с другими пороками казахского общества дооктябрьского периода высмеиваются невежество и прожорливость мулл. В то же время нельзя не оценить его подвижническую деятельность по собиранию фольклора».

Отныне имя и творчество знаменитого поэта Машхура-Жусупа Копеева окончательно реабилитированы и возвращены народу.

Так, многое из ранних устремлений и непредсказуемой фантазии баянаульского юноши Куандыка Жусупова ныне реализовано в жизнь. Недавно он завершил курс прохождения докторантуры. Ожидается уже в этом году выпуск его монографии объемом в 14 печатных листов издательством «Жазушы» под названием «Стих—царь среди слов». Он стал членом редколлегии по изданию избранных произведений Машхура-Жу-

драматургии и театру. Автор глубоко и содержательно раскрыл в них природу казахской трагедии путем анализа и сопоставлений пьес «Еңлік и Кебек» М. Ауэзова, «Батыр Аркалык» Ж. Шанина, «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» Г. Мусрепова и др. При этом он умело определил специфику и особенности разных жанров национальной драматургии: трагедии, комедии и драмы, исследуя пьесы С. Сейфулина, И. Джансугурова, Б. Майлина, К. Мухамеджанова, Ж. Тлепбергенова. Обычно читатели отмечают выразительность и оригинальность названий литературоведческих книг Рымгали Нургалиева. И на этот раз он верен себе, вторая часть трилогии названа одним, но исключительно емким словом: «Телагыс» — «Параллельное течение». Вполне органично в эту книгу включен раздел «Литературный герой» (здесь герой в смысле фигура, деятель), состоящий из 8 эссе о разных выдающихся деятелях казахской культуры. Это Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Абдылда Тажибаев, Сапаргали Бегалин, Серик Кирабасов, Кабдыкарим Идрисов, народный акын Шакар Абенов, композитор Ахмет Жубанов. Незабываемые встречи, характерные черты и штрихи поведения, подмеченные острым глазом литератора, отношение к литературному процессу молодой поросли интересно и глубокомысленно изложены через воспоминания. Это увлекает читателя, облегчает чтение, дает психологическую разрядку и настрой для восприятия и осмысления научно-теоретических и аналитических сентенций. В монографии «Телагыс» Р. Нургалиев проанализировал творчество и основные произведения ведущих писателей Казахстана, плодотворное влияние фольклора и традиций на современный литературный процесс и определил тенденции в дальнейшем развитии нашей литературы.

В последней части трилогии по-новому, в свете наших дней Р. Нургалиев анализирует творчество двух великанов современной казахской поэзии — Сакеңа Сейфулина и Ильяса Джансугурова. Поэты были кровно связаны с родной землей, с молоком матери впитали в себя произведения устного народного творчества, глубоко почитали деятельность Абая и других своих предшественников, творенья народных акынов и жырау. Они были преисполнены восхищения русскими поэтами, начиная с А. С. Пушкина, переводили их произведения. Многие мотивы, художественные образы, выразительные средства, события и картины, наконец, сами истоки творчества, как пишет исследователь, сделали Сакеңа и Ильяса в

истории казахской литературы поистинне революционными поэтами, поэтами — новаторами. Трилогия — итог и плод, можно сказать, непрерывного тридцатилетнего труда Рымгали Нургалиева. Ученому удалось восстановить «провалы» в истории культуры, закономерные связи в творчестве отдельных писателей и устранить те или иные «белые пятна» в родной литературе. Пик творческой зрелости Рымгали Нургалиева совпал с приходом беспрецедентного и благотворного времени перестройки и гласности. Совсем недавно на прилавках книжных магазинов появилась новая книга Рымгали Нургалиева на русском языке «Древо обновления» (1989 г.) в добротном переводе казахстанского критика Николая Розенского. Автор этих заметок называя не все труды в многогранной творческой и педагогической деятельности Рымгали Нургалиева. Как многие литераторы, он начинал свой творческий путь стихами. В 1956 году опубликовано его первое стихотворение «Степь». Пробовал свои силы Р. Нургалиев и в художественной прозе. В 1977 году он выпустил сборник новелл «Зерно». В разные годы занимался переводческой работой, перевел на казахский язык повесть Льва Толстого «Дьявол», пьесы Н. Погодина «Третья патетическая», А. Кешокова «Последняя верста» и др.

Педагогическая и методическая работа Рымгали Нургалиева вызывает доброжелательные и одобрительные отзывы коллег, студентов и аспирантов. Нередко в методических журналах и газетах, в издательстве «Мектеп» выпускались труды ученого — педагога «Эстетическое воспитание на уроках литературы» (1974 г.), «Казахская революционная поэзия» (1987 г.) и др.

С лекциями и докладами по истории казахской литературы он выступает в Республике Казахстан и за ее пределами: в Литературном институте в Москве, в Союзе писателей СНГ и Казахстана, в АНРК, в вузах, а также в странах дальнего зарубежья. Этим летом в Абайском районе отметили юбилейные даты народного акына Шакера Абенова и писателя Камена Оразалина (соответственно 90 и 70 лет). А. Рымгали Нургалиеву исполняется 50 лет. Вот так абайская земля, щедрая на таланты, продолжает живую связь времен и поколений, которые приближаются к двадцать первому веку... 1990 г.

КНИГА С ТРУДНОЙ СУДЬБОЙ

В начале года в мои руки попала очень красочно оформленная книга «Поэты—ученики Абая», которая подготовлена к изданию еще в 50-е годы. Но тогда же экстренно была запрещена, а набор по безоговорочному указанию «сверху» рассыпан.

Сигнальный экземпляр книги чудом сохранился лишь у автора Каюма Мухамедханова.

Книга была подготовлена на основе кандидатской диссертации, которую автор написал в результате исследовательской работы по совету и под научным руководством профессора Мухтара Ауэзова. Тогда сразу же развернулась дискуссия по принципу пресловутой дилеммы: «свой и чужой». Вспомним, тогда считались «врагами народа» и, естественно, «чужаками» Шакарим Кудайбердиев, Қокпай Жанатаев, Турагул Қунанбаев и другие ученики и современники Абая Қунанбаева, которому в двадцатые годы тоже досталось изрядно.

...Каюм Мухамедханов, а вкуче с ним такие наши земляки, как заслуженный деятель культуры Казахстана Нурлыбек Баймуратов, народные акыны Танирберген Амренов, ныне здравствующий Шакер Абенев были объявлены «врагами народа» и осуждены на долгие годы тюремного заключения...

И вот, как говорится, кануло в Лету злосчастье и мы с удовольствием и огромным интересом листаем страницы многострадальной книги, которая выпущена к 150-летию юбилею Абая.

Книга выпущена издательством «Даур» («Эпоха») тиражом в 10 тысяч экземпляров. Подготовил его к изданию Республиканский фонд Абая, а скорейшему выпуску содействовали генеральный директор объединения «Семей» Галимжан Жакиянов, директор фонда Абая Балтабек Ерсалимов, заслу-

женный учитель Республики Казахстан Магжан Орынбаев, возглавивший общую редакцию, и другие.

В эту книгу вошли произведения трех сыновей Абая — Акылбая, Магавьи и Турагула Кунанбаевых, а каждый раздел (соответственно авторам) предваряют биография и научно-исследовательские труды, составленные, написанные и скомпонованные ученым и писателем, старейшим абаеведом, почетным гражданином Семпалатинска, ныне проживающим в Алматы Каюмом Мухамедхановым.

Хотелось бы сразу сказать, что анализ произведений и всего творчества Акылбая, Магавьи и Турагула Кунанбаевых сделан на высоком уровне. При исследовании художественных компонентов автор обращается к трудам Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Итак, в поэме Акылбая «Дагестан» описаны события, происходившие в среде горцев, в частности, черкесов, на Кавказе. Откуда автор почерпнул материал для своего произведения? У своего великого отца Абая, который подсказал тему и другой поэмы «Зулусы», созданной на основе сюжета повести английского писателя Генри Райдера Хаггардта (1856-1925) «Копи царя Соломона». В поэме «Дагестан» чувствуется благотворное влияние южных поэм и стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Помимо сего этого немаловажным фактором было то обстоятельство, что в аулах Чингисской волости проживали кавказцы, которые сбежали с сибирской каторги или скрывались от кровной мести горцев. Некоторые из них женились на казашек и остались навсегда в наших краях, а некоторые возвращались на родину. Они распространяли различные мифы, легенды и рассказы о горцах, о кавказцах. У них же перенимались некоторые ремесла, в частности, по инкрустации и чеканке предметов быта. Даже появилось и утвердилось в языке местных казахов такое новое слово, как «кавказдау», что означает «инкрустировать по-кавказски».

В биографии Акылбая автор приводит краткую историю жизни одного черкеса, который прибыл в аул Абая в 1893 году из Арзрума. Он прекрасно джигитовал и мастерски владел саблями. Свое прибытие сюда объяснил тем, что на родине несколько людей оказались его жертвами, а потому невозможно ему дальше там жить. Однажды он (по прошествии трех лет) у байбише Дильды выпросил саблю Абдрахманя чтобы показывать свое искусство владения ею. И настоль

вошел в раж, что набросился на аульчан и отрушил палец аульчанину по имени Садык.

События поэмы «Медгат и Касым» Магавьи происходят в Африке на берегах Нила в период процветания работорговли пленными неграми. Здесь автор исследования К. Мухамедханов проводит параллели со сведениями, взятыми из книги Д. Ливингстона «Путешествие по Южной Африке» и убедительно доказывает, что Магавья был достаточно знаком с историческими материалами об этом далеком континенте.

Интересно и то, что он обнаруживает некоторое сходство мотивов отчаянных поступков атамана Сарыбастыка-Касыма и пушкинского Дефоржа-Дубровского.

Писатель-академик Мухтар Омарханович Ауэзов неоднократно отмечал, что шакирды Абая, его ученики-последователи и сыновья, взялись за один из жанров его творчества и развили и обогатили его дальше.

Поэма «Енлик и Кебек» написана на основе трагических событий, происшедших в 18-ом столетии в тех краях. Она достаточно известна и о ней мы не раз писали.

Что касается стихотворений Акылбая и Магавьи, то, надо сказать, что ими особенно они не увлекались. Во всяком случае до нас дошли, чудом сохранившись, только по несколько стихов, в основном, любовного содержания и поминальные (жоктау).

То же можно сказать и о творчестве Турагула Кунанбаева. Превосходны его художественные переводы и бесценны воспоминания об Абасе.

В книге отмечено, что произведения этих авторов сохранились в отдельных рукописных списках и в памяти таких аксакалов, как Архам Искаков, Рахимжан Мамырказов, Смаилхан, Шабден Альмагамбетов и др., которые потом читались и приводились в текстологический порядок Каюмом Мухамедхановым. Например, ему в 1940 году рукопись поэмы «Медгат и Касым» отдала Ханумбуби — дочь Бекбая, того самого семипалатинского купца, в доме у которого на ул. Загордной останавливался Абай, где как раз в том же году впервые открылся музей Абая. Это один из эпизодов собирательской деятельности К. Мухамедханова. Кропотливый этот труд, его воплощение в мысль ученого совершили чудо открытия...

1994 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В данную монографию вошли статьи и рецензии разных лет о памятниках ранней литературы казахов, начиная с орхоненисейских надписей, по той простой причине, что многие десятилетия официально история казахской литературы начиналась с творчества акынов и жырау 18-го столетия Бухара, Дулата, Шортамбая, Мурата и др. Однако многолетние научно-исследовательские изыскания и творческие усилия группы казахских филологов во главе с профессором Бейсенбаем Кенжебаевым, подготовившей и выпустившей в 1968 году хрестоматию «Қоне адебиет нускалары», прояснили и утвердили тот ныне бесспорный факт, что общетюркское литературное наследие причастно и к истории казахской литературы. Со многими образцами из них был знаком Абай, что оказало влияние и так или иначе нашло отражение в его творческом наследии.

Удивительно то обстоятельство, что живописная и необыкновенно притягательная лирика Абая, в частности, пейзажная, сумела навечно запечатлеть отдельные красочные и живописные уголки и кристальной чистоты оазисы Чингисской волости, что невольно при непосредственном обозрении представляются они с их горами и рощами и бурлящими по камням и валунам речками миниатюрными проявлениями или повторениями богатейшей природы Кавказа, Швейцарии и Ближнего Востока, так щедро воспетыми Пушкиным, Лермонтовым, Байроном, Петефи, Гейне, Низами, Навои и другими выдающимися поэтами.

Относительно величия Абая и его поэтического воображения как поэта-мыслителя можно судить по такому определению известного пушкиниста, академика В. М. Жирмунского который писал так: «Вообще отдельные мотивы внешнего мира являются для поэта только поводом, чтобы высказать чувство, связанное с внешним впечатлением. Живописный образ

внешнего мира заслоняется тем эмоциональным или мыслительным содержанием, которые поэт не только вкладывает в него, но высказывает от своего имени в сентенциозном обобщении»⁸.

В целом Абай Кунанбаев поднял казахскую поэзию до европейского уровня. При этом он ввел в нее свыше десяти новых стихотворных размеров. А для того, чтобы доселе неизвестные и непривычные для уха степняка размеры плодотворно прижились и закрепились, он сам к таким стихам придумывал музыку, и они становились популярными в народе песнями, как, например, «Восьмистишья», «Письмо Татьяны», «Горные вершины» и др.

Эту плодотворную традицию Абая в дальнейшем подхватили и продолжили поэты — последователи: и его современники, и представители последующих поколений Акылбай Кунанбаев, Асет Найманбаев, Шакарим Кудайбердиев, Магжан Жумабаев, Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, Касым Аманжолов. Последние четыре поэта даже пытались вводить в казахское стихосложение нововведения декаданса и футуризма. Они ощутили на себе действительное влияние Велимира Хлебникова, Валерия Брюсова, Владимира Маяковского. Вот такая Абайская эстафета в дальнейшем перешла к таким значительным поэтам, как Толеужан Исмаилов, Сырбай Мауленов, Олжас Сулейменов, Кадыр Мырзалиев, Кашаф Туганбаев, Жумекен Нажмеденов, Мукагалы Макаптаев, Толеген Айбергенов, Кабдыкарим Идрисов, Туманбай Молдагадиев, Жуматай Жакипбаев, Мухтар Шаханов, Жараскан Абдрашев, Улугбек Есдаулетов, Иран-Ганп, Утежан Нургалиев, Сакен Иманасов, Тынышбай Рахимов, Темірхан Медетбеков и другие.

В жизни и творчестве известного композитора, автора популярных казахских вальсов Бекена Жамакаева и талантливого журналиста и общественного деятеля Рысхана Мусина, возобновившего издание журнала «Абай» после 70-летнего перерыва, также явственно проявилась благотворная традиция великого предшественника.

В глубоком исследовании и понимании традиции Абая существуют определенные изъяны, одним из которых является то, что не сохранились и не дошли до нас его собственные

В. М. Жирмунский. Байрон и Пушкин.
Ленинград. «Наука», 1978 г., с. 191.

рукописи. Затеряны многие его ранние стихи, где преобладало влияние поэзии Востока.

Все вышеназванные аспекты и проблемы ждут еще своих исследователей — молодых абаеведов последующих поколений, владеющих арабским и персидским языками.

В силу того, что в предыдущие десятилетия давила на ученых гуманитарных наук тоталитарная система и классовая идеология, философские, эстетические, этические и педагогические взгляды Абая также рассматривались, мягко говоря, однобоко. Обнаруживались попытки подтянуть его мировоззрение до уровня атензма.

Позитивные изменения последних лет в общественном и государственном устройстве независимой Республики Казахстан вселяют надежду и уверенность в том, что творческое наследие Абая (Ибрагима) Купанбаева, 150-летний юбилей которого в 1995 году будет отмечаться на уровне ЮНЕСКО, засияет своими гранями и будет признано человечеством как бесценные, неотъемлемые и предельно необходимые творения классика мировой литературы... 1966-1994 г.г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВОПОЛОЖНИК НОВОЙ КАЗАХСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Введение	·
Человек, мыслитель и поэт	8
Абай (Ибрагим) Кунанбаев	14
Путь к потомкам	26
Великий гуманист и просветитель	33
О поэмах Абая	37
Две поэмы Абая	43

ПЕРЕВОД

Турагул Кунанбаев. Об Абасе, о моем отце	60
--	----

ОСНОВОПОЛОЖНИК АБАЕВЕДЕНИЯ

О связи творческих судеб	85
Слово об Ауэзове	89
М. О. Ауэзов — ученый	92
У истоков казахского театра	95
Мастер и радатель художественного перевода	98
Глазами современников	101
Ленинградский дневник	105

ПЕРЕВОДЫ

Ахмет Ауэзов. Начало пути	108
Бейсенбай Кенжебаев. Мудрый наставник	111
Есмагамбет Исмаилов. Зовущий на вершину	125

СОВРЕМЕННОКИ И ПОТОМКИ - ПОСЛЕДОВАТЕЛИ АБАЯ.

Поэзия сыновей Абая	131
Открытие ранней литературы казахов	140
Дверь в запретной стене (О забытых именах)	144
Возвращение Асета	154
Мудрость Шакарима	161
Ф. М. Достоевский — наш духовный брат	168
Новый сборник стихов (О книге Саду Машакова)	172
Камен Оразалин	174
Проблемы и решения (О книге Бейсенбая Кенжебаева)	176
Дорога на подъем (О Каюме Мухамедханове)	181
Поэт, воистину поэт... (О Толеужане Исмаилове)	186
Эго волнующие песни... (О композиторе Зекене Жамакаеве)	193
Рысхан-ага (О Рысхане Мусине)	199

Слово поэта Олжаса Сулейменова	—
Устремленность (О книге Роллана Сейсенбаева)	201
Куандык Машхур — Жусупов — писатель, внук поэта	210
Высота за высотой (О Рынгали Нургалиеве)	218
Книга с трудной судьбой (О монографии Каюма Мухамедханова «Поэты — ученики Абая»)	219
Заключение	228

Редакторы Иванова Т. М.,
Султанбеков О. М.
Учредитель Назаров А. М.

Ким Э. М.,

Спонсор: торговая компания «АГГА Компани ЛТД»,
директор Готман Александр Михайлович.

Автор также выражает благодарность за содействие в издании книги «Всю жизнь с Абаям» директору ЧП «Билим» Кульжанову Шайкену Мырзабекулы, генеральному директору ОПО «Полиграфия» Имангалиеву Елемесу Имангалиулы, главному инженеру Садубаевой Бахыт Садубайкызы, генеральному директору АО «КА ПОЛИГРАФИЯ» Амрому Михайлу Борисовичу.

Цена договорная

Полное предприятие ОПО «Полиграфия» г. Сем-ск 1995 г.
Заказ № 363 Тир. 632 экз. объем 14 усл. п. ч.

Слово поэта Олжас	
Устремленность (О книге Романа Семеновича)	201
Куандык Машхур — Жусупов — писатель, внук поэта	210
Высота за высотой (О Рынгали Нургалиеве)	218
Книга с трудной судьбой (О монографии Каюма	
Мухамедханова «Поэты — ученики Абая»)	219
Заключение	222

Редакторы Иванова Т. М.,
Султанбеков О. М.
Учредитель Назаров А. М.

Ким Э. М.,

Спонсор: торговая компания «АГГА Компани ЛТД»,
директор Готман Александр Михайлович.

Автор также выражает благодарность за содействие в издании книги «Всю жизнь с Абаяем» директору ЧП «Билим» Кульжанову Шайкелу Мырзабекулы, генеральному директору ОПО «Полиграфия» Имангалиеву Елемесу Имангалиулы, главному инженеру Садубаевой Бахыт Садубайкызы, генеральному директору АО «КА ПОЛИГРАФИЯ» Амрому Михаилу Борисовичу.

Цена договорная

Полное предприятие ОПО «Полиграфия» г. Сем-ск 1995 г.
Заказ № 363 Тир. 632 экз. объем 14 усл. п. ч.

Слово поэта Олжас	
Устремленность (О книге Романа Семеновича)	201
Куандык Машхур — Жусупов — писатель, внук поэта	210
Высота за высотой (О Рынгали Нургалиеве)	218
Книга с трудной судьбой (О монографии Каюма	
Мухамедханова «Поэты — ученики Абая»)	219
Заключение	222

Редакторы Иванова Т. М.,
Султанбеков О. М.
Учредитель Назаров А. М.

Ким Э. М.,

Спонсор: торговая компания «АГГА Компани ЛТД»,
директор Готман Александр Михайлович.

Автор также выражает благодарность за содействие в издании книги «Всю жизнь с Абаяем» директору ЧП «Билим» Кульжанову Шайкелу Мырзабекулы, генеральному директору ОПО «Полиграфия» Имангалиеву Елемесу Имангалиулы, главному инженеру Садубаевой Бахыт Садубайкызы, генеральному директору АО «КА ПОЛИГРАФИЯ» Амрому Михаилу Борисовичу.

Цена договорная

Полное предприятие ОПО «Полиграфия» г. Сем-ск 1995 г.
Заказ № 363 Тир. 632 экз. объем 14 усл. п. ч.

Слово поэта Олжас	
Устремленность (О книге Романа Семеновича)	201
Куандык Машхур — Жусупов — писатель, внук поэта	210
Высота за высотой (О Рынгали Нургалиеве)	218
Книга с трудной судьбой (О монографии Каюма	
Мухамедханова «Поэты — ученики Абая»)	219
Заключение	222

Редакторы Иванова Т. М.,
Султанбеков О. М.
Учредитель Назаров А. М.

Ким Э. М.,

Спонсор: торговая компания «АГГА Компани ЛТД»,
директор Готман Александр Михайлович.

Автор также выражает благодарность за содействие в издании книги «Всю жизнь с Абаем» директору ЧП «Билим» Кульжанову Шайкену Мырзабекулы, генеральному директору ОПО «Полиграфия» Имангалиеву Елемесу Имангалиулы, главному инженеру Садубаевой Бахыт Садубайкызы, генеральному директору АО «КА ПОЛИГРАФИЯ» Амрому Михайлу Борисовичу.

Цена договорная

Полное предприятие ОПО «Полиграфия» г. Сем-ск 1995 г.
Заказ № 363 Тир. 632 экз. объем 14 усл. п. ч.

Слово поэта Олжас	
Устремленность (О книге Романа Семеновича)	201
Куандык Машхур — Жусупов — писатель, внук поэта	210
Высота за высотой (О Рынгали Нургалиеве)	218
Книга с трудной судьбой (О монографии Каюма	
Мухамедханова «Поэты — ученики Абая»)	219
Заключение	222

Редакторы Иванова Т. М.,
Султанбеков О. М.
Учредитель Назаров А. М.

Ким Э. М.,

Спонсор: торговая компания «АГГА Компани ЛТД»,
директор Готман Александр Михайлович.

Автор также выражает благодарность за содействие в издании книги «Всю жизнь с Абаем» директору ЧП «Билим» Кульжанову Шайкену Мырзабекулы, генеральному директору ОПО «Полиграфия» Имангалиеву Елемесу Имангалиулы, главному инженеру Садубаевой Бахыт Садубайкызы, генеральному директору АО «КА ПОЛИГРАФИЯ» Амрому Михаилу Борисовичу.

Цена договорная

Полное предприятие ОПО «Полиграфия» г. Сем-ск 1995 г.
Заказ № 363 Тир. 632 экз. объем 14 усл. п. ч.

Слово поэта Олжас	
Устремленность (О книге Романа Семеновича)	201
Куандык Машхур — Жусупов — писатель, внук поэта	210
Высота за высотой (О Рынгали Нургалиеве)	218
Книга с трудной судьбой (О монографии Каюма	
Мухамедханова «Поэты — ученики Абая»)	219
Заключение	222

Редакторы Иванова Т. М.,
Султанбеков О. М.
Учредитель Назаров А. М.

Ким Э. М.,

Спонсор: торговая компания «АГГА Компани ЛТД»,
директор Готман Александр Михайлович.

Автор также выражает благодарность за содействие в издании книги «Всю жизнь с Абаяем» директору ЧП «Билим» Кульжанову Шайкелу Мырзабекулы, генеральному директору ОПО «Полиграфия» Имангалиеву Елемесу Имангалиулы, главному инженеру Садубаевой Бахыт Садубайкызы, генеральному директору АО «КА ПОЛИГРАФИЯ» Амрому Михаилу Борисовичу.

Цена договорная

Полное предприятие ОПО «Полиграфия» г. Сем-ск 1995 г.
Заказ № 363 Тир. 632 экз. объем 14 усл. п. ч.